

РЕГИОНОЛОГИЯ

Научно-
публицистический
журнал

Учредители:

Министерство
образования
и науки
Российской
Федерации

Правительство
Республики Мордовия

НИИ регионологии
ГОУВПО «Мордовский
государственный
университет
им. Н. П. Огарева»

Журнал издается
с октября 1992 г.

Выходит 1 раз
в квартал

3/2010
(№ 72)

СОДЕРЖАНИЕ

Проблемы федерализма

- 4 **Д. В. Давыдов.** Симметрия и асимметрия в устройстве федеративного государства
- 15 **И. Г. Напалкова.** Взаимодействие центра и национальной периферии Российской империи

Политическое пространство региона и территориальное управление

- 23 **М. В. Кирчанов.** Региональная модель политического развития в Российской Федерации
- 30 **М. Н. Казакова.** Региональные приоритеты национальной безопасности России: внешнеполитическое измерение
- 37 **С. И. Малоземов.** Механизмы реализации и последствия нижегородской модели аграрной политики России
- 45 **Е. А. Пономарева, А. С. Царьков.** Проблемы и направления стратегического планирования развития территориальных образований
- 53 **С. Г. Четошников.** Использование региональных целевых программ в решении социальных проблем сельско-городских территорий

Экономика региона

- 59 **Л. Р. Батукова.** Оценка уровня инновационности инвестиционных проектов
- 69 **И. Н. Крутова.** Диверсификация риска ставки процента по инвестиционному кредиту в АПК регионов
- 75 **Е. Н. Мальченков.** Эффективность инвестиционной деятельности в регионе
- 83 **С. С. Кулаков, О. Г. Кулакова.** Развитие системы менеджмента качества в регионе
- 87 **М. М. Гудов, Э. Р. Цулая.** Финансовые аспекты реализации программ социального развития села

Редколлегия:

А. И. СУХАРЕВ
(главный редактор)
П. Ф. АНИСИМОВ
Н. М. АРСЕНТЬЕВ
И. В. БАХЛОВ
С. М. ВДОВИН
В. Д. ВОЛКОВ
Н. И. ВОРОНИНА
В. И. ГРИШИН
Д. В. ДОЛЕНКО
В. В. ИВАНОВ
Л. В. КАЛАЧИНА
(ответственный секретарь)
Б. Ф. КЕВБРИН
В. В. КОЗИН
(заместитель главного редактора)
В. В. КОНАКОВ
Н. С. КРУТОВ
Г. Ф. КУЦЕВ
Н. П. МАКАРКИН
В. В. МАРЕСЬЕВ
М. В. МОСИН
В. А. НЕЖДАНОВ
В. А. НЕЧАЕВ
С. В. ПОЛУТИН
В. А. ЮРЧЕНКОВ

- 93 **Н. А. Скворцова, Е. В. Потапова.** Развитие интеграционных процессов в звеньях региональной хозяйственной системы
- 98 **О. А. Барашков.** Региональная и отраслевая специфика использования финансового лизинга в инвестиционных процессах
- 106 **Р. В. Некрасов.** Использование механизмов государственно-частного партнерства при формировании кластеров в АПК региона
- 117 **Е. В. Ненюкова.** Повышение эффективности производства продукции свиноводства как фактор обеспечения продовольственной безопасности региона
- 122 **Л. В. Инюткина.** Основные продуктовые стратегии фармацевтических производителей
- 131 **Н. В. Баулина.** Ипотечное земельное кредитование в мордовском крае в конце XIX — начале XX в.

Региональные проблемы науки и образования

- 139 **В. Г. Арискин.** Программно-целевой подход в решении задач научно-инновационного развития региона
- 144 **Т. В. Какатунова.** Организация взаимодействия субъектов инновационной среды региона
- 149 **С. А. Щанкин, Д. А. Колосков.** Перспективы инновационного развития региона в условиях преодоления экономического кризиса
- 156 **О. В. Козина.** Проблемы развития социально-педагогической компетентности преподавателей среднего профессионального образования в регионе
- 164 **О. В. Фонова.** Внедрение двухуровневой схемы регионального бюджетного финансирования начального и среднего профессионального образования
- 172 **А. С. Дудкин.** Параметры и индикаторы доступности получения образования для детей-инвалидов в регионе

Социология региона

- 178 **Н. В. Проказина.** Развитие массового уровня социологической культуры в регионе
- 183 **А. М. Нагимова.** Проблемы измерения и интерпретации качества жизни населения региона
- 189 **А. Л. Кузеванова.** Ценностные принципы бизнес-деятельности в регионе: социологический аспект
- 197 **В. П. Бабинцев, Т. И. Морозова.** Самоорганизация молодежи в обществе риска как проблема социокультурной рефлексии: региональный аспект
- 209 **А. А. Зинин.** Ресурсные стратегии и притязания молодежи региона
- 214 **Н. П. Касаткина.** Социально-профессиональные ориентации учащейся молодежи региона
- 224 **Р. А. Сайфутдинов.** Проблема типологии армейской субкультуры
- 231 **В. И. Газетов.** Феминизация армии: социологический аспект

Информационное пространство региона

- 237 **О. А. Полухина.** Потребление ИТ-услуг в регионе

Философия в регионе

- 243 **И. О. Надточий.** Научная этика в свете философии: опыт воронежской школы этики
- 253 **О. Е. Насакин.** Культура и творчество в духовной традиции России: прошлое и настоящее
- 260 **О. В. Доля.** Философско-антропологические вопросы воспитания и образования в работах Н. И. Пирогова
- 269 **Е. О. Колоколова.** К вопросу о понятии «кооперация»: социально-философский анализ

Провинциальная культура

- 275 **А. А. Махнин.** Архитектурная среда Ярославля и Рыбинска 1930-х — 1950-х гг.
- 281 **Л. А. Башинская.** Обогащение художественного языка русского театра кукол под влиянием театра теней
- 289 **В. В. Митина.** Структура культурного кода женского традиционного костюма мордвы
- 298 **Т. А. Шигурова.** Ритуальный национальный костюм как способ социально-культурной идентификации его владельца

306

Юбилей ученого

Д. В. ДАВЫДОВ

СИММЕТРИЯ И АСИММЕТРИЯ В УСТРОЙСТВЕ ФЕДЕРАТИВНОГО ГОСУДАРСТВА¹

Ключевые слова: федерализм, симметрия, асимметрия, асимметричный федерализм, элементы асимметрии, типология асимметричных систем, преимущества и недостатки асимметричного федерализма

Key words: federalism, symmetry, asymmetry, asymmetric federalism, asymmetry elements, asymmetry systems typology, advantages and disadvantages of asymmetric federalism

В последнее время вопросы симметрии и асимметрии в федеративном устройстве государства стали привлекать особое внимание исследователей. В научный оборот был введен термин «асимметричный федерализм», которым стали обозначать федеративные отношения, основанные на неравенстве единиц, составляющих федерацию, в политических, административных, финансовых и иных сферах, и допускающие вариативность во взаимоотношениях субъектов федерации с центральной властью. Появилась классификация федеративных государств на симметричные и асимметричные, при этом к числу первых относят федерации, состоящие лишь из однопорядковых и одностатусных частей с равным набором полномочий. Необходимо учитывать, что в чистом виде симметричные федерации существуют только в теории, на практике же в любом современном федеративном государстве встречаются элементы асимметрии.

Появление интереса к проблеме федеративной симметрии и асимметрии во многом обусловило осознание значимости этих вопросов в государственном строительстве, а также той огромной роли, которую они играют в судьбе любого

¹ ДАВЫДОВ Дмитрий Владимирович, научный сотрудник отдела мониторинга социальных процессов Научного центра социально-экономического мониторинга Республики Мордовия.

федеративного государства. Между тем относительно недавно исследователи не обращали серьезного внимания ни на случаи асимметрии в пределах федеральных политических систем, ни на роль и значение асимметрии в функционировании таких систем, а единственным обращением к проблеме долгое время оставалась статья Ч. Д. Тарлтона «Симметрия и асимметрия как элементы федерализма: теоретическое предположение», опубликованная в 1965 г. Подобное упущение было обусловлено тем, что в классических федерациях — США (1789), Швейцарии (1848), Австралии (1901) — субъектам был определен равный статус и одинаковый набор властных полномочий, и исследования федеральных систем опирались на то, что такая симметрия является нормой для федеративного государства. Тарлтон же предлагает обратить внимание не на формализованные федеральной конституцией отношения, а на региональное разнообразие и многочисленные каналы, с помощью которых каждый член федеративной системы взаимодействует с центральной властью и с другими субъектами федерации. В этом случае легко обнаружить, что политические, экономические, культурные и социальные различия членов федерации часто способствуют возникновению асимметричных отношений внутри федеративной системы². Тарлтон определяет симметрию как «соответствие и общность в отношении каждой территориальной политической единицы к системе в целом и к другим единицам»³, т. е. как однородность членов федерации в пределах федеративной системы, тогда как асимметрия, по его мнению, находит свое выражение в обладании членами федерации различными степенями автономии и набором властных полномочий. При асимметрии в федеративной системе составные единицы имеют «некие характерные особенности», которые выделяют их из однородной массы субъектов⁴.

Однако настоящий интерес исследователей к проблеме федеративной асимметрии появился лишь в 90-е гг. XX в., когда элементы асимметрии стали активно внедряться в практику значительного числа федеративных государств (Канада, Россия, Индия, Бельгия и др.), увеличилось количество таких государств, а детальное изучение современных федераций привело исследователей к открытию, что все они в той или иной степени асимметричны.

Так, элементы асимметрии были найдены даже в традиционно считавшихся симметричных ФРГ, США, Австралии. Например, Д. Элейзер в федеративной системе США, помимо 50 симметричных штатов, обнаруживает и образования иного типа: 2 союза, 3 ассоциированных государства, 3 самоуправляемые территории, 3 невключенные территории, а также порядка 130 индейских племен (по сути представляющих собой союзы)⁵. Все они не вписываются в симметричную модель федеративного устройства, у них установлены асимметричные отношения с Вашингтоном. Так, ни у одной из этих территорий нет представительства в Конгрессе, а на их жителей, даже в случае обладания ими американского гражданства, не распространяются все положения Билля о правах (право голоса). Не стоит забывать, что из внешне вроде бы симметричной конструкции американской федерации выпадает столичный округ Колумбия.

Было замечено, что большим разнообразием отличаются сферы проявления асимметричного федерализма. Так, Х. Мартинес-Вазкес находит элементы асимметрии в политической, административной и финансовой сферах. При асимметрии в политической сфере некоторые регионы обладают большей политической автономией, могут иметь некоторые атрибуты государственности, которых лишены другие субъекты федерации. Административная асимметрия регионов подразумевает их неравенство в правах по установлению заработных плат, приему персонала и др. Одними из проявлений финансовой асимметрии могут быть различный доход и назначение расходов субъектов федерации, разный уровень налоговых отчислений в федеральный центр и дотаций из него⁶.

Обращает на себя внимание и то, что проблемы симметрии и асимметрии имеют две плоскости: симметричность и асимметричность непосредственно самих субъектов федерации (горизонтальная асимметрия) и неравенство субъектов в отношениях с федеральным центром, его закрепление в институциональной структуре федеративного государства (вертикальная асимметрия).

Столкнувшись с многообразием форм и аспектов федеративной асимметрии, исследователи попытались их описать, классифицировать по группам, выявить предпосылки возникновения, оценить преимущества и опасности асимметричных

мер. Так, Р. Уоттс предлагает выделять два типа асимметрии: политическую и конституционную⁷. Политическая асимметрия является результатом воздействия культурных, экономических, социальных и политических условий, определяющих мощь и влияние различных региональных образований в отношениях друг с другом и с федеральным центром. Как правило, политическую асимметрию вызывают различия в численности населения, размере территории, экономической мощи, ресурсном богатстве различных регионов. Этот вид асимметрии встречается в любом федеративном государстве. Действительно, субъекты федерации не одинаковы, не равны и равны быть не могут.

Не уменьшая значения других, в качестве фундаментального фактора политической асимметрии, на наш взгляд, следует назвать численность населения субъекта федерации. Именно она во многом определяет политическое влияние субъекта в пределах федерации, поскольку демографические различия регионов порождают неравное представительство в федеральном законодательном органе. Чем более многочисленное население имеет субъект федерации, тем больше на его территории создается избирательных округов, а также, следовательно, тем выше его представительство в нижней палате законодательного органа и уровень защиты региональных интересов.

В принципе это предоставляет крупным регионам больше возможностей для создания блоков с целью формирования при прочих равных условиях большинства за счет «своих» депутатов. Собственно не исключается и блокирование относительно небольших по численности населения регионов, но в этом случае в блок должно войти гораздо большее количество субъектов федерации.

Очевидно, что особенно сильное влияние на роль субъекта федерации в федеративных отношениях численность населения оказывает в тех случаях, когда по этому показателю она явно доминирует над остальными. Ярким примером такого доминирования является роль России в пределах СССР, сосредотачивавшая в 1989 г. 51,4 % населения⁸. Кроме того, схожую роль играла Чешская Республика в Чехословакии, Восточная Бенгалия — в Пакистане и др. Как видно из представленных примеров, практика подобного демографического доминирования одного субъекта нередко может

быть разрушительной и провоцировать в федеративных отношениях определенную напряженность, следствием которой может стать распад государства. В то же время наличие крошечных субъектов федерации также не способствует целостности и гармонии внутри федеративной системы, поскольку страх таких субъектов относительно того, что их интересы могут быть попораны крупными регионами, вполне может явиться источником напряженности.

Другой вид асимметрии, присутствующий не во всех федеративных государствах, Р. Уоттс обозначил как конституционную асимметрию. Он выражается в разном наборе полномочий субъектов федерации, закрепленном федеральной конституцией. Теоретически конституционная симметрия в федеративном государстве, в отличие от политической, вполне возможна и выражалась бы она в равноправии субъектов федерации: каждый член федеративного государства поддерживает одинаковые отношения с центральной властью (в частности, в области разделения власти, представительства и поддержки деятельности национального правительства и др.). Однако на практике в большинстве федераций определенные элементы асимметрии закрепляются в законодательном порядке.

Так, в Российской Федерации конституционно закреплены 6 типов субъектов Федерации: республика, область, край, город федерального значения, автономный округ и автономная область. Конституция РФ делает различие между автономными округами и другими типами субъектов. Особенность первых заключается в том, что они одновременно являются и частью другого субъекта, и частью самой федерации. Кроме того, с провозглашением равенства субъектов Федерации в Конституции РФ (ст. 5) закреплено различие республик и других субъектов Федерации. Республики названы государствами (правда, это положение содержится в скобках), они имеют конституции, гражданства и ряд других атрибутов государственности. Другие же субъекты РФ имеют уставы и атрибуты административной территории. Подобные различия могут показаться номинальными. Более или менее реальным преимуществом республик является их право устанавливать свои государственные языки. Это положение способно провоцировать республики на введение языковых цензов для занятия государственных должностей,

т. е. на определенное ущемление прав представителей нетитульных этносов.

Схожие моменты асимметрии мы можем наблюдать и в других федеративных государствах, например, в Индии. Так, лишь один индийский штат Джамму и Кашмир имеет свой конституционный закон, свое гражданство. Особым правовым статусом обладает Сикким. В частности, индийский парламент может принимать законы, относящиеся к Сиккиму, только с согласия парламента последнего⁹. Некоторые мелкие штаты, напротив, ограничены в правах (Мегхалая, Нагаленд). Подобная особенность есть и у федеративной системы Танзании, где лишь Занзибар имеет свою конституцию. В ФРГ Бавария и Саксония имеют некоторые самостоятельные международные права и свои конституции, где они именуются не землями, а государствами¹⁰. Штат Луизиана вошел в федерацию США на основе зафиксированного права свободы выхода, в то время как все другие штаты такого права не имеют.

Очевидно, что объективную основу для конституционной асимметрии создает политическая асимметрия. Введение подобных конституционных различий обусловлено необходимостью юридически отразить неравенство субъектов с точки зрения их размера и населения, социальной, культурной и этнической специфики, экономического положения.

Выделяют несколько способов установления конституционной асимметрии¹¹. Первый способ заключается в усилении федеральной власти (следствием которого неизбежно станет ослабление региональной власти) в отдельных субъектах федерации для выполнения определенных специфических функций внутри федеративного государства. Подобные нормы действовали в Индии, в прекратившей свое существование в 1963 г. федерации Родезии и Ньясаленда.

Второй способ противоположен первому. Его сущность состоит в расширении властных полномочий некоторых субъектов (усиление региональной власти и ослабление федеральной власти). В качестве примеров можно отметить особое положение штатов Сабах и Саравах в Малайзии (сфера их компетенции шире, чем у других членов этой федерации)¹², уже упоминавшееся особое положение штата Джамму и Кашмир в Индии. С момента возникновения Канадской федерации в стране существовали конституционные

асимметрии, связанные с лингвистическими гарантиями в образовании, использованием французского языка в законодательном органе, судах и др.¹³ Как правило, подобный шаг является уступкой, сделанной с тем, чтобы не допустить развитие конфликтной ситуации между федеральным центром и регионом, попытаться сохранить целостность федерации. Например, итогом первой военной кампании в Чечне стал особый статус мятежной республики в составе Российской Федерации. Чечня могла иметь свою валюту, вооруженные силы, пограничный режим, режим въезда и выезда. Ничего подобного у других субъектов Федерации не было.

При третьем способе установления конституционной асимметрии формально сохраняется симметричное распределение властных полномочий между субъектами федерации, однако при этом существуют условия, позволяющие различным уровням власти в федеративном государстве делегировать некоторые свои полномочия другому уровню. Так, в 1990-е гг. субъекты РФ заключали с федеральным центром договоры о разграничении предметов ведения и полномочий, в которых закладывались разные группы конкретных полномочий, осуществляемых органами власти субъектов Федерации.

Обращает на себя внимание спорность, дискуссионность обоснованности присутствия в федеративной системе элементов асимметрии. Исследователи едины лишь в том, что асимметрия в той или иной степени присутствует в любом федеративном государстве, тогда как при ее оценке их мнения существенно расходятся. Ряд ученых отстаивает необходимость использования элементов асимметрии в федеративной системе. В основном они исходят из того, что асимметричный федерализм является механизмом, с помощью которого сглаживаются проблемные моменты во внутрифедеративных отношениях, происходит притирка непохожих друг на друга регионов, становится возможным существование единого федеративного государства. Одна из важнейших миссий асимметричного федерализма, с которой он зачастую вполне успешно справляется, заключается в защите национально-культурных различий, объективно существующих в обществе. А. Ганьон указывает на то, что провинция Квебек, будучи источником культуры, отличной от культуры англоязычных провинций, заслуживает больших полномочий, чем провинция, которая является просто подразделением более широкого культурного образования¹⁴.

Асимметричный федерализм в гораздо большей степени учитывает интересы (далеко не всегда совпадающие) субъектов федерации, что способствует развитию нормальных федеративных отношений и укреплению основ федеративного устройства, в то время как симметричная организация федеративного государства ведет к примитивной унификации регионов и способствует возникновению конфликтного потенциала в федеративных отношениях.

В. Е. Чиркин считает, что асимметричная федерация опирается на объективно существующие социально-экономические, исторические, национальные, географические и иные условия. Стремление игнорировать эти факторы путем искусственного выравнивания статуса субъектов федерации может в определенных условиях принести только вред¹⁵.

Исследуя российский федерализм, А. Хайнеманн-Грудер сделал вывод, согласно которому асимметрия (путем «договорной политики») создала предпосылки для федеративного «общественного договора» и обусловила переход России к подлинному федерализму. По его мнению, «посредством юрисдикционной асимметрии Россия ввела решающие элементы федеративного разделения полномочий и предпосылки для возникновения федеральной общности ценностей»¹⁶. Без этой меры политическая система России была бы простой заменой прежнего партийного централизма президентством и ни о каком подлинном федерализме не могло быть и речи.

Одним из главных аргументов противников асимметричного федерализма является то, что, по их мнению, асимметрия субъектов обеспечивает ресурсы и рычаги влияния для националистических элит. Введение в федеративную структуру элементов асимметрии может привести к дальнейшим призывам к увеличению автономии субъектов. Логическим завершением этого станет распад государства¹⁷. Ч. Д. Тарлтон полагает, что асимметрия создает почву для конфликтов в федерациях, тогда как федеративная симметрия является синонимом гармонии¹⁸. Тарлтон призывает стремиться к устранению элементов асимметрии в организации федеративного государства, при этом, по его мнению, «потенциал раскола» асимметрии может быть преодолен только усилением центральной власти¹⁹.

Р. Агранофф полагает, что «федеративная асимметрия может вызвать риск либо внутрифедеративной гегемонии

либо взрыва... Следовательно, необходима какая-то форма равновесия или управляемой асимметрии»²⁰. Отрицательно оценивает асимметричную федерацию и И. А. Умнова: «В асимметричной федерации, как правило, неизбежны конфликты и размежевание, так как различия между субъектами федерации становятся перманентным источником недовольства тех, кто необъективно ущемлен в правах»²¹.

Ж. Веббер отмечает, что оппозиция асимметричному федерализму нередко носит интуитивный характер, когда любой специальный статус региона и набор полномочий, отличный от того, которым обладают другие субъекты федерации, не принимается в принципе, поскольку противоречит некоей «идее справедливости»: предоставить специальные права одному региону означает ущемить права других²². При этом нельзя не отметить, что, например, в Российской Федерации некоторые субъекты не могут в полной мере использовать даже имеющиеся у них полномочия, но требуют при этом дополнительных полномочий, если таковые будут предоставлены другим регионам. Более того, в России значительное количество регионов не обладает экономической базой, необходимой для получения ими даже статуса субъекта Федерации.

Компромиссное мнение разделяют, в частности, Р. Уоттс и Х. Мартинес-Вазкес. Признавая, что асимметрия среди региональных единиц усложняет процесс координации регионов, Р. Уоттс отмечает, что во многих федерациях введение конституционной асимметрии явилось эффективным способом приспособления субъектов федерации, отличающихся большим разнообразием (в частности, находящихся на разных стадиях политического развития), к существованию в рамках единого государства. По мнению Уоттса, федеративная асимметрия опирается на объективно существующие различия между членами федерации, и различные асимметричные меры лишь приспособливают регионы с разными потенциалами к существованию в едином государстве в атмосфере полной политической стабильности. В то же время Р. Уоттс считает, что, говоря об успехах асимметричных мер в сохранении политического единства, не следует забывать и о менее ободрительных примерах федеративной асимметрии. По его мнению, одним из главных факторов распада федераций Вест-Индии (1962), Югославии (1991), СССР (1991),

раскола Пакистана (1971), выхода Сингапура из Малайзии (1965) стало существование значительного количества межрегиональных асимметрий. При этом асимметричные меры не только не уменьшили конфликт внутри федеративной системы, но и стали источником для еще большего противостояния субъектов федерации²³.

Х. Мартинес-Вазкес отмечает, что видимые преимущества асимметричного федерализма уравниваются определенными издержками. Асимметрия прав регионов означает и асимметрию прав проживающих в них граждан. Кроме того, асимметрия снижает возможности центрального правительства решать общенациональные задачи, снижает прозрачность и в целом чрезмерно усложняет административные отношения²⁴.

На наш взгляд, предпочтительнее занять именно промежуточную позицию в этом вопросе. Наличие элементов асимметрии в устройстве федеративного государства в ряде случаев может спасти его от опасностей внутрифедеративной напряженности и нестабильности, а в ряде других оно может привести к их возникновению. Все зависит от конкретных условий, обоснованности внедренных асимметричных мер, политической мудрости региональных и федеральных властей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья выполнена в рамках АВЦП «Развитие научного потенциала высшей школы» (2009—2010 годы). «Внутри- и внешнеполитические факторы эволюции территориальной организации России (специфика разрешения кризисных и переходных ситуаций)» (проект № 2.1.3/1134).

² См.: Tarlton Ch.D. «Symmetry and Asymmetry as Elements of Federalism: A Theoretical Speculation» // *Journal of Politics*. 1965. № 27. P. 861, 867.

³ Ibid. P. 867.

⁴ Ibid. P. 869.

⁵ См.: Elazar D.J. *Federal Systems of the World: A handbook of federal, confederal and autonomy arrangements*. Harlow, 1994. P. 275.

⁶ См.: Martinez-Vazquez J. *Asymmetric Federalism in Russia: Cure or Poison?* Atlanta. 2002. P. 13.

⁷ См.: Watts R.L. *Comparing federal systems in 1990s*. Kingston, 1999. P. 57.

⁸ См.: Лабутова Т. Ежегодник Большой советской энциклопедии. М.: Сов. энцикл., 1990. Вып. 34. С. 7—11.

⁹ См.: Ахмадеев А. Российский федерализм сегодня: особенности и пределы жизнестойкости // Бельские просторы. 2002. № 10. URL: http://www.hrono.ru/text/2002/ahmad_ross.html (дата обращения: 30.05.2010).

¹⁰ См.: Дробижина Л.М. Проблемы асимметричной федерации в глазах элиты и масс // Федерализм в России: сб. науч. тр. / под ред. Р. Хакимова. Казань: ИИ АНТ, 2001. С. 305.

¹¹ См.: Watts R.L. Comparing federal systems in 1990s. P. 60—61.

¹² См.: Конституция Малайской Федерации. URL: <http://worldconstitutions.ru/32> (дата обращения: 30.05.2010).

¹³ См.: Конституционный акт 1867 (Акт о Британской Северной Америке). URL: <http://www.canadiana.org/view/92338/0002> (дата обращения: 30.05.2010).

¹⁴ См.: Gagnon A. Multinational Democracy. Cambridge, 2001. P. 3.

¹⁵ См.: Чиркин В.Е. Модели современного федерализма: сравнительный анализ // Государство и право. 1994. № 8—9. С. 153.

¹⁶ Heifemann-Gruder A. Taming the Beast: Asymmetry, Federal Integration and Heterogeneous State in Russia. Berlin, 1998. P. 6.

¹⁷ См.: Obydenkova A. The Role of Asymmetrical Federalism in Ethnic-Territorial Conflicts in the Era of Democratization: the RF as a case study // EUI Working Paper SPS. 2004. № 16. P. 22.

¹⁸ См.: Tarlton Ch.D. «Symmetry and Asymmetry as Elements of Federalism: A Theoretical Speculation». P. 872.

¹⁹ Ibid. P. 872, 874.

²⁰ Agranoff R. Asymmetrical Federalism in Spain: Design and Outcomes // XVth World Congress IPSA. Berlin, 1994. P. 3.

²¹ Умнова И.А. Конституционные основы современного Российского Федерализма. М.: Дело, 1998. С. 40.

²² См.: Webber J. Reimarrin Canada: Language. Culture. Community and the Canadian Constitution. Montred & Kingston, 1994. P. 314.

²³ См.: Watts R.L. Comparing federal systems in 1990s. P. 109—115.

²⁴ См.: Martinez-Vazquez J. Asymmetric Federalism in Russia ... P. 14.

Поступила 10.06.10.

И. Г. НАПАЛКОВА

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЦЕНТРА И НАЦИОНАЛЬНОЙ ПЕРИФЕРИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ¹

Ключевые слова: Российская империя, центр, периферия, механизмы политического управления, национальные окраины

Key words: Russian Empire, centre, periphery, political management mechanisms, national suburbs

Российская империя представляла собой крупное многонациональное государство, объединявшее народы со значительными социокультурными, экономическими, конфессиональными отличиями. Эта ситуация определяла дифференцированный подход российских властей к интеграции различных территорий и народов, их населяющих, в состав империи.

Территория Российской империи к концу XIX в. составляла 22,4 млн км² (т. е. 1/6 часть суши), что значительно превышало территорию всех европейских государств. Согласно переписи населения 1897 г., ее население составляло 128,2 млн чел. (в том числе население Европейской России было 93,4 млн чел., Царства Польского — 9,5 млн чел., Великого княжества Финляндского — 2,6 млн чел., Кавказского края — 9,3 млн чел., Сибири — 5,8 млн чел., Средней Азии — 7,7 млн чел.). В стране проживало более 100 народов, русские составляли 43 % населения. Территория Российской империи в 1914 г. делилась на 81 губернию и 20 областей, насчитывался 931 город².

Империя, включая в свой состав тот или иной регион, начинала его интеграцию в имперское политико-административное пространство, последовательно используя окраины как военную и экономическую базу для дальнейшего расширения. «Империя — это, прежде всего, этнически гетерогенная великая держава, стремящаяся к максимальному

НАПАЛКОВА Ирина Геннадьевна, докторант кафедры всеобщей истории и мирового политического процесса Мордовского государственного университета.

увеличению своей мощи и расширению идеологической, политической, экономической, культурной власти над другими территориями». С этой точки зрения «форма государственного правления оказывается второстепенным фактом. Главным выступает сущностное содержание — метаисторическая реализация доминирующей власти над крупными регионами мира»³.

Одной из ведущих задач имперской власти выступала интеграция гетерогенного пространства (в этнокультурном и социально-экономическом отношении) в единый социально-политический «организм»⁴. Освоение территории обычно начиналось с создания опорных военно-промышленных пунктов и установления внешних границ, обеспечивающих безопасность империи. На этом этапе большую роль играли частные инициативы, которые координировались государством. Затем начиналась хозяйственная колонизация. Экономическое освоение того или иного региона приводило к миграциям либо выходцев из региональных центров, либо иностранных колонистов (если они становились подданными Российской короны) с целью упрочнения имперского влияния. В регионах с беспокойными соседями формировались новые казачьи войска (на Северном Кавказе, Дальнем Востоке, в Сибири), охранявшие рубежи страны. Другие земли заселялись обычными крестьянами — государственными или частновладельческими.

Правительство, с одной стороны, преследовало самовольных мигрантов, с другой — создавало необходимые условия для легальных переселенцев, например, выделяло денежные пособия «на обзаведение», временно освобождало от рекрутской повинности и уплаты налогов и др. Постепенно размеры различных льгот увеличивались. Право на переселение получали те крестьяне, размер земельного надела которых в местах их первоначального проживания оказывался меньше 8 десятин на ревизскую душу мужского пола⁵. Нередко многие самовольные мигранты не только не возвращались назад, но и получали землю, ряд льгот и причислялись к крестьянским общинам. В переселенческом процессе доминировали русские мигранты, так как составляли почти 50 % населения империи. Заметную роль в заселении окраин играли также украинцы, татары, чуваша, мордва, марийцы и др.

Обычно на вновь присоединяемых землях производилось межевание. Новые переселенцы допускались, как правило, на никем не занятые участки. Иногда часть земли покупалась у местного населения. Часто складывалась мозаичная и чрезвычайно пестрая картина расселения многоэтнического населения (особенно в Поволжье и Приуралье). При этом местное население никогда не лишалось своих земель и не переселялось в резервации. Эмиграция в Российской империи долго не получала значительного распространения. До конца XVIII в. лишь небольшие группы переселенцев (русские и украинские казаки, крестьяне-старообрядцы) уходили на невошедшие в состав империи земли.

После определения административно-политического статуса региона вырабатывалась оптимальная модель взаимоотношений региональной власти и центра. Выстраивалась имперская инфраструктура региона, шло его культурное освоение. Затем происходило имперское «поглощение» региона путем создания унифицированных управленческих структур, распространения на окраины реформ, апробированных в центре страны, а также экономической и социокультурной модернизации.

Входя в состав Российской империи, территории не теряли своего самоуправления. Право на него содержится в Судебниках 1497 и 1550 гг., Соборном Уложении 1649 г., Своде законов Российской империи. Но при этом разные территории империи имели разную степень самоуправления.

Выделяются три типа территорий в Российской империи, различающихся степенью самостоятельности.

Во-первых, *губернии Российской империи*. Этот тип был характерен для территорий, на которых проживало в основном русское население, а также Прибалтики, Закавказья и Туркестана. На этих территориях при наличии управленческой системы унитарного государства (генерал-губернаторства) имелись и органы самоуправления: сначала сословные, а позже — земские. Эти структуры занимались вопросами местного самоуправления, их существование было совместимо со структурами унитарного государства, так как их функции не пересекались. Имперские структуры занимались фискальными, промышленными, правоохранными вопросами, а структуры самоуправления ведали вопросами организации местного коммунального хозяйства, культурной жизни.

Особыми преференциями пользовалась местная знать в силу того, что она выступала проводником интеграционных процессов. «Сохранение, наряду с собственно имперскими институтами господства, традиционных элит позволяет сконцентрировать процессы унификации в ключевых с политической и военно-стратегической точки зрения зонах, снизить в этих зонах уровень культурной и ментальной гетерогенности до некоего приемлемого для империи уровня (речь идет в первую очередь о культуре политической) и сохранить в неприкосновенности традиционные стереотипы социального действия в тех сегментах, вторжение в которые необязательно с точки зрения поддержания имперской стабильности, но чревато жестко негативной реакцией»⁶.

Знать большинства провинций без проблем получала права русского дворянства. Требовалось лишь соблюдать династическую и государственную лояльность (даже вероисповедание не было для империи решающим фактором). В результате среди целого ряда этносов удельный вес потомственного дворянства был заметно выше, чем у русских⁷.

Административные посты в империи замещались в основном русскими (и православными) как наиболее лояльными империи управленцами, а также представителями тех этносов, в преданности которых имперская власть долгое время не сомневалась (немцы, грузины). По подсчетам Б. Н. Миронова, в 1850-е гг. доля нерусских чиновников равнялась 16 %. В составе Государственного Совета в начале века лиц неправославного исповедания было чуть больше 12 %. В среде высшей бюрократии максимальная доля нерусских и инославных в 1853 г. составляла 32,7 %, снизившись к 1917 г. до уровня в 11,8 %. В 1867—1868 гг. 23 % всех офицеров были инославными (эта доля снизилась к 1912 г. до 11 %). Только удельный вес нерусских генералов вырос за это же время с 15 до 20 %⁸.

Во-вторых, *автономии Российской империи — Польша и Финляндия*. У Польши была собственная Конституция и законодательная власть — Сейм, в состав которого входил Король (русский император), Сенат и Посольская изба. Финляндия тоже имела свои органы власти и управления, свою судебную систему. Ее законодательство было обособлено от законодательства Российской империи.

В-третьих, *протектораты Российской империи*. Россия имела договоры о покровительстве с Хивинским ханством,

Бухарским эмиратом и Урянхайским краем (нынешняя Тыва). В обмен на покровительство российской власти передавались права внешних сношений и военной защиты этих территорий, а русские купцы получали права на льготную торговлю.

Таким образом, имперская экспансия сформировала к 80-м гг. XIX в. особое российское имперское пространство, главной особенностью которого была крайняя этнокультурная, политическая и экономическая разнородность.

С наибольшими основаниями в качестве метрополии можно было бы рассматривать выделявшиеся во всех до-революционных описаниях 50 губерний Европейской России. Однако сама эта часть империи была весьма неоднородной как с точки зрения истории ее формирования, так и с точки зрения этнического и конфессионального состава населения и его отношения к имперскому центру. В то же время и за пределами Европейской России находились значительные пространства, ощущавшиеся более «коренными», нежели, скажем, Лифляндская, Курляндская, Эстляндская или Бессарабская губернии, входившие в ее состав⁹.

По-видимому, если метрополия и существовала в Российской империи, а затем и Советском Союзе, то ее невозможно выделить по чисто территориальному признаку. Скорее всего, это было некое территориально-цивилизационное пространство, некоторая не имевшая четких географических границ область преимущественного расселения и жизнедеятельности основного имперского этноса (или основных этносов) — восточных славян. Само понятие метрополии при таком подходе становится довольно условным и расплывчатым. Многие части Российской империи занимали промежуточное положение, были в чем-то колониями, а в чем-то и частями метрополии, находились ближе то к одному, то к другому.

Так, уже в XIX в. колонизация Сибири осознавалась русскими сибиряками как историческая миссия Европейской России, которая незримо присутствовала за ее спиной, они чувствовали себя представителями России. «С приобретением Сибири началось наступление на Азию европейского и русского мира»¹⁰. Русское население Сибири выступало в качестве коллективного колонизатора по отношению к укоренившимся здесь ранее народам. Частично Сибирь выполняла функции метрополии по отношению к Казахстану и Средней Азии (Степной край с центром в Омске). С другой

стороны, по мере того как «европейский и русский мир» укоренялся в Сибири, и здесь складывались внутренние хозяйственные связи, свои экономические и культурные центры, возникали и местные центробежные (по отношению к метрополии) силы, которые не прочь были представить Сибирь как колонию¹¹.

Еще более показателен пример Украины, которая была одной из главных колонизационных баз империи и, казалось бы, никак не могла рассматриваться как колония. Однако на протяжении XX — начала XXI в. тема колониальной эксплуатации Украины Россией постоянно возникает по мере развития украинского национализма, а нередко входит и в более общий контекст внутриимперской политической борьбы. В октябре 1914 г. в Цюрихе В. И. Ленин выступил перед социал-демократической аудиторией с речью «Война и социал-демократия», которая, кстати, так и не была издана в Советском Союзе. В ней, в частности, он противопоставил положение украинцев в России и Австро-Венгрии и утверждал, что Украина «стала для России тем, чем для Англии была Ирландия: она нещадно эксплуатировалась, ничего не получая взамен». Ленин заявил, что «интересы международного и русского пролетариата требуют завоевания Украиной государственной независимости»¹².

Аргументируя колониальный статус Украины, ряд исследователей, например, О. Субтельный, приводит факт, что на Украине развивались преимущественно сырьевые отрасли, в 1913 г. на долю Украины приходилось 70 % добычи сырья и только 15 % мощностей обрабатывающей промышленности¹³. Но это были ранние этапы индустриализации, когда в России вообще почти не было современной обрабатывающей промышленности, в частности, машиностроения. Обрабатывающие отрасли находились в стадии формирования.

В то же время в украинофильской среде колониальное самоуничижение часто соседствовало с имперским самовозвеличением. Так, распад восточнославянского ядра империи и отделение Украины от России, которого добивались украинские сепаратисты, виделись им не как отделение колонии от метрополии, а как некое имперское «размножение делением», раскол метрополии с последующим переделом владений Российской империи и превращением Украины в европейскую колониальную державу.

В XIX в. главные очаги и центры модернизации были сосредоточены именно в европейской метрополии, в России и на Украине. Конечно, и пространство метрополии модернизировалось неравномерно, и здесь области быстрого промышленно-городского развития чередовались с застойными аграрными областями, но влияние новых экономических отношений, городской культуры, денежные отношения постепенно проникали повсюду. Здесь, как и везде, существовало региональное неравенство, и столичная элита стремилась использовать свое особое положение в собственных интересах, чем порождала претензии региональных элит — сибирской, уральской, украинской и др.

Но столичные и региональные элиты действовали заодно в том смысле, что они подстегивали модернизацию, вовлекали в нее все новые и новые части империи, в первую очередь восточнославянские, хотя, конечно, отдельные центры модернизации были и в «иностранческих» районах.

Таким образом, взаимодействия имперского центра и национальной периферии на различных этапах позволяют выделить некоторые его специфические черты. Во-первых, в ходе присоединения территорий основной задачей становилась интеграция локального этнокультурного, гетерогенного, социально-экономического пространства в империю. Во-вторых, отсутствовал единообразный механизм управления имперской территорией, в результате чего применялись разные модели административного устройства и органов управления для основной части (центральное управление) и окраин (управление с элементами автономии). В-третьих, степень автономии национальной периферии определялась характером присоединения и лояльностью местного населения (в лице элиты) к имперской власти. В-четвертых, активно использовались методы военного управления и армия как гарант восстановления стабильности и обеспечения имперской безопасности и др.

Таким образом, можно сказать, что характер отношений центра и периферии в Российской империи определялся, с одной стороны, стремлением имперского центра к усилению своей власти и расширению периферии, с другой — отношение периферии к центру было более разнообразным: от стремления к независимости, автономии до лояльного или нейтрального отношения к установленной системе управления.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья подготовлена в рамках АБЦП Развитие научного потенциала высшей школы (2009—2010 годы). Проект 2.1.3 /1134 «Внутри- и внешне-политические факторы эволюции территориальной организации России (специфика разрешения кризисных и переходных ситуаций)».

² См.: Российская империя // Наука: энциклопедический проект. URL: <http://ru.science.wikia.com> (дата обращения: 07.06.2010).

³ Алексеев В.В., Алексеева Е.В. Распад СССР в контексте теорий модернизации и имперской эволюции // Отеч. история. 2003. № 5. С. 5.

⁴ См.: Щербина А.В. Влияние интеграционных и модернизационных процессов на Российскую империю (вторая половина XIX — начало XX столетия) // Логос. 2004. № 5. С. 202.

⁵ См.: Кабузан В.М. Движение населения в Российской империи // Отеч. зап. 2004. № 4. URL: <http://www.strana-oz.ru/?numid=19&article=903> (дата обращения: 07.06.2010).

⁶ Под стягом России: сб. архивных документов / сост. А.А. Сазонов, Г.Н. Герасимова, О.А. Глушкова С.К. Кистерев. М.: Рус. книга, 1992. С. 44—45.

⁷ См.: Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. СПб.: И.М. Сибиряков, 1892. С. 206.

⁸ См.: Российская империя ... С. 32—33.

⁹ См.: Бахлов И.В., Бахлова О.В., Давыдов Д.В. и др. Трансформация сложных территориальных систем: теоретические основы и методология многофакторного анализа: моногр. Саранск: Издат. центр Историко-социологического ин-та МГУ им. Н.П. Огарева, 2009. С. 110.

¹⁰ Ядринцев Н.М. Сибирь как колония ... С. 2—3.

¹¹ Там же. С. 5.

¹² Цит. по: Карр Э. История Советской России. Большевицкая революция 1917—1923. Кн. 1. Т. 1—2. М.: Прогресс, 1990. С. 371.

¹³ См.: Субтельный О. Украина: История. Киев: Либидь, 1994. С. 334.

Поступила 10.06.10.

М. В. КИРЧАНОВ

РЕГИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ключевые слова: Российская Федерация, регионы, федерализм, субъекты Федерации, Чувашская Республика, политические процессы, политический транзит, политические элиты, институт президентства, Н. В. Федоров, законодательство субъектов Федерации

Key words: the Russian Federation, regions, federalism, Russian Federation constituent entities, the Chuvash Republic, political processes, political transit, political elites, institute of presidentship, N. V. Fedorov, legislation of the Russian Federation constituent entities

Чувашский интеллектуальный дискурс на протяжении XX в. подвергался различным социальным и политическим трансформациям, что было обусловлено его функционированием в авторитарном обществе. Чувашские интеллектуалы предлагали различные концепции функционирования чувашского культурного пространства, среди которых были как ориенталистские, так и окциденталистские подходы.

В 90-е гг. XX в. в связи с началом демократического транзита в развитии чувашского политического дискурса наступил новый этап. Развитие политического пространства в Чувашской Республике 90-х гг. осложнялось многонациональным составом населения региона. Комментируя подобные общества, американские политологи А. Рабушка и К. Шепсли в 1972 г. констатировали, что «этнически плюральные общества не являются питательной средой для развития демократии»¹. Формирование нового типа политических отношений было тесно связано с процессами транзита (демократизацией²); федерализацией, пришедшей на смену советской модели жесткого административного управления³; активизацией ранее неформализованных политических дви-

КИРЧАНОВ Максим Валерьевич, преподаватель кафедры международных отношений и регионоведения Воронежского государственного университета.

жений и противоречий, которые искусственно сдерживались в рамках авторитарной модели⁴; развитием этнополитического федерализма; трансформацией институтов, игравших в советский период роль декораций, в органы политической власти субъектов Федерации⁵. Ю. А. Красин подчеркивает, что в процессе политического транзита в РФ региональный фактор играет особую роль наравне с социальными, политическими и экономическими особенностями перехода от авторитаризма к демократии⁶. Политические трансформации в Чувашии начались в конце 80-х гг. 24 октября 1990 г. Верховный Совет Чувашской АССР принимает «Декларацию о государственном суверенитете Чувашской Советской Социалистической Республики»⁷ и Закон Чувашской АССР «О декларации о государственном суверенитете Чувашской ССР», вызвавшие значительный национальный подъем, а также полемику в республиканской прессе⁸.

В этой ситуации Чувашская АССР провозглашалась Чувашской ССР. Это должно было привести к выравниванию ее статуса с союзными республиками. Проблема статуса республики обрела актуальность после распада СССР. Политические элиты в Чувашии активно включились в процесс конструирования нового политического пространства РФ, сделав свой вклад в федерализацию страны⁹. 13 февраля 1992 г. Верховный Совет республики принимает Закон «Об изменении наименования Чувашской ССР». Чувашская ССР становилась Чувашской Республикой. Кроме того, 17 октября 1991 г. были приняты законы Чувашской ССР «О Президенте Чувашской ССР» и «О выборах Президента Чувашской ССР». В соответствии с Законом Чувашской ССР «О выборах Президента Чувашской ССР», Постановлением Верховного Совета Чувашской ССР от 16 октября 1991 г. были назначены выборы Президента Чувашской ССР на 8 декабря 1991 г., которые состоялись 8 и 22 декабря 1991 г., но ни один из кандидатов на пост Президента Чувашской ССР не набрал необходимого количества голосов для избрания. В связи с этим Верховный Совет Чувашской Республики Постановлением от 25 декабря 1992 г. № 504 объявил мораторий на проведение выборов Президента Чувашской Республики до истечения срока полномочий действовавшего на тот момент Верховного Совета Чувашской Республики двенадцатого созыва. Выборы президента состоялись 12 и

26 декабря 1993 г. Первым Президентом Чувашской Республики был избран Н. В. Федоров¹⁰.

Начало процессов политического транзита, возрождение феномена многопартийности стали теми факторами, которые начали оказывать существенное влияние на социально-экономическое развитие Чувашии. Анализируя особенности демократизации в России, К. Марш указывает на то, что многонациональность в контексте федерализации может оказать противоречивое влияние на переход к демократии¹¹. Процесс федерализации России начался с утверждения новых типов политических идентичностей и завершился созданием новых политических институтов. 5 октября 1990 г. Верховный Совет Чувашской АССР принимает Постановление «О концепции государственной символики Чувашской Советской Республики», а также «Положение о концепции национально-государственной символики Чувашской Советской Республики». В Положении декларировалось, что «национальные Герб, Флаг и Гимн являются неотъемлемыми символами чувашской государственности. Они должны воплощать историческое прошлое чувашского народа, современное политическое состояние (олицетворять статус республики) и выражать его перспективу на будущее»¹². Принятие новой символики (на протяжении 1990—1992, 1997, 2004 гг.) имело принципиально важное значение, так как, с одной стороны, было призвано подчеркнуть континуитет с более ранними традициями чувашской государственности, с другой — повысить статус республики.

Развитие гражданского общества в Чувашии связано с деятельностью президента Н. В. Федорова, который выстраивал свою политику не на оспаривании федеральных принципов, а на учете интересов федерализма и чувашского движения, интеграции чувашского политического пространства в российский контекст, что рассматривалось им как одно из условий устойчивости политической системы. С другой стороны, институционализированный усилиями Н. В. Федорова режим мог возникнуть в результате «стихийной децентрализации, масштабного присвоения регионами функций и полномочий федерального центра»¹³. Власть Н. В. Федорова обрела устойчивость в результате процесса регионализации политического пространства и фрагментации политического процесса, его постепенной локализации. Подобные тенденции

не привели к распаду федерации, но плюрализировали сферу протекания политического процесса, в результате чего, по определению В. А. Ковалева, возник феномен «„не-московского” политического процесса»¹⁴. В такой ситуации Чувашия была важным актором федерализации России и фрагментации российского политического пространства. До начала президентства В. В. Путина политическая власть Н. В. Федорова не проявляла особого интереса к этнополитической составляющей, позволив им развиваться самостоятельно. Вероятно, следует принять во внимание и некий «русско-чувашский культурный симбиоз»¹⁵, о котором активно пишут сторонники реформы сложившейся модели федерализма. Н. В. Федоров склонен позиционировать себя именно как российский политик, уделяя внимание модернизации в целом, но не делая акцента на ее национальных составляющих. В ранний период президентства (1994—1996 гг.) он предпринимал меры, призванные подчинить фрагментированное политическое поле региона и выстроить новый политический дискурс. В этой ситуации первые меры первого чувашского президента вызвали недовольство со стороны ветеранов чувашского политического движения. Н. В. Федоров назначил на должность премьер-министра этнического татарина. Кроме того, Представительство Чувашской Республики в Российской Федерации было преобразовано в Представительство Чувашской Республики при высших органах государственного управления РФ¹⁶. В этом наиболее активное течение регионального гражданского общества усмотрело попытку понизить статус республики.

С другой стороны, Н. В. Федоров принадлежал к числу умеренных сторонников и защитников этнического федерализма, подобно представителям других политических сообществ РФ, институционализированных по национальному принципу¹⁷. Институционализация региональных политических режимов, в том числе и в национальных республиках РФ, стала возможной в результате проведения первым российским президентом политики «эксклюзивных отношений с регионами и политического фаворитизма»¹⁸. Определенные тренды, связанные с необходимостью развития гражданского общества и новой политической идентичности, присутствуют в посланиях Н. В. Федорова Государственному Совету Чувашской Республики. В Послании 1995 г.

Н. В. Федоров поставил амбициозную цель смены имиджа Чувашии и чувашей, указав на необходимость формирования новой привлекательной идентичности¹⁹. В Послании 1996 г. в качестве одной из целей государственной политики он декларировал «возродить чувашскую землю»²⁰. В Послании 1997 г. он акцентировал внимание на необходимости развития СМИ на чувашском языке, указывая на то, что Чувашская Республика принадлежит к числу тех субъектов РФ, где в 1990-е гг. не произошел спад выпуска литературы на национальном языке. Он упомянул о необходимости сохранения творческого наследия П. Хузангая²¹. В Послании 2005 г. Н. В. Федоров акцентировал внимание на специфике и уникальности чувашской истории, подчеркивая, что «история чувашей без преувеличения великая хотя бы потому, что они стойчески выдержали все мыслимые и немыслимые исторические испытания, выжили и сохранили себя, свой язык, свою самобытность и уникальность в условиях, когда за это же время исчезли сотни других народов на планете»²². В Послании 2006 г. Н. В. Федоров указывал на необходимость более активного развития и сохранения национальной культуры и т. д.²³

Таким образом, на протяжении 1990-х гг. Чувашская Республика, подобно другим субъектам РФ, стремилась в наибольшей степени воспользоваться теми возможностями, которые представились в рамках процессов федерализации России. Местные элиты уверенно контролировали политический дискурс, когда националистически ориентированные интеллектуалы были в оппозиции. Именно поэтому политическая власть Н. В. Федорова не обрела в 90-е гг. столь ярко выраженной региональной специфики, которая была характерна, например, для Татарстана. Политические перемены в РФ в конце 90-х гг. заставили правящие круги Чувашии внести коррективы в политику взаимоотношений с федеральным центром и чувашским гражданским обществом. Именно поэтому 2000-е гг. были отмечены сближением государственных и этнических трендов в рамках политического пространства Чувашии, что стало началом нового этапа в развитии чувашского гражданского общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Rabushka A., Shepsle K. *Politics in Plural Societies. A Theory of Democratic Instability*. Columbus, 1972. P. 186.

² См.: Муштук О.З. Демократизации России: миф или реальность? // *Демократия и федерализм в России* / ред. Ю.А. Красин, М.Х. Фарукшин. М., 2007. С. 38—52; Уфимцев В.В. «Демократия» в России: закрылось ли окно возможностей // Там же. С. 73—86.

³ См.: Демократия и федерализм в России / ред. Ю.А. Красин, М.Х. Фарукшин. М., 2007; Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М., 1996.

⁴ См.: Tarifa F. The Many Historical Legacies of Post-Communist Eastern Europe // *Balkan Forum. An International Journal of Politics, Economics and Culture*. 1995. Vol. 3. № 1. P. 227—244.

⁵ См.: Хабенская Е. Этнический федерализм и разрушение коммуникативного пространства России // *Федерализм и региональная политика в полиэтничных государствах: сб. ст.* / ред. Р.Н. Исмагилова, В.Р. Филиппов. М., 2001. С. 96—108.

⁶ См.: Красин Ю.А. Судьба демократии в России // *Демократия и федерализм в России* / ред. Ю.А. Красин, М.Х. Фарукшин. М., 2007. С. 24.

⁷ См.: Сатвалова Р.К. Практика реализации суверенитета в федеративном государстве // *Регионология*. 2008. № 1. С. 48—56.

⁸ См.: Моляков И. Шихазанские трайбалисты // *Клип*. 1990. № 12; Николаев В. Развал федерации неминуем? // *Чебоксарские новости*. 1992. 17 апр.; Хузангай А. Ловушка для республик // *Сов. Чувашия*. 1992. 27 марта; Хузангай А. Лозунг «Чувашия для чуваш» мне кажется просто глупым // *Чавашьен*. 1992. 25 апр.

⁹ См.: Алиев К. Этнические аспекты российского федерализма: некоторые концептуальные подходы и проблемы // *Федерализм в России* / ред. Р. Хакимов. Казань, 2001. С. 187—194; Бланкенгель А. Россия — многоуровневая федерация // Там же. С. 50—56.

¹⁰ См.: Бехтерев С.Л. Становление института президентства в Удмуртской Республике // *Регионология*. 2003. № 4. — 2004. № 1. С. 26—33.

¹¹ См.: Марш К. *Постсоветская Россия: путь к демократии и гражданскому обществу*. Воронеж, 2002. С. 25.

¹² См.: «О концепции национально-государственной символики Чувашской Советской Республики». URL: <http://gov.cap.ru/home/12/arh/GosSymbols/Law/090.htm> (дата обращения: 14.12.2008); Положение Президиума Верховного Совета Чувашской АССР от 5 октября 1990 г. «О концепции национально-государственной символики Чувашской Советской Республики». URL: <http://gov.cap.ru/home/12/arh/GosSymbols/Law/090.htm> (дата обращения: 14.12.2008); Постановление Верховного Совета Чувашской Республики от 29 апреля 1992 г. «О Положении о Государственном гербе Чувашской Республики». URL: <http://gov.cap.ru/home/12/arh/GosSymbols/Law/092.htm> (дата обращения: 14.12.2008); Указ Президента Чувашской Республики от 8 апреля 2004 г. «О дне государственных символов Чувашской Республи-

ки». URL: <http://gov.cap.ru/home/12/arh/GosSymbols/Law/2004.htm> (дата обращения: 14.12.2008); Постановление Государственного Совета Чувашской Республики от 13 октября 1994 г. «О Дне чувашской государственности» и «Дне принятия Декларации о государственном суверенитете Чувашской Республики». URL: http://www.lib.cap.ru/date_jun_05_1.asp (дата обращения: 14.12.2008).

¹³ Бусыгина И., Захаров А. *Sum ergo cogito*. Политический минилексикон. М., 2006. С. 235.

¹⁴ См.: Ковалев В.А. «Не-московский» политический процесс: факторы трансформации и перспективы изучения // *Регионология*. 2001. № 3. С. 52—65.

¹⁵ См.: Тишков В. Pro et contra этнического федерализма в России // *Федерализм в России* / ред. Р. Хакимов. Казань, 2001. С. 31.

¹⁶ См.: Указ Президента Чувашской Республики о назначении вице-президента Чувашской Республики Э. Аблякимова на пост Председателя Кабинета Министров — Правительства Чувашской Республики // *Сов. Чувашия*. 1994. 25 янв.; Указ Президента Чувашской Республики о преобразовании Постоянного представительства Чувашской Республики в Российской Федерации в Представительство ЧР при высших органах государственного управления РФ // *Сов. Чувашия*. 1994. 1 февр.

¹⁷ См.: Мухаметшин Ф. Федерализм в России: состояние и перспективы развития // *Казанский федералист. Журн. о федерализме в России и мире*. 2002. № 1. С. 6—11.

¹⁸ См.: Бусыгина И., Захаров А. *Sum ergo cogito*. Политический минилексикон. С. 236—237.

¹⁹ См.: Послание Президента Чувашской Республики Н.В. Федорова Государственному Совету Чувашской Республики 1995 г. «Построим дорогу, ведущую к храму». URL: http://gov.cap.ru/hierarhy_cap.asp?page=./2479/2695/13608 (дата обращения: 14.12.2008).

²⁰ См.: Послание Президента Чувашской Республики Н.В. Федорова Государственному Совету Чувашской Республики 1996 г. «За судьбу Чувашии каждый в ответе!». URL: http://gov.cap.ru/hierarhy_cap.asp?page=./2479/2695/2697 (дата обращения: 14.12.2008).

²¹ См.: Послание Президента Чувашской Республики Н.В. Федорова Государственному Совету Чувашской Республики 1997 г. «Любя Чувашию — веря в Россию». URL: http://gov.cap.ru/hierarhy_cap.asp?page=./2479/2695/2698 (дата обращения: 14.12.2008).

²² См.: Послание Президента Чувашии Н.В. Федорова Государственному Совету Чувашской Республики 2005 г. «Великие свершения требуют великих замыслов». URL: http://gov.cap.ru/hierarhy_cap.asp?page=./196/9920/9930/9932/9974 (дата обращения: 14.12.2008).

²³ См.: Послание Президента Чувашской Республики Н.В. Федорова Государственному Совету Чувашской Республики 2006 г. «Думать по-новому, работать творчески». URL: http://gov.cap.ru/hierarhy_cap.asp?page=./196/9920/12845/13171/13412 (дата обращения: 14.12.2008).

Поступила 11.05.10.

**М. Н. КАЗАКОВА РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ
НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
РОССИИ: ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЕ
ИЗМЕРЕНИЕ¹**

Ключевые слова: национальная безопасность, стратегия, национальные интересы, региональные приоритеты, сотрудничество, внешняя политика, интеграция

Key words: national security, strategy, national interests, regional priorities, co-operation, external policy, integration

Стратегия национальной безопасности России до 2020 г., утвержденная Указом Президента РФ 12 мая 2009 г., ввела в российский политический обиход и официальную терминологию понятие «стратегические национальные приоритеты». Согласно тексту Стратегии, стратегические национальные приоритеты — это «важнейшие направления обеспечения национальной безопасности, по которым реализуются конституционные права и свободы граждан Российской Федерации, осуществляются устойчивое социально-экономическое развитие и охрана суверенитета страны, ее независимости и территориальной целостности»².

С момента формирования в России теории и практики национальной безопасности ее основной приоритет заключался в сохранении территориальной целостности государства. В современных условиях, когда по сути отсутствует угроза прямого военного вмешательства со стороны внешних государств, существенно снижена угроза распада страны, национальные интересы и приоритеты не ограничиваются национальной территорией, а простираются далеко за ее пределы. В связи с этим на первый план выходят внешнеполитические ориентиры национальной стратегии. В основополагающих документах Российской Федерации в области обеспечения национальной безопасности они получили название «региональные приоритеты».

КАЗАКОВА Марина Николаевна, доцент кафедры всеобщей истории и мирового политического процесса Мордовского государственного университета, кандидат политических наук.

Региональные приоритеты России выражены в национальных интересах на ближайшее будущее, они зафиксированы в официальных документах: в Концепции национальной безопасности, Концепции внешней политики, посланиях Президента РФ Федеральному Собранию, Стратегии национальной безопасности России и др.

Первая Концепция национальной безопасности (1997 г.) была принята в условиях кризиса российской экономики и некоторой изоляции на международной арене. Поэтому основной круг вопросов, очерченных в документе, охватывал проблемы внутренней безопасности: кризисное состояние экономики, низкий уровень жизни основной массы населения, центробежные устремления субъектов РФ, ведущие к нарушению территориальной целостности страны и т. п. В этих условиях внешнеполитические интересы были направлены на противодействие однополярности, интеграцию России в мировую экономику, налаживание межгосударственного сотрудничества в борьбе с транснациональной преступностью. Для реализации этих интересов в числе приоритетных был выделен ряд направлений: формирование интеграционного объединения государств участников СНГ; развитие равноправного партнерства с другими великими державами центра экономики и военной мощи; развитие диалога и всестороннего сотрудничества со странами Центральной и Восточной Европы, Америки, Ближнего Востока, Западной Азии, Африки и Азиатско-Тихоокеанского региона³.

Вопрос развития сотрудничества со странами СНГ в постсоветский период имел в обществе различные точки зрения. Одним была близка идея, предусматривающая единение славянских республик и Казахстана, другие склонны были акцентировать внимание на укреплении российской государственной границы. Политическое руководство страны, судя по тексту Концепции, было настроено преимущественно на развитие интеграции в рамках СНГ: «приоритет во внешней политике Российская Федерация отдает обеспечению важнейших национальных интересов, развитию отношений России с ведущими государствами мира, всестороннему сотрудничеству и интеграции в рамках СНГ, налаживанию эффективного двустороннего и многостороннего сотрудничества в рамках Союза Беларуси и России, а также с участниками договора Российской Федерации, Республики

Беларусь, Республики Казахстан, Киргизской республики об углублении интеграции в экономической, гуманитарной областях»⁴.

В Концепции национальной безопасности РФ 2000 г. взгляды политического руководства на национальные интересы страны существенных изменений не претерпели. Она также была направлена на «развитие равноправных и взаимовыгодных отношений со всеми странами и интеграционными объединениями». В качестве приоритетных направлений также были определены отношения с «участниками СНГ и традиционными партнерами России»⁵. Это положение было дополнено и в Концепции внешней политики 2000 г.: «приоритетным направлением внешней политики России является обеспечение соответствия многостороннего и двустороннего сотрудничества с государствами-участниками СНГ задачам национальной безопасности страны. Упор будет делаться на развитии добрососедских отношений и стратегического партнерства со всеми странами — участниками СНГ»⁶. Первостепенной задачей было названо и укрепление Союза Беларуси и России.

Традиционно приоритетным направлением с начала 2000-х гг. продолжало оставаться европейское. Главной целью российской внешней политики на этом направлении провозглашалось создание стабильной и демократической системы общеевропейской безопасности и сотрудничества. В этих целях Россия выступала за укрепление роли ОБСЕ как эффективного инструмента поддержания безопасности, демонстрировала намерение активно участвовать в деятельности Совета Европы и расширять сотрудничество с Европейским Союзом. По отношению к НАТО в Концепции внешней политики 2000 г. отмечалась важность сотрудничества в интересах поддержания безопасности, но в то же время обращалось внимание на то, что политические и военные установки НАТО не совпадают с интересами безопасности Российской Федерации.

В качестве важного ресурса для отстаивания своих национальных интересов в европейских и мировых делах рассматривалось взаимодействие с государствами Западной Европы (Великобритания, Германия, Италия и Франция). Заинтересованность проявлялась также в развитии добрососедства и взаимовыгодного сотрудничества с Прибалтийскими

государствами (Литва, Латвия и Эстония) для соблюдения прав русскоязычного населения.

В качестве необходимого условия улучшения международной обстановки и обеспечения глобальной стратегической стабильности признается российско-американское взаимодействие. Важное место в структуре региональных приоритетов всегда занимала Азия. В Концепции акцентируется внимание на активизации участия России в основных интеграционных структурах Азиатско-Тихоокеанского региона, развитии дружественных отношений с Китаем и Японией⁷.

В 2008 г. с принятием новой Концепции внешней политики перечень региональных приоритетов России не претерпел существенных изменений. По-прежнему в числе первых были развитие сотрудничества с государствами-участниками СНГ, строительство Союзного государства России и Белоруссии, сотрудничество в рамках ЕврАзЭС. В качестве ключевого элемента поддержания стабильности и обеспечения безопасности на пространстве СНГ признается Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ).

На европейском направлении приоритеты также остались прежними: создание единого пространства безопасности под эгидой ОБСЕ, укрепление роли Совета Европы в области защиты прав человека, развитие торгово-экономических и внешнеполитических отношений с Европейским Союзом. В новой Концепции был расширен круг европейских государств, развитие связей с которыми является важным ресурсом для продвижения национальных интересов России в европейских и мировых делах. В их числе Германия, Франция, Италия, Великобритания, Греция, Нидерланды, Финляндия, Норвегия и др. Отмечается значимость государств Северной Европы в реализации совместных проектов по сотрудничеству в Баренцевом / Евроарктическом регионе и Арктике в целом. Это говорит о возрастающей заинтересованности в освоении ресурсов этого региона и намерении проводить активную политику на этом направлении.

В Северной Америке по-прежнему признается большая роль торгово-экономического, научно-технического и иного сотрудничества с США, а также отмечается, что важным элементом сбалансированной политики на этом направлении являются отношения с Канадой. Здесь еще раз подчеркивается важность наращивания сотрудничества во взаимодействии в Арктике.

Более детализировано в новой Концепции намерение развивать политическое и экономическое сотрудничество со странами Латинской Америки и Карибского бассейна (Бразилия, Аргентина, Мексика, Куба, Венесуэла) и другими странами и объединениями региона.

На азиатском направлении перечень возможных стратегических партнеров также существенно расширился. Россия декларирует намерение углублять стратегическое партнерство с Китаем и Индией, наращивать позитивную динамику отношений с государствами Юго-Восточной Азии (Вьетнам, Индонезия, Таиланд, Филиппины, Сингапур и др.). Россия также настроена развивать отношения с Турцией, Египтом, Алжиром, Ираном, Саудовской Аравией, Сирией, Ливаном, Пакистаном и другими ведущими государствами региона в двустороннем и многостороннем форматах⁸.

Таким образом, Концепция внешней политики 2008 г. существенно расширила спектр региональных приоритетов России. Позже они были дополнены и конкретизированы в Стратегии национальной безопасности России до 2020 г. утвержденной Указом Президента РФ 12 мая 2009 г. В Стратегии по-прежнему делается акцент на повышенном внимании к СНГ. В отношении этой организации вместе с интеграцией впервые употребляется термин «координация» в качестве цели, к которой должна стремиться Россия. Отмечается, что военно-политическую интеграцию Россия намерена осуществлять в рамках Организации Договора о коллективной безопасности (Ташкентский пакт), а экономическую — в рамках Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС).

Другим важным направлением стало укрепление политического потенциала Шанхайской организации сотрудничества (Казахстан, Китай, Кыргызстан, Россия, Таджикистан, Узбекистан). Это позволит развивать взаимное доверие и партнерство в Центрально-Азиатском регионе.

На западном направлении Россия выступает за всемерное укрепление механизмов взаимодействия с Европейским союзом, включая последовательное формирование общих пространств в сферах экономики, внешней и внутренней безопасности, образования, науки, культуры. Долгосрочным национальным интересам России отвечает формирование в Евroatлантике открытой системы коллективной безопасности на четкой договорно-правовой основе.

В отношениях с Организацией Североатлантического договора определяющим фактором останется неприемлемость для России планов продвижения военной инфраструктуры альянса к ее границам и попытки придания ему глобальных функций, идущих вразрез с нормами международного права. При этом подчеркивается, что Россия готова к развитию отношений с Организацией Североатлантического договора на основе равноправия и в интересах укрепления всеобщей безопасности в Евroatлантическом регионе, глубина и содержание которых будут определяться готовностью альянса к учету законных интересов России при осуществлении военно-политического планирования, уважению норм международного права, а также к их дальнейшей трансформации и поиску новых задач и функций гуманистической направленности.

В Стратегии акцентируется внимание также на наращивание сотрудничества в таких многосторонних форматах, как «Группа восьми», «Группа двадцати», «РИК» (Россия, Индия, Китай), «БРИК» (Бразилия, Россия, Индия, Китай).

На долгосрочную перспективу Россия будет сосредотачивать внимание на обладании источниками энергоресурсов на Ближнем Востоке, шельфе Баренцева моря, других районах Арктики, бассейне Каспийского моря, Центральной Азии⁹.

Следует обратить внимание на арктическое направление, обозначенное в Стратегии. Арктическая тема является наиболее заметной новацией в Стратегии, обеспечившей принятому документу внимание комментаторов и аналитиков, по преимуществу иностранных. Так, высказывается ряд мнений о том, что политика России в Арктике нарушает сложившуюся тенденцию демилитаризации Арктики и деполитизации арктической повестки и может привести к обострению обстановки в регионе. Такая политика иррациональна и экономически необоснованна, поскольку природные ресурсы региона в обозримой перспективе осваиваться не будут¹⁰. Российские аналитики более положительно оценивают арктическую стратегию. В частности, Д. Тренин отмечает, что в условиях энергетического кризиса неизбежна конкуренция за оставшиеся месторождения, а из-за глобального потепления климата добыча нефти и газа в Арктике может стать технически возможной. К 2020 г. Арктика должна превратиться в ведущую стратегическую ресурсную базу Российской Федерации¹¹.

Таким образом, Российская Федерация, укрепив позиции на международной арене, наращивает взаимодействие в различных форматах и региональных организациях, стремится развить партнерские отношения, имея при этом надежную поддержку в виде союзнических государств. С укреплением позиций внешнеполитическая деятельность России заметно расширилась, экономическая стабильность позволила привлечь новых партнеров и открыла новые направления регионального сотрудничества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья выполнена в рамках АВЦП «Развитие научного потенциала высшей школы» (2009—2010 годы). «Внутри- и внешнеполитические факторы эволюции территориальной организации России (специфика разрешения кризисных и переходных ситуаций)» (проект № 2.1.3/1134).

² Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. (утв. Указом Президента РФ 12 мая 2009 г.). URL: <http://archive.kremlin.ru/text/docs/2009/05/216229.shtml> (дата обращения: 16.05.2010).

³ См.: Концепция национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ 17 декабря 1997 г.) // Дипломатический вестн. 1998. № 2. С. 5.

⁴ Там же.

⁵ См.: Концепция национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ 10 января 2000 г.) // Рос. газ. 2000. 18 янв.

⁶ См.: Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ 28 июня 2000 г.) // Дипломатический вестн. 2000. № 8. С. 7.

⁷ Там же.

⁸ См.: Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ 12 июля 2008 г.). URL: <http://archive.kremlin.ru/text/docs/2008/07/204108.shtml> (дата обращения: 16.05.2010).

⁹ См.: Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. ...

¹⁰ См.: Баев П. Российская политика в Арктике — кризисный тест на реализм. URL: <http://www.carnegie.ru/ru/pubs/media/81666.htm> (дата обращения: 20.05.2009); Коэн А. Круг врагов очерчен? URL: <http://www.voanews.com/> (дата обращения: 25.05.2009).

¹¹ См.: Тренин Д. Тезисы выступления на семинаре по проблемам Арктики. URL: http://www.carnegie.ru/ru/pubs/media/12036Trenin_Arctic.doc (дата обращения: 15.04.2010).

Поступила 10.06.10.

С. И. МАЛОЗЕМОВ

МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ И ПОСЛЕДСТВИЯ НИЖЕГОРОДСКОЙ МОДЕЛИ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ¹

Ключевые слова: проект аграрной реформы, Нижегородская область, механизм приватизации земли, реорганизация хозяйств, проблемы реформирования

Key words: project of agrarian reform, the Nizhny Novgorod Region, land privatisation mechanism, reorganisation of economies, problems of the reforming

Нижегородский проект аграрной реформы, порожденный процессом ликвидации колхозно-совхозного строя, был представлен отечественными реформаторами в качестве главной модели всероссийской аграрной политики. Формально он имел целью создание эффективных, адаптированных к рынку организационно-хозяйственных формирований индивидуальных и коллективных собственников земли и имущества. Для продвижения аграрной реформы «сверху» было решено передать дело ее осуществления в руки иностранных представителей. Б. Е. Немцов, будучи губернатором Нижегородской области, обратился с просьбой к Международной финансовой корпорации (МФК) начать проект по созданию эффективных негосударственных сельскохозяйственных предприятий. Эту просьбу МФК не проигнорировала. В качестве спонсора программы выступил британский фонд «Ноу Хау» в России².

Ход аграрного реформирования с 1992 г. официально обеспечивался российскими специалистами при контроле со стороны представителей Международного банка реконструкции и развития (МБРР), осуществлявшего его финансирование в рамках реализации Проекта поддержки осуществления сельскохозяйственной реформы в России, в том числе и в

МАЛОЗЕМОВ Сергей Иванович, докторант кафедры всеобщей истории и мирового политического процесса Мордовского государственного университета.

Нижегородской области. Основные положения этой модели базируются на указах Президента РФ Б. Н. Ельцина, постановлениях Правительства РФ В. С. Черномырдина, а также распоряжениях областной администрации Б. Е. Немцова.

Разработка механизма разгосударствления АПК и ускоренного создания класса земельных собственников теоретически была решена в пособии «Приватизация земли и реорганизация сельскохозяйственных предприятий в России», изданном первоначально в Вашингтоне на английском языке, а позднее и на русском, а также разосланном Министерством сельского хозяйства России в качестве методического пособия всем организациям, заинтересованным во внедрении модели. Механизм приватизации земли и реорганизации хозяйств начал реализовываться в ходе проведения в области пилотного проекта на базе нескольких законодательных актов: Постановления Правительства РФ от 15 апреля 1994 г. № 324 «О практике аграрных преобразований в Нижегородской области», Постановления Правительства РФ от 27 июля 1994 г. № 874 «О реформировании сельскохозяйственных предприятий с учетом практики Нижегородской области», Постановления Правительства РФ от 1 февраля 1995 г. № 96 «О порядке осуществления прав собственников земельных долей и имущественных паев». При этом руководитель аппарата Комитета по аграрной политике Совета Федерации Федерального Собрания РФ Н. П. Радугин обратил внимание на то, что постановка целей в этих постановлениях соответствовала социальным мифам. Иными словами, главной целью являлось не повышение эффективности и рост сельскохозяйственного производства, улучшение условий жизни сельского населения, а создание частного собственника, разрушение общественного хозяйствования³.

Одним из руководящих принципов этой программы явилось развитие рынка земли путем продвижения к отношениям купли-продажи, аренды земли и имущества сельскохозяйственных предприятий. По замыслу авторов аграрной политики, основным фактором создания рынка земли должна была стать реорганизация колхозов и совхозов. Однако исполнение Указа Президента РФ от 27 декабря 1991 г. № 323 «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР», определявшего порядок реорганизации коллективных хозяйств на местах и раз-

решавшего аренду и продажу земельных долей, а также Постановления Правительства РФ от 29 декабря 1991 г. № 86. «О порядке реорганизации колхозов и совхозов», декларировавшего в качестве основных принципов аграрной реформы добровольность всех работников хозяйств в принятии решения о реформировании, свободу выбора типа предприятий, вида хозяйственной деятельности, а также невмешательство властей в процессы реорганизации, торгизацию нежеланием трудовых коллективов менять организационно-правовые формы хозяйствования. В частности, по состоянию на 1 января 1994 г. в стране перерегистрированы 24,3 тыс. колхозов (95,0 % их наличия), из которых 8,4 тыс. коллективных и государственных хозяйств (34 %) сохранили свой прежний статус⁴. Поэтому, как тогда полагали, большинство прежних колхозов и совхозов необходимо было подвергнуть радикальной реорганизации в виде их организационно-хозяйственного расчленения и создания на их базе товаропроизводящих хозяйств нового типа.

С принятием Решения областного Совета народных депутатов от 21 сентября 1993 г. № 300 «Об утверждении программы приватизации земли и реорганизации сельскохозяйственных предприятий Нижегородской области», а также Распоряжения Администрации Нижегородской области от 25 марта 1996 г. № 413-Р «Об организации работ в Нижегородской области по проектам МБПП, связанным с поддержкой аграрных реформ» началось реформирование сельскохозяйственных предприятий области. Для реализации проекта в марте 1997 г. Б. Е. Немцов был назначен первым заместителем Председателя Правительства РФ. Первоначально аграрная приватизация охватывала шесть пилотных хозяйств разного типа. В дальнейшем количество экспериментальных хозяйств подлежало увеличению.

Обращает на себя внимание тот факт, что данный аграрный проект осуществлялся на территории, специализировавшейся на крупных хозяйствах, ориентированных на производство продовольствия для близлежащих промышленных центров. Однако, по мнению специалистов МФК, порочная колхозно-совхозная система в духе новой для России аграрной доктрины подлежала ликвидации с помощью проведения аукциона. В связи с этим следует согласиться с высказыванием С. А. Никольского, работавшего в то время

в хозяйствах Балахнинского района и в бывшей ассоциации «Правдинское». Он считает, что по своим идеологическим основаниям «нижегородский вариант» представлял собой редкую попытку настроить на точное воплощение в действительность санкционированной высшей властью радикал-либеральной модели аграрного реформирования, которой старались придерживаться местные руководители⁵.

Механизм действия нижегородской модели теоретически был прост. Реформирование предприятий осуществлялось по единой схеме, хотя в каждом конкретном случае структура новых предприятий различалась по организационно-правовым формам, механизму взаимодействия друг с другом, организации внутривладельческих отношений. Так, в результате проведенного аукциона члены хозяйств и пенсионеры после принятия решения о приватизации земли и реорганизации сельскохозяйственного предприятия становились обладателями равных земельных долей и неравных имущественных паев, начислявшихся в зависимости от стажа работы и квалификации. После расчета долей и паев их владельцам выдавались свидетельства о праве на земельную долю и имущественный пай без указания реального участка земли и имущества на указанную сумму. Их натурализация происходила на аукционах, во время подготовки к которому владельцам предоставлялся выбор для их реализации: выделение земли и имущества для самостоятельного ведения фермерского (крестьянского) хозяйства; сдача земельной доли в аренду, а пай, соответственно, — в уставный фонд организуемого товарищества; их продажа или дарение, передача по наследству. К тому же, согласно ст. 213 Гражданского кодекса РФ, принятого Государственной Думой 21 октября 1994 г., не потерявшей своей актуальности, количество и стоимость имущества, находящегося в собственности граждан и юридических лиц, не ограничивались, за исключением случаев, когда такие ограничения установлены законом⁶.

Принципиальным моментом аукциона являлось то, что он представлял собой механизм открытого перераспределения земли и имущества, но не их продажу, т. е. для получения достаточного количества земли и техники новому собственнику необходимо было привлечь на договорной основе земельные доли и имущественные пай. Платежными

средствами в таком случае были оценки земельных долей и имущественных паев, точнее говоря, «баллогектары» и паевые рубли. Лоты формировались для сохранения землеустройства и целостности неделимых производственных объектов и на аукционах доставались тем, кто предложит за них более высокую цену. В результате фактической передачи земли и имущества новыми собственниками самостоятельно выбирались организационно-правовые формы нового сельскохозяйственного предприятия: общество с ограниченной ответственностью, товарищество на вере (командитное товарищество), крестьянское (фермерское) хозяйство, индивидуальное предпринимательство. Определялись направления производственной деятельности, за которую они несли ответственность, состав предполагаемого имущества и размер земель, необходимых для ведения производства.

В целом, оценивая нижегородскую модель аграрной политики, мы вынуждены констатировать, что она носила экстенсивный характер, а потому не могла считаться оптимизационной. Она нацелена на создание мелкотоварных хозяйств на основе частной собственности через процедуру банкротства, на создание свободного рынка, открытой, незащищенной экономики при одновременной ликвидации рентабельных сельскохозяйственных предприятий, так как они, по мнению экспертов МФК, предполагают равные права каждого члена в управлении, обязательное обеспечение работой каждого члена, что в итоге ведет якобы к снижению эффективности управления предприятием. При этом главным содержанием аграрной политики США и ЕС, представители которых разрабатывали и контролировали ход реализации аграрного проекта в Нижегородской области, является диаметрально противоположная стратегия развития аграрного сектора: отказ от поддержки мелких планово-убыточных семейных фермерских хозяйств, нерегулируемой открытой экономики, модели свободного рынка и формирование высококоротельных крупнотоварных предприятий в условиях регулируемого рынка, защищенной экономики.

Практика аграрного реформирования в Нижегородской области свидетельствовала о системном нарушении принципа добровольности в ходе реорганизации хозяйств. Процесс реорганизации способствовал зачастую концентрации

собственности предприятия в руках бывшего руководства. Как отмечал Б. Е. Немцов, главными сторонниками реформ на селе являлись именно руководители хозяйств, стремящиеся получить реальную собственность. Большинство же крестьян сохраняло пассивность⁷.

Право распоряжения в новых сельскохозяйственных формированиях имели только его члены-учредители, как правило, группа специалистов, остальные же вкладчики паев (долей) были лишь в роли исполнителей. При увольнении работников по взаимному согласию земельные доли и имущественные пай выкупались по договорным ценам, которые в дальнейшем между пайщиками уже не подлежали распределению. В итоге подобное обезличивание способствовало искусственному занижению реальной стоимости пая работника. Кроме того, для большего охвата процессом реорганизации сельскохозяйственных предприятий льготное кредитование предусматривалось лишь для новых частных структур, согласившихся на приватизацию и раздел сельскохозяйственных предприятий. В частности, согласно Распоряжению Администрации Нижегородской области от 1 апреля 1994 г. № 422-Р «О внесении изменений в положение о финансовой поддержке реформированных хозяйств в 1994 году, утвержденное Распоряжением губернатора от 22 февраля 1994 г. № 246-Р», льготные кредиты выделялись из расчета до 50 тыс. руб. на 1 га сельскохозяйственных угодий. Болезненно воспринимался механизм расчета имущественного пая, который рассчитывался с учетом среднего заработка за последние 5 лет и стажа работы в хозяйстве. В результате пай рядовых работников оказывался, как правило, сравнительно меньше из-за возраставшего разрыва между их заработной платой и специалистов, руководящих работников.

Напряженная ситуация на селе создавалась в связи с действовавшей процедурой выделения земельной доли. Дело в том, что процесс приватизации не предусматривал реституции собственности, а среди желающих выделиться со своей долей из состава общей долевой собственности большую часть составляли именно пенсионеры. Оформление земельных долей является сложной, дорогостоящей процедурой, сопряженной с преодолением бюрократических барьеров. Поэтому пенсионеры не могли составить

конкуренцию на аукционах бывшим руководителям сельскохозяйственных предприятий, и им доставались худшие земли и имущество.

Ухудшалась обстановка и вокруг аренды земли. Себестоимость продукции, произведенной на малоплодородных землях в условиях рискованного земледелия, нередко превышала ее продажную цену. В результате руководители новых сельскохозяйственных формирований отказывались от аренды и покупки земельных долей у работников социальной сферы и пенсионеров, лишая их столь важного источника дохода. При этом руководители учитывали и тот факт, что с привлечением новых земельных долей работников социальной сферы и пенсионеров возрастал и уровень арендной платы, осложняя для предприятия финансовое положение, так как плата за аренду земли, помимо прочих налогов, составляла значительную статью расходов.

В результате реорганизации хозяйств собственность так и не стала стимулом трудовой мотивации, так как доход от ведения личного подсобного хозяйства превышал заработную плату большинства участников реорганизации, на что и обращают внимание многие специалисты⁸. Не потеряли своей актуальности проблемы «ножниц» цен между себестоимостью продукции и ценой ее реализации, избытка низкоквалифицированной рабочей силы и недостатка квалифицированных кадров, умения работать в рыночных условиях, высокой доли в хозяйствах работников пенсионного и предпенсионного возраста, что не могло не сформировать у руководства хозяйств психологической усталости, желания избавиться от худших работников.

В начале 1990-х г. необходимость реформ обосновывалась якобы присущим сельским жителям стремлением к предпринимательству на основе частной собственности на землю и другие средства производства. Однако данные социологического исследования Г. С. Широкаловой свидетельствуют о том, что одной из главных причин углубляющегося аграрного кризиса является именно реформирование сельскохозяйственных предприятий⁹. Разгосударствление АПК за десятилетие привело к спаду сельскохозяйственного производства в Нижегородской области на 41 %¹⁰.

Следствием негативных тенденций в аграрной сфере области стало внесение принципиальных изменений в ни-

жегородскую модель аграрной политики: отказ от аукциона и замена его распределительными собраниями — предварительным (до собрания) согласованным разделом земельных ресурсов хозяйства между вновь создаваемыми коллективами на основе объединения земельных долей их учредителей и примкнувшими к ним пенсионерами; создание всевозможных координирующих органов на уровне нескольких товариществ, призванных стимулировать изменения в хозяйственном поведении руководителей новых предприятий, активизировать инвестиционную и производственную деятельность, совершенствовать методы управления, что в итоге способствует замене жесткого контроля со стороны руководства «чувством хозяина».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья подготовлена в рамках АВИП Развитие научного потенциала высшей школы (2009—2010 годы). Проект 2.1.3/1134 «Внутри- и внешне-политические факторы эволюции территориальной организации России (специфика разрешения кризисных и переходных ситуаций)».

² См.: Программа «Приватизация земли и реорганизация сельскохозяйственных предприятий». Подведение итогов / Ассоциация аграрных реформаторских организаций «АГРО», Всерос. ин-т аграрных проблем и информатики (ВИАПИ). М.: Изд-во РосАгроФонда, 1999. С. 22.

³ См.: Радугин Н. Катастрофа экономики Российской Федерации // Междунар. с.-х. журн. 1995. № 1. С. 9—18.

⁴ См.: Булатов А. Рыночные отношения в АПК: особенности и проблемы становления (спецкурс) // Рос. экон. журн. 1996. № 9. С. 97.

⁵ См.: Никольский С.А. Аграрный курс России (мировоззрение реформаторов и практика аграрных реформ в социально-историческом, экономическом и философском контекстах). М.: Колосс, 2003. С. 236.

⁶ См.: Гражданский кодекс Российской Федерации. Части первая, вторая, третья и четвертая. М.: Проспект, КноРус, 2010.

⁷ См.: В Нижнем Новгороде продали землю. URL: <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=64423> (дата обращения: 30.07.2007).

⁸ См.: Никольский С.А. Аграрный курс России ... С. 242.

⁹ См.: Широкалова Г.С. Горожане и селяне в результате реформ 90-х годов // Социс. 2002. № 2. С. 76.

¹⁰ См.: Социально-экономическое положение Нижегородской области. 1999. Декабрь. Н. Новгород: НОКГС, 1999. С. 38.

Поступила 18.06.10.

Е. А. ПОНОМАРЕВА

А. С. ЦАРЬКОВ

ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

Ключевые слова: стратегия, планирование, территориальное образование, проекты

Key words: strategy, planning, territorial formation, project

В условиях внешней и внутренней нестабильности, трудно предсказуемой динамики посткризисных процессов руководству различных территориальных образований (регион, город, район) все большее внимание приходится уделять планированию и реализации реалистичных стратегий, позволяющих за короткие сроки добиться сохранения их жизнеспособности и усиления конкурентных преимуществ. Однако любая попытка стратегического планирования отдельно взятой территории всегда наталкивается на необходимость ее интеграции во внешнее окружающее пространство, устранение внутренней дезинтеграции различных групп населения, проживающих на данной территории.

ПОНОМАРЕВА Елена Александровна, консультант Министерства экономики Правительства Нижегородской области.

ЦАРЬКОВ Александр Сергеевич, заместитель директора по науке Нижегородского филиала Государственного университета — Высшей Школы Экономики, профессор кафедры государственного и муниципального управления, кандидат технических наук.

Успех работы по планированию развития территориального образования определяется формулой соотношения *внешней интеграции* и *внутренней дезинтеграции*¹. В реальности же попытка достижения успеха по этой формуле сразу порождает две проблемы: во-первых, согласование интересов различных групп населения при планировании будущего территории; во-вторых, согласование вектора территориального развития с вектором развития внешнего окружения. Без решения этих проблем выход из посткризисного состояния территориального образования, на наш взгляд, не является возможным. Их решение затрудняется вследствие ограниченных временных ресурсов, выделяемых на разработку стратегий. Ограничения носят директивный характер и обусловлены экономическими, социальными и политическими факторами.

На практике планирование развития традиционно представляет «жесткий», административный подход, технологические процедуры которого реализуют подразделения, рабочие группы или комитеты из высших управленцев администрации на основе нормативных документов Минрегионразвития, Минэкономки, других министерств и ведомств. После официального одобрения разработанных стратегий начинается их директивная реализация. К сожалению, применение «жестко» прописанных процедур неизбежно влечет за собой недостатки: односторонний взгляд администраторов, схематизм планов, трудности в достижении консенсуса по основным направлениям развития территорий. Активные субъекты сообщества зачастую не включаются в этот процесс. Показательно, что на практике реализация стратегий наталкивается на серьезные трудности, вызывающие не консолидацию, а дезинтеграцию как внутри, так и вне административных структур.

В сложившихся условиях наиболее эффективными являются «мягкие» методы, использующие нежестко прописанные технологии (комбинаторный метод). Так, в некоторых работах представлены методы, применяемые для разработки стратегий социально-экономического развития территориальных образований, базирующиеся на социолого-коммуникативном, сценарном и экономико-математическом подходах². В ходе разработки стратегий они позволяют учитывать субъективные и объективные факторы, риски и неопределенности,

однако не позволяют эффективно решать указанные проблемы из-за отсутствия в них эффективных механизмов проведения внешней интеграции и преодоления внутренней дезинтеграции.

Для разрешения возникающих проблем нами предлагается применять «мягкий» комбинаторный метод³, позволяющий за счет сочетания специально подобранных процедур из разных технологий, в том числе «Поиск будущего (ПБ)»⁴, «Системная Технология Вмешательства (СТВ)»⁵, а также методов стратегического анализа, самооценки, управления проектами и др. вовлечь в процесс планирования активные слои населения.

В основу метода были положены три принципа. *Принцип стратегической сборки* интегрального вектора развития (движения) в пространстве ключевых направлений, реализуемый посредством формулы (1):

$$\bar{C} = \sum_{i=1}^N g_i * c_i, \quad (1)$$

где c_i — ключевое i -ое направление, N — общее число ключевых направлений, g_i — весовая оценка i -го направления.

При этом планирование можно рассматривать как некоторый процесс, вектор движения которого определяет характер движения к общему посткризисному видению будущего территории. Оно должно разделяться большинством населения, проживающего на данной территории. Движение по вектору осуществляется посредством выполнения ряда конкретных проектов (проектная дорожная карта).

Принцип трансформационных изменений исходного состояния предполагает переход к будущему через отработку трех типов так называемых «состояний»: во-первых, настоящее состояние, характеризующее ситуацию на данный момент и учитывающее историю территориального образования; во-вторых, будущее состояние, которое определяет, где население хотело бы находиться; в-третьих, переходное состояние, в котором по проектной дорожной карте реализуется движение из настоящего в будущее.

Принцип причастности обеспечивает привлечение к процессу планирования максимального числа заинтересованных

лиц. Он осуществляется путем трансферта общего видения от 3—5 чел. к проектным командам, включающим в себя десятки человек. Далее в реализацию проектов включается все большее число населения, а это уже сотни, тысячи человек. При этом *внутренняя дезинтеграция* сменяется *консолидацией*, взаимным доверием и уважением между различными группами.

Этот метод базируется на технологическом цикле из трех фаз: организационной, генерации направлений и проектных идей, планирования и реализации.

Сокольский муниципальный район Нижегородской области является сложным объектом для планирования развития. Он относится к числу дотационных, малонаселенных территориальных образований (численность около 16 000 чел.), расположен в северной зоне на границе с Ивановской областью и удален от Нижнего Новгорода более чем на 200 км. В районе слабо развиты инфраструктура и хозяйственная деятельность. Основным используемым ресурсом является лес.

Глобальная цель развития Сокольского района первоначально была сформулирована программным комитетом: *повышение благосостояния и культурного уровня населения района через гармоничное развитие всех сфер районного хозяйства*. Ее достижение предполагалось с помощью двенадцати ключевых направлений, в явном виде выделенных стейк-холдерами по результатам ранжирования. Рейтинги каждого из ключевых направлений и необходимые весовые оценки для формулы сборки вектора развития представлены в таблице.

Интегральный вектор движения к поставленной цели, рассчитанный по формуле (1), выглядит следующим образом:

$$\begin{aligned} \bar{C} = & 0,264C_1 + 0,209C_2 + 0,157C_3 + 0,146C_4 + \\ & + 0,140C_5 + 0,112C_6 + 0,067C_7 + 0,039C_8 + \\ & + 0,039C_9 + 0,033C_{10} + 0,022C_{11} + 0,011C_{12} . \end{aligned} \quad (2)$$

При сборке вектора использовались все двенадцать ключевых направлений, причем весовые оценки трех направлений (развитие социальной сферы, молодежная политика, промышленность с лесоперерабатывающим комплексом) составили в сумме почти 0,63. Среди них безусловным лидером является развитие социальной сферы, что неудивительно для

далеко не богатого собственными ресурсами дотационного района. Полученный вектор определяет *согласованное* всеми стейк-холдерами направление движения к глобальной цели. Однако и это особенно важно для дотационных территорий, необходима интеграция или согласование *желаемого вектора* развития района с вектором развития Нижегородской области, который достаточно жестко задается соответствующей стратегией и региональными программами.

Интеграция района в региональное пространство проводилась с учетом согласования ключевых направлений, выделенных в региональных проектах, а также результатов исследований социально-экономических процессов в регионах Приволжского федерального округа⁶. Сравнительный анализ направлений показал, что наблюдается существенное различие между ними по ряду позиций.

Полученный вектор резко смещен в сторону развития социальной сферы. Менталитет большинства активного населения до сих пор ориентирован на потребление (таблица). В то же время для Нижегородской области наибольший рейтинг имеет направление «Достижение высокого экономического потенциала».

Таблица

Рейтинг и весовые оценки ключевых направлений

Ключевое направление развития	Рейтинг	Весовая оценка
Социальная сфера	47	0,264
Молодежная политика	36	0,209
Промышленность, ЛПК	28	0,157
Предпринимательство	26	0,146
АПК	25	0,140
Образование, культура	20	0,112
Экология	12	0,067
Развитие инфраструктуры	7	0,039
Жилье	7	0,039
Власть	6	0,033
Качество жизни	4	0,022
Человеческий потенциал	2	0,011
Итого	178	1,000

Изменение менталитета должно сопровождаться инициативой, которая во главу угла ставит увеличение жизнеспособности района, а также ориентирована на использование его ярко выраженных конкурентных преимуществ, например,

экология. Примером является строительство малых судов из экологически чистого леса. В формуле сборки вектора это должно характеризоваться повышением коэффициентов при C_3 , C_4 , C_5 , C_8 и разворотом вектора в сторону развития экономического сектора.

Самый низкий рейтинг имеет направление C_{12} — «человеческий потенциал», что сильно отличается от результатов применения этого метода в других муниципальных образованиях, где проблема квалифицированного человеческого потенциала стабильно занимает верхние позиции. При сборке не проявились такие важные направления, как повышение эффективности управления и развитие духовности населения.

Процедуры интеграции позволили существенно изменить глобальную цель и ключевые направления, в рамках которых стейк-холдерами генерировались проектные идеи. В качестве *реальной* глобальной цели стало декларироваться *создание условий запуска и поддержания саморазвивающихся бизнес-процессов, повышающих жизнеспособность и конкурентоспособность района, позволяющих сохранить и повысить уровень жизни его населения*. Всего выдвинуто 88 и обсуждено 36 проектных идей. Из них 10 признаны перспективными для реализации. Это типичная динамика процесса конструирования, присущая данному методу. Обычно на второй фазе генерируется от 30 до 100 проектных идей, из которых выбираются для проработки 8—16. После защиты и оценки их участниками в пакете проектов остается 5—10 перспективных проектов. В итоге были приняты 6 проектов: «Создание в лесной зоне реабилитационного центра для несовершеннолетних детей из неблагополучных семей», «Развитие профессионального образования», «Строительство детского парка», «Развитие и поддержка самодеятельного и художественного творчества населения», «Строительство коммерческого жилья», «Глубокая переработка льна».

В результате развитие территории приобрело еще более ярко выраженную социальную окраску и стало характеризоваться следующим вектором:

$$C = 0,66C_1 + 0,17C_4 + 0,17C_5 . \quad (3)$$

Такая направленность вектора объясняется деятельностью программного комитета, который во главу угла при отборе проектов поставил скорость их реализации и социальную значимость для населения. В итоге получилось весьма уязвимое развитие, рассчитанное на дотации со стороны областного бюджета и спонсорскую помощь предпринимателей. Полученный вектор не позволял в достаточной мере спланировать достижение глобальной цели, связанной с построением *саморазвивающейся* бизнес-модели территории. Поэтому было принято решение рассматривать движение по вектору (3) в качестве первого этапа реализации стратегии. На втором этапе комитет решил усилить экономическую составляющую, включив в дорожную карту еще пять проектов, интегрированных в экономическое пространство области по линии АПК. В целом программный комитет признал результаты стратегирования успешными. Действительно, удалось составить пакет наиболее социально значимых проектов, под которые было организовано бизнес-сообщество из групп стейк-холдеров, рассматривающих эти проекты как реализацию совместных с администрацией идей. Появилась возможность осуществить стратегическое планирование развития территории в среднесрочных и долгосрочных горизонтах. Кроме того, была обеспечена широкая публичная поддержка населением начинаний властных структур.

Таким образом, апробация метода при создании стратегий развития ряда регионов, городов, районов показала, что он позволяет успешно решать проблемы внешней интеграции и внутренней дезинтеграции. Оказалось, что даже у таких проблемных территорий, как Сокольский район Нижегородской области, появляется реальная возможность перехода от бюрократической модели управления к креативно-рефлексивной, позволяющей консолидировать большинство активного населения для преодоления кризисных явлений.

Особый интерес этот метод представляет сейчас, поскольку главы муниципальных образований до заключения контракта с представительными собраниями муниципального района должны представить достаточно обоснованную и поддерживаемую большинством населения стратегию развития.

Полученные результаты практически значимы для повышения жизнеспособности территориального образования,

поскольку позволяют сформулировать ясную цель развития и дают проектную дорожную карту, обеспечивающую плановое достижение цели. Так, ставка на построение саморазвивающейся бизнес-модели позволила Сокольскому району в 2009 г. удержать удельный вес убыточных предприятий на уровне 14,3 %, поддержать темп роста среднемесячной заработной платы одного работающего на 15,0 %. Это существенно превышает среднестатистические показатели по региону. При этом производительность труда по сельскому хозяйству возросла в 3,4 раза.

Выявлено, что применяемый метод позволяет существенно ускорить процесс планирования, так как по времени все фазы занимают порядка 4—10 недель. При этом качество проектных работ возрастает. В условиях жестких временных ограничений, накладываемых посткризисными условиями, такое преимущество оказывается весьма существенным. Традиционным методам на получение подобных результатов может потребоваться от нескольких месяцев до нескольких лет.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Адизес И. Секрет успеха // Экономические стратегии. 2008. № 5—6. С. 132—133.

² См.: Григорьев А.Н. Стратегическое планирование развития региона: опыт Новгородской области // Регионоведение. 2009. № 2. С. 34—38; Бочков П.В. Комплексный подход к развитию уральского промышленного региона в условиях экономического кризиса // Региональная экономика: теория и практика. 2010. № 1. С. 58—62; Агеев А.И., Зайцева Ю.С. и др. Сценарный подход в стратегическом управлении муниципальным образованием // Экономические стратегии. 2008. № 5—6. С. 134—140.

³ См.: Царьков А.С. Управление проектами: от идеи к документу. М.: ГУ-ВШЭ, Универ. книга, 2007. 320 с.

⁴ См.: Weisbord M., Janoff S. Future Search — An Action Guide to Finding Common Ground in Organizations & Communities. (2nd ed.), Berrett-Koehler, 2000. P. 151.

⁵ См.: Argyris C. Intervention Theory and Methods. Reading, Mass.: Addison-Wesley, 1970. P. 147.

⁶ См.: Максимов А.Г., Царьков А.С. Развитие регионов ПФО: конкуренция, диффузия, альянсы // Тр. IX Междунар. науч. конф. «Модернизация экономики и глобализация». М.: ГУ-ВШЭ, 2009. Ч. III. С. 141—146.

Поступила 29.04.10.

С. Г. ЧЕТОШНИКОВ

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЦЕЛЕВЫХ ПРОГРАММ В РЕШЕНИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ СЕЛЬСКО-ГОРОДСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

Ключевые слова: региональные целевые программы, программно-целевой подход, сельско-городские территории

Key words: regional special programmes, programme and purpose approach, rural and urban territories

В последние годы в системе регионального управления для решения социальных проблем территорий стали широко применяться механизмы программно-целевого управления. Их основной формой являются региональные целевые программы, которые необходимы для повышения эффективности управления социальным развитием региона. Основными особенностями использования целевых программ на региональном уровне являются необходимость согласования интересов различных субъектов (государства, региона, муниципальных образований, населения, хозяйствующих субъектов); нацеленность на комплексное решение социальных проблем территорий; более широкие возможности (по сравнению с федеральными целевыми программами) для взаимодействия власти и бизнеса в регионе.

По критерию масштабности можно выделить несколько групп проблем социального развития, на которые ориентированы региональные программы. В первой группе представлены проблемы региона, отражающие ситуацию в различных сферах на общегосударственном (федеральном) уровне в целом. Во вторую группу входят социальные проблемы, отражающие специфику развития конкретного региона. Третью группу составляют проблемы, имеющие

ЧЕТОШНИКОВ Станислав Геннадьевич, ассистент кафедры социологических наук Кемеровского государственного университета.

локальный уровень (сюда относятся социальные проблемы муниципальных образований и поселений).

Реализация региональных целевых программ обеспечивается за счет ресурсного взаимодействия заинтересованных субъектов, к которым могут относиться органы государственной власти и местного самоуправления, бизнес и институты гражданского общества в виде некоммерческих организаций, а также население. Взаимодействие различных субъектов в рамках регионального программно-целевого управления отражает наличие сложной системы взаимодействия и взаимосогласования интересов. В первую очередь необходимо учитывать взаимодействие населения территорий и местной власти (органов местного самоуправления). Через систему взаимодействия властные структуры получают возможность аккумулировать информацию о социальных проблемах подконтрольных территорий. Взаимодействие между населением и органами местного самоуправления определяется уровнем доверия / недоверия между ними. Определенную роль в процессе программно-целевого управления (особенно на начальном этапе) может играть самоорганизация населения, проживающего на территории. Она может быть реализована через инициативы населения (или его активной части) по определенным вопросам развития территорий и с целью решения жизненно важных проблем. Эти инициативы могут быть впоследствии учтены и воплощены в содержательной части целевых программ развития территорий.

Другим фактором эффективности программно-целевого управления на уровне региона является взаимодействие между муниципальным и региональным уровнями власти. Основными проблемными точками взаимодействия между ними выступают объем полномочий, наличие общего поля полномочий органов местного самоуправления и региональных органов государственной власти, уровень самостоятельности местного самоуправления. Теоретически процесс формирования направлений и программных мероприятий целевых программ предполагает участие муниципальных органов власти в данном процессе. Однако в практическом плане использование программно-целевого подхода применительно к региональному развитию обусловлено интересами региональной власти.

Процесс формирования региональных программ должен предполагать дифференцированность целей, задач и программных мероприятий, отражающих многообразие интересов территорий (в силу специфики и проблемности территориального развития). В условиях значительных ресурсных ограничений основные усилия концентрируются на реализации лишь небольшого количества направлений и программных мероприятий, что не в полной мере отражает интересы территорий региона.

Примером этого может быть опыт программно-целевого управления в Кемеровской области. Одной из наиболее значимых групп социальных проблем региона в настоящее время являются проблемы, связанные с состоянием социальной инфраструктуры сельско-городских территорий Кузбасса как особых территориальных образований, специфика которых определяется пограничным положением между селом и городом (например, рабочих поселков в монопрофильных городах, территорий частного сектора и отдаленных сельских населенных пунктов в границах города). Состояние социальной инфраструктуры определяет систему жизнеобеспечения населения. В данном контексте следует выделить проблемы строительства и восстановления учреждений культуры, развития сети образовательных и дошкольных учреждений, совершенствования системы здравоохранения, развития сети учреждений социального обслуживания населения, строительства спортивных учреждений.

На современное состояние социальной инфраструктуры сельско-городских территорий в основном оказали влияние два фактора. Первый — это процесс реструктуризации угольной промышленности Кемеровской области, в результате которого объекты социальной сферы рабочих поселков городов Кузбасса были сняты с баланса промышленных предприятий и переданы в муниципальную собственность. Второй фактор, характерный для многих муниципальных образований области, — это недофинансирование социальной сферы в течение последних 20 лет. Результатами сочетания этих факторов стали закрытие объектов социальной сферы, износ ее материально-технической базы (оборудования, зданий и сооружений), а также дефицит кадров. Это привело к усилению таких социальных проблем территорий, как рост заболеваемости, смертности, преступности, снижение образовательного и культурного уровня населения.

Региональная государственная политика Кемеровской области в отношении социальной сферы сельско-городских территорий отражена в блоке соответствующих региональных целевых программ, ориентированных на комплексное решение проблем данной сферы. До начала финансово-экономического кризиса действовало несколько региональных целевых программ развития социальной сферы по ряду направлений.

Первое направление — совершенствование материально-технической базы учреждений социальной сферы. К нему можно отнести региональную программу «Строительство, реконструкция и капитальный ремонт объектов социальной сферы». Основным направлением этой программы была концентрация финансовых ресурсов на строительстве объектов здравоохранения, образования и культуры. Но при этом существенным ограничением программы являлся долевым принцип финансирования строительства и реконструкции объектов, находящихся в муниципальной собственности, что усиливало нагрузку на бюджеты муниципальных образований. Другим ограничением является ее краткосрочный характер: срок ее реализации был рассчитан на 1 год.

Второе направление — развитие системы образования. Оно было представлено программами «Образование и здоровье» на 2005—2007 гг. и «Образование Кузбасса» на 2007 г. Особенностью содержательной части первой из данных программ являлось то, что она касалась медицинских проблем образовательного процесса (оптимизация учебного процесса через улучшение здоровья учащихся). В отличие от нее целевая программа «Образование Кузбасса» на 2007 г. предполагала проведение мероприятий материально-технического и организационного характера. Для программы характерен комплексный подход к определению системы мероприятий и их актуальность. Программа включала несколько направлений: развитие системы образования Кемеровской области (укрепление материальной базы образовательных учреждений и организационные мероприятия по обеспечению деятельности образовательных учреждений и социальной защите учащихся и педагогов, решение валеологических проблем учащихся, информационная поддержка образовательных учреждений); развитие сети и обеспечение доступности дошкольного образования (строительство и реконструкция

учреждений); развитие специальных (коррекционных) учреждений и учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (строительство и реконструкция учреждений); профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

В рамках третьего направления регионального программно-целевого управления, касающегося развития сферы здравоохранения, были приняты и реализованы региональные целевые программы «Здоровье кузбассовцев» на 2006 г. и «Здоровье кузбассовцев» на 2007—2009 гг. Реализация этих программ также осуществлялась по нескольким направлениям: предупреждение и борьба с заболеваниями социального характера, вакцинопрофилактика; развитие высокотехнологичных видов медицинской помощи, охрана здоровья детей, охрана и укрепление здоровья старшего поколения, оздоровление работников бюджетной сферы; государственная поддержка организации здравоохранения и отдыха населения.

Для сельско-городских территорий наиболее значимыми направлениями являлись укрепление материально-технической базы системы здравоохранения в отдаленных сельских населенных пунктах, находящихся в пределах городской территории, что было связано с большой изношенностью материальных фондов учреждений здравоохранения; укрепление здоровья пожилого поколения и лекарственное обеспечение социально незащищенных групп населения (прежде всего пенсионеров); развитие системы первой медицинской помощи.

В рамках другого направления, связанного с развитием сферы культуры, были приняты и реализованы региональные целевые программы «Культура Кузбасса» на 2006 г. и «Культура Кузбасса» на 2007 г. Основными направлениями реализации этих программ стали сохранение культурного наследия Кемеровской области (сохранение культурного своеобразия народов, населяющих Кемеровскую область, а также развитие системы образования в сфере культуры; поддержка профессионального искусства; поддержка и развитие самодеятельного искусства и культурно-досуговой деятельности; обеспечение единого культурно-информационного пространства; развитие информационной инфраструктуры учреждений культуры; повышение доступности культурных

благ; совершенствование кинообслуживания населения Кемеровской области; социальная защита работников культурной сферы и поддержка талантливой молодежи). Наиболее значимыми направлениями программ для сельско-городских территорий являлись развитие культурно-досуговой деятельности, системы кинообслуживания населения; обеспечение доступности культурных благ и услуг.

Анализ рассмотренных региональных целевых программ показывает, что в них недостаточно отражена специфика проблематики развития сельско-городских территорий. Развитие социальной сферы отражено в них с позиции социокультурной среды региона, без четкой привязки к локальному уровню. Одной из причин этого являются сильные информационные барьеры между уровнями управления, слабое управленческое обеспечение разработки региональных целевых программ. Однако решение общих вопросов социального развития региона может способствовать улучшению условий проживания населения сельско-городских территорий.

Поступила 07.05.10.

Л. Р. БАТУКОВА

ОЦЕНКА УРОВНЯ ИННОВАЦИОННОСТИ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ

Ключевые слова: инновационность, инновационность социально-экономической системы, оценка уровня инновационности, уровень инновационности инвестиционного проекта

Key words: innovativeness, innovativeness of social and economic system, investment project innovativeness level

В общественном сознании к настоящему времени сформировалось определенное понимание сущности инновационного развития социально-экономических систем, которое нашло свое отражение в используемой терминологии¹. Эти термины опираются на понятие *инновационности* как базовое методологическое свойство. Свойство инновационности является базовым системообразующим методологическим свойством, определяющим содержание практически всех понятий инновационного ряда.

В общем виде под инновационностью понимается *динамическое свойство* объекта. Это свойство состоит в таком изменении (как правило, совершенствовании) объекта, которое приводит к относительному росту «качества» объекта (социально-экономических систем или их элементов) в заданный промежуток времени по сравнению с предшествующим периодом². В данном случае «качество» понимается в широком смысле слова и связывается с качеством бытия выбранной системы или объекта. По сути, здесь речь идет об ускорении развития объекта за счет «инновационного» изменения. Ускорение качественного роста, как правило, сопровождается ростом различных количественных показателей. Но этого может и не быть, поэтому свойство

БАТУКОВА Луиза Рихардовна, доцент кафедры международного бизнеса Сибирского государственного аэрокосмического университета, кандидат экономических наук.

ускоренного качественного совершенствования сопряженных с выбранным объектом прочих объектов и систем является определяющим в характеристике инновационности. Из этого следует, что если развитие выбранного объекта на заданном отрезке времени приводит к относительному качественному росту сопряженных с ним прочих объектов (т. е. к ускорению развития), то речь идет о инновационном развитии. Но если есть лишь абсолютный рост, то имеет место инерционное развитие. Этот вывод принципиален, так как позволяет количественно охарактеризовать инновационность и отделить ее от инерционности (неинновационности)³.

Степень инновационности объекта определяется долей вклада, которую он вносит в ускорение качественного совершенствования сопряженных с ним объектов. При такой постановке вопроса инновационность предложенного на рынок товара должна определяться не столько новизной использованной при его производстве технологии, не его рыночной новизной, а тем импульсом развития, который привносит этот товар в заданную социально-экономическую систему.

Представим этот принцип в виде условного примера. Пусть мы наблюдаем объект Y . Этот объект представляет собой социально-экономическую систему, состоящую из элементов A , B и C , а также из взаимодействий данных элементов ($A-B$, $B-C$ и $A-C$). Извне на наблюдаемую нами систему действует сила F , а сама система на внешнюю среду воздействует с силой N . Кроме того, условимся, что элемент A — это используемые технологии, B — социальная подсистема системы Y , C — потребительские продукты, которые производятся в системе Y . Сила F — это уровень продаж, которые осуществляют агенты внешней среды в системе Y , сила N — уровень продаж, которые осуществляют агенты системы во внешней среде.

Изменение перечисленных элементов может приводить к изменению качества как самой системы, так и отдельных ее элементов или элементов внешней среды. Соответственно, может быть определена инновационность элементов социально-экономической системы Y , инновационность всей системы Y . Тогда, если изменение элемента A приводит к ускорению качественного развития социально-экономической системы Y в заданный промежуток времени по сравнению с прошедшим на 10 % и внешней среды на 3 %, то мы име-

ем коэффициент инновационности (Ki) элемента A , равный $0,1/0,03$, или $Ki(A) = 0,1/0,03$ ($0,1$ к $0,03$). Если применение элемента B приводит к снижению ускорения качественного развития социально-экономической системы Y в заданный промежуток времени по сравнению с прошедшим на 5 % и внешней среды на 50 %, то мы имеем коэффициент инновационности элемента B , равный $-0,05/0,5$, или $Ki(B) = -0,05/0,5$. Если применение элемента C привело к ускорению качественного развития социально-экономической системы Y в заданный промежуток времени по сравнению с прошедшим на 8 %, а внешней среды — к уменьшению на 20 %, то мы имеем коэффициент инновационности элемента C , равный $0,08/-0,2$, или $Ki(C) = 0,08/-0,2$. Если мы осуществляем продажи за пределы системы, и ускорение качественного развития всей системы от этого равно нулю в заданный промежуток времени по сравнению с предшествующим, а ускорение качественного развития внешней среды увеличивается на 10 %, то мы имеем коэффициент инновационности N , или $Ki(N) = 0/0,1$. Если мы осуществляем закупки за пределами системы и ускорение качественного развития всей системы Y от этого снижается на 10 % в заданный промежуток времени по сравнению с прошедшим, а ускорение качественного развития внешней среды увеличивается на 10 % то мы имеем коэффициент инновационности F , равный $-0,1/0,1$, или $Ki(F) = -0,1/0,1$. Если взаимодействие элементов $A-B$ ведет к снижению ускорения качественного развития всей системы Y на 5 %, а внешнее ускорение качественного развития внешней среды растет на 2 % за соответствующий период, то мы имеем коэффициент инновационности системы взаимодействия элементов $A-B$, равный $-0,1/0,02$, или $Ki(A-B) = -0,1/0,02$.

Таким образом, в этих примерах мы оценивали инновационный потенциал различных элементов системы Y . Аналогично можно подойти и к оценке инновационности всей системы Y .

Представим изложенный подход в виде двух уравнений. Первое определяет коэффициент инновационности элемента социально-экономической системы, оценивающийся ускорением качественного развития всей системы, которое он обеспечивает.

$$Kis(X) = \sum_{p=1}^n n(p) \quad , \quad (1)$$

где Ki — коэффициент инновационности; S — социально-экономическая система, относительно которой производится оценка инновационности элемента; X — элемент, инновационность которого измеряется; n — ускорение развития, которое обеспечивает социально-экономической системе S элемент X ; p — параметры, по которым производится оценка ускорения качественного развития социально-экономической системы S .

Второе уравнение определяет коэффициент инновационности социально-экономической системы, который характеризует ускорение развития данной системы по заданным параметрам.

$$Ki(S) = \sum_{p=1}^n m(p) \quad , \quad (2)$$

где Ki — коэффициент инновационности; S — социально-экономическая система; m — ускорение качественного развития социально-экономической системы, оцениваемое по изменениям заданных параметров; p — параметры, по которым производится оценка ускорения качественного развития социально-экономической системы.

Безусловно, эти модели являются укрупненными и требуют конкретизации. Но задачей, стоящей сейчас перед нами, не является защита конкретных методических инструментов в области оценки инновационного развития. Наша цель — выявление перспектив методологического подхода, который де-факто складывается с учетом понимания свойства инновационности на практическом и теоретическом уровнях. Поэтому на данном этапе мы не будем углубляться в совершенствование и развитие приведенных моделей. Уточним только, что они демонстрируют принципиальную возможность измерения инновационности разнородных объектов и систем, создания системы сравнения разнородных объектов по параметру «инновационность».

Чтобы более четко очертить методические перспективы предлагаемого подхода, рассмотрим модель на условно-практическом примере. Предположим, что имеются три

различных инвестиционных проекта: принципиально новая технология по производству мебели для дома и офиса, внедряемая на предприятии A в городе N ; социальный проект по формированию предпринимательского поведения у населения города N ; инвестиционный проект в обновление конторского оборудования в администрации города N (замена старых модификаций на новые).

При ограниченности инвестиционных ресурсов необходимо решить, какой из проектов является предпочтительным с точки зрения инновационного развития социально-экономических систем. Проекты планируется внедрить в течение семи лет.

Уровень инновационности приведенных проектов оценим по степени их воздействия на следующие социально-экономические системы: Российская Федерация; субъект Федерации C ; муниципальное образование N , входящее в субъект Федерации C ; конкретное предприятие A , находящееся в муниципальном образовании N . Параметрами, по которым будет проведена оценка инновационности проектов, являются развитие производственной сферы (единица измерения — отдача на вложенный в производственную сферу капитал, %); развитие социальной сферы (степень доступности качественных социальных благ в области здравоохранения для рядового гражданина: студента, рабочего, служащего, %); развитие информационной сферы (доступность информации, необходимой для повышения профессионального уровня рядового гражданина: студента, служащего, рабочего, %); повышение материального благосостояния рядовых работников (служащих, рабочих, %).

В табл. 1 представлена оценка уровня инновационности новой технологии по производству мебели для дома и офиса, внедряемая на предприятии A в городе N . Принцип оценки — выявление степени воздействия этой технологии на развитие сопряженных с предприятием A социально-экономических систем. Степень воздействия определяется в процентах.

Рассмотрим оценки, приведенные в столбце «Развитие производственной сферы» (снизу вверх).

Предприятие, внедряющее принципиально новую технологию, которая является ядром технологического процесса, осуществляет качественный скачок в своем развитии.

Кроме того, трансформируясь из небольшого регионального производителя в лидера нового направления, предприятию потребуется качественно изменить основные функции бизнеса. Поэтому потенциал ускорения качественного развития, который несет данный проект «Предприятию *S* г. *N*», мы оцениваем как стопроцентный (предстоит полностью измениться всему бизнесу).

Таблица 1

Оценка уровня инновационности новой технологии по производству мебели, запланированной к внедрению на предприятии *A* в городе *N*, %

Уровень объекта в иерархии социально-экономических систем	Развитие производственной сферы	Развитие социальной сферы	Развитие информационной сферы	Повышение материального благосостояния рядовых работников	Средняя по всем факторам
Российская Федерация	5	1	0	0,9	1,73
Субъект Федерации <i>C</i>	2	0,5	0	0,8	0,83
Муниципальное образование <i>N</i> , входящее в субъект Федерации <i>C</i>	1	0,1	0	0,5	0,4
Предприятие <i>S</i> г. <i>N</i>	100	0	0	50	25

Муниципальное образование *N* вследствие внедрения данной технологии на предприятии *S* получает на своей территории ускорение качественного развития техногенной и производственной сферы по ряду направлений. Во-первых, строительные организации используют новую дешевую и качественную мебель в строительстве «под ключ», что делает этот тип жилья более доступным. В то же время строительство «под ключ» не является принципиально важной сферой строительного рынка в муниципалитете, и это не приведет к сколько-нибудь заметному увеличению строительной индустрии. Во-вторых, появляется возможность развития местной дизайнерской школы с появлением нового материала. Учитывая, что муниципальное образование является достаточно крупным и работает на весь субъект Федерации *C*, развитие местной дизайнерской школы долж-

но получить достаточный импульс. Но этому должны способствовать соответствующие финансовые вливания. Таких вливаний проект внедрения технологии не предусматривает. Поэтому перечисленные преимущества, которые получит техногенная и производственная сфера муниципального образования *N*, не изменят сколько-нибудь заметно данную сферу. Вследствие этого ускорение качественного развития производственной сферы муниципального образования *N* мы оцениваем как однопроцентное.

Субъект Федерации *C* предусмотрел поддержку внедрения этой технологии на всей своей территории по нескольким направлениям. Во-первых, путем трансферта технологию планируется распространить на территорию еще нескольких муниципальных образований. В процессе трансферта технологии будет усовершенствована технологическая база ряда местных предприятий по производству мебели, будет вытеснен или сокращен объем продаж производителей прочих территорий. Во-вторых, производство заготовок для производства мебели будет расширяться, а оно также находится на территории субъекта Федерации. Это послужит ускоренному качественному развитию производственной сферы. В-третьих, развитие техногенной производственной сферы также пойдет по линии строительной отрасли, которая специализируется на строительстве «под ключ», но здесь значительной поддержки не предусматривается. В-четвертых, субъектом Федерации предусмотрена поддержка развития дизайнерского направления по работе с новым материалом в городе *Z* субъекта Федерации *C* (город *N* такой поддержки не получил). Все это свидетельствует о том, что ускорение развития техногенной и производственной сферы субъекта Федерации *C* в целом будет более значительным, чем муниципального образования *N*. Естественно, чтобы оценить ускорение в процентах, необходимо произвести расчеты по субъекту Федерации *C*. В нашем случае мы воспользуемся приближительной цифрой — 2 %.

Российская Федерация при поддержке внедрения технологии на своей территории может получить ускорение развития производственной сферы по тем же направлениям, по которым оно будет осуществлено у субъекта Федерации *C*. Естественно, не по всей территории производят мебель в одинаковых объемах, и ускорение не всем субъектам

Федерации принесет развитие производственной сферы в равной степени. В то же время на уровне России все изменения будут иметь более значительные последствия для ускорения развития производственной сферы, чем на территории одного субъекта. Это обусловлено тем, что поддержка на уровне федерации экспансии технологии за рубеж обеспечит дополнительное ускорение развития отечественной производственной сферы, а поддержка развития национальной дизайнерской школы в направлении освоения новой рыночной ниши обеспечит выведение ее на мировой уровень. Более того, возможно выявление новых направлений применения новых технологий, далеко не очевидных в настоящее время.

В табл. 2 представлена оценка уровня инновационности социального проекта по формированию предпринимательского поведения у населения города *N*. В табл. 3 дана оценка уровня инновационности инвестиций в обновление конторского оборудования в администрации города *N*.

Таблица 2

Оценка уровня инновационности социального проекта по формированию предпринимательского поведения у населения города *N*, %

Уровень объекта в иерархии социально-экономических систем	Развитие производственной сферы	Развитие социальной сферы	Развитие информационной сферы	Повышение материального благосостояния рядовых работников	Средняя по всем факторам
Российская Федерация	0,01	0,0	0,01	0,01	0,01
Субъект Федерации С	0,5	0,1	2	0,1	0,68
Муниципальное образование <i>N</i> , входящее в субъект Федерации С	40	30	50	30	37,7
Предприятие <i>S</i> г. <i>N</i>	0	0	0	0	0

Таблица 3

Оценка уровня инновационности инвестиций в обновление конторского оборудования в администрации города *N*, запланированных на 7-летний период, %

Уровень объекта в иерархии социально-экономических систем	Развитие производственной сферы	Развитие социальной сферы	Развитие информационной сферы	Повышение материального благосостояния рядовых работников	Средняя по всем факторам
Российская Федерация	0	0	0,5	0	0,13
Субъект Федерации С	0	0	2	0	0,05
Муниципальное образование <i>N</i> , входящее в субъект Федерации С	0	0	10	0	2,5
Производственные предприятия города <i>N</i>	0	0	0	0	0

Основные результаты, полученные по данным проектам, представлены на рисунке.

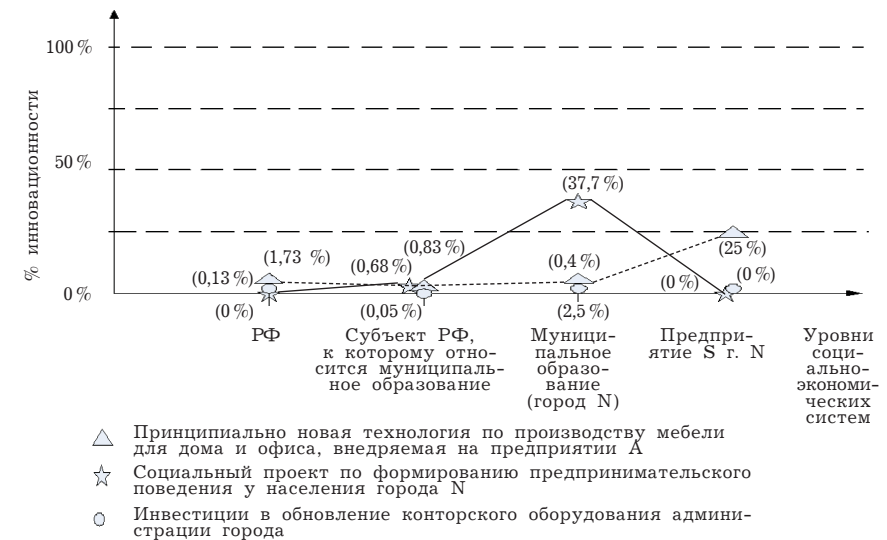

Рисунок. Оценка уровней инновационности инвестиций по трем проектам

Из анализа выше приведенных расчетов следует, что в качестве наиболее привлекательных для инвестирования должны быть выделены два проекта: проект по внедрению технологии по производству мебели для дома и офиса на предприятии А в городе N и проект по формированию предпринимательского поведения у населения города N. Цели у этих проектов различны. В связи с этим, если необходимо выбрать один из них, то следует руководствоваться приоритетом в каждом конкретном случае.

Подводя итог, следует отметить, что методологическое предположение о сущности инновационности позволяет достаточно просто создавать методические инструменты измерения уровня инновационности различных объектов (товаров, проектов, программ, социально-экономических систем); сравнивать по признаку инновационности между собой принципиально различные объекты; опираясь на оценку уровня инновационности, разрабатывать системы и порядок финансирования инновационных проектов за счет средств бюджетов различного уровня.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Глазьев С.Ю. О стратегии развития Российской экономики: научный доклад. URL: <http://hghltd.yandex.net/>; <http://spkurdyumov.narod.ru/Start1N.htm> (дата обращения: 10.02.2010); Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды. М.: Экономика, 2002. 768 с.

² См.: Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. (утв. Распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р). URL: <http://www.ifar.ru/ofdocs/rus/rus006.pdf> (дата обращения: 10.02.2010).

³ См.: Шумпетер Й. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия / предисл. В.С. Автономова. М.: ЭКСМО, 2007. 864 с.

Поступила 01.03.10.

И. Н. КРУТОВА

ДИВЕРСИФИКАЦИЯ РИСКА СТАВКИ ПРОЦЕНТА ПО ИНВЕСТИЦИОННОМУ КРЕДИТУ В АПК РЕГИОНОВ

Ключевые слова: проектное финансирование, инвестиционный кредит, риск, процентная ставка, методика, диверсификация, регион, Республика Мордовия

Key words: project financing, investment credit, risk, interest rate, methods, diversification, region, the Republic of Mordovia

Важным аспектом минимизации рисков проектного финансирования является минимизация рисков ставки процентов. В мировой практике подобные риски минимизируются путем применения мер, направленных на хеджирование процентной ставки, например, процентных обменов, соглашений о потолке процентной ставки, определения максимума и минимума и других инструментов.

Разработанная нами методика минимизации риска ставки процента путем вычисления средневзвешенной минимальной ставки процента по кредиту по РФ включает одиннадцать шагов. Эта методика учитывает два важных с точки зрения рисков природы экономического взаимодействия субъектов инвестиционной деятельности фактора. В методике учитывается фактор инвестиционного климата региона. В связи с этим целесообразно рассчитывать минимальную ставку банковской маржи ежегодно, по мере изменения рейтинга инвестиционного климата региона. Данный фактор обуславливает деление всех регионов страны на семь групп инвестиционного климата, каждая из которых характеризуется двумя коэффициентами, определяющими верхнюю и нижнюю границу риска. Второй фактор учитывает исключительно важный аспект рисков природы ведения сельского хо-

КРУТОВА Ирина Николаевна, доцент кафедры финансов и кредита Мордовского государственного университета, кандидат экономических наук.

зайства, который заключается в изменении по мере смены природно-климатических поясов условий ведения сельского хозяйства в различных регионах.

Кроме того, в предложенной методике учитывается покрытие риска. Здесь возможны два варианта: кредитование с покрытием и без покрытия факторов риска. Под покрытием в проектом финансировании АПК мы подразумеваем залоговое обеспечение инвестиционного кредитования по средствам залога региональной казны, а под региональной казной — остаточную на конец года стоимость основных фондов некоммерческих организаций за вычетом основных фондов здравоохранения и образования, умноженную на коэффициент 1,5.

Суть методики состоит в следующем. Регионы РФ распределяются по семи группам риска в соответствии с рейтингом инвестиционного климата Агентства Ра-Эксперт (табл. 1).

Таблица 1

Конвертация категорий риска в российских регионах

Классификация рисков регионов в соответствии с методикой вычисления минимальной банковской маржи	Классификация рисков в соответствии с рейтингом инвестиционного климата	Характеристика составляющих рейтинга инвестиционного климата
0	1А	Максимальный потенциал — минимальный риск
1	2А	Средний потенциал — минимальный риск
2	3А	Низкий потенциал — минимальный риск
3	1В	Высокий потенциал — умеренный риск
3	2В	Средний потенциал — умеренный риск
	3В1	Пониженный потенциал — умеренный риск
5	3В2	Незначительный потенциал — умеренный риск
6	1С	Максимальный потенциал — высокий риск
6	2С	Средний потенциал — высокий риск

Классификация рисков регионов в соответствии с методикой вычисления минимальной банковской маржи	Классификация рисков в соответствии с рейтингом инвестиционного климата	Характеристика составляющих рейтинга инвестиционного климата
7	3С1	Пониженный потенциал — высокий риск
7	3С2	Незначительный потенциал — высокий риск
7	3В	Низкий потенциал — экстремальный риск

Далее вычисляется минимальная ставка процента по кредиту БМ (банковская маржа) по формуле:

$$БМ = (a * ГР) + б) * ФК * ПФП * (1 - ФИ) * ФП, \quad (1)$$

где a , $б$ — коэффициенты риска региона, $ГР$ — горизонт риска, $ФК$ — фактор качества продукции, $ПФП$ — процент фактора покрытия, $ФИ$ — фактор включения / исключения риска региона, $ФП$ — фактор покрытия риска покупателя.

Затем регионы распределяются по группам коэффициентов риска заемщика, фактора качества продукции и процента фактора покрытия (табл. 2).

Таблица 2

Значения коэффициентов риска региона, фактора качества продукции и других факторов

	Категория региона по рисковому фактору							
	0	1	2	3	4	5	6	7
A	—	0,100	0,225	0,392	0,585	0,780	0,950	1,120
b	—	0,350	0,350	0,400	0,500	0,800	1,200	1,800
ФК: Зона рискованного земледелия	—	0,9965	0,9935	0,9850	0,9825	0,9825	0,9800	0,9800
Зона средней полосы	—	1,0000	1,0000	1,0000	1,0000	1,0000	1,0000	1,0000
Зона, благоприятная для земледелия	—	1,0035	1,0065	1,0150	1,0175	1,0175	1,0200	1,0200

	Категория региона по рисковому фактору							
	0	1	2	3	4	5	6	7
ПФП	—	0,0000	0,00337	0,00489	0,01639	0,0365	0,05878	0,08598
ФИ(1)	0	Если кредитор имеет приоритет в удовлетворении своих требований						
ФИ(2)	1	Если кредитор не имеет приоритета в удовлетворении своих требований						
ФП(3)	1	Если покрытие риска покупателя отсутствует полностью						
ФП(4)	0,9	Если покрытие риска покупателя присутствует						

Фактор качества в методике интерпретируется нами по зонам земледелия, которые условно делятся на зоны рискованного земледелия, умеренного риска для земледелия и благоприятную для земледелия. Этот фактор при расчете минимальной банковской маржи в каждом из регионов учитывается один раз.

Примем горизонт риска (период выплаты кредита) равный десяти годам, т. е. под кредитом подразумевается инвестиционный кредит. При расчетах следует иметь в виду неэквивалентность минимальной ставки банковской маржи и ставки банковского процента за тот же период времени. Минимальная ставка банковской маржи является составляющей ставки банковского процента, для получения которого к ставке банковской маржи необходимо добавить текущую ставку рефинансирования Центрального Банка РФ. В данном случае расчеты приводятся с учетом условий субсидирования ставки рефинансирования при инвестиционном кредитовании АПК государством.

Фактор включения (исключения) риска региона имеет две возможные позиции, которым соответствуют значения 1 и 0. Фактор покрытия риска покупателя имеет также две возможные позиции, которым соответствуют значения 0 и 0,9. Таким образом, формула минимальной банковской маржи принимает четыре возможных варианта (BM_1, BM_2, BM_3, BM_4) (табл. 3).

В настоящее время банковская маржа не зависит от инвестиционной привлекательности того или иного региона РФ, она приблизительно одинакова в разных банках и регионах. Однако усреднение банковской маржи происходит не в пользу сельскохозяйственного товаропроизводителя, а в пользу банковских структур. Бытует мнение, что прак-

тически все регионы РФ обладают высокими инвестиционными рисками и низким инвестиционным потенциалом. Этими же аргументами сопровождается отказ зарубежных банков финансировать проекты в регионах, не входящих в категорию «житницы страны» или не находящихся вблизи от основных транспортных артерий. В то же время каждый регион отличается от других именно этими параметрами (инвестиционный риск и инвестиционный потенциал). Поэтому мы сделали попытку диверсифицировать ставку банковской маржи в зависимости от ранга региона в инвестиционном рейтинге страны.

Таблица 3

Варианты формулы минимальной банковской маржи

Варианты формулы минимальной банковской маржи	
$BM_1 = ((a * GP) + б) * ФК * ПФП * (1 - ФИ_1) * ФП_1 = 0$,	(2)
где $a, б$ — коэффициенты риска региона, GP — горизонт риска, $ФК$ — фактор качества продукции, $ПФП$ — процент фактора покрытия, $ФИ_1 = 1, ФП_1 = 1$	
$BM_2 = ((a * GP) + б) * ФК * ПФП * (1 - ФИ_1) * ФП_0 = 0$,	(3)
где $a, б$ — коэффициенты риска региона, GP — горизонт риска, $ФК$ — фактор качества продукции, $ПФП$ — процент фактора покрытия, $ФИ_1 = 1, ФП_0 = 0,9$	
$BM_3 = ((a * GP) + б) * ФК * ПФП_0$,	(4)
где $a, б$ — коэффициенты риска региона, GP — горизонт риска, $ФК$ — фактор качества продукции, $ПФП$ — процент фактора покрытия, $ФИ_0 = 0, ФП_0 = 0,9$	
$BM_4 = ((a * GP) + б) * ФК * ПФП$,	(5)
где $a, б$ — коэффициенты риска региона, GP — горизонт риска, $ФК$ — фактор качества продукции, $ПФП$ — процент фактора покрытия, $ФИ_0 = 0, ФП_1 = 1$	

Необходимо рассчитать значение минимальной банковской маржи для регионов с незначительным потенциалом и умеренным риском. Примером подобного региона является Республика Мордовия (табл. 4).

Таким образом, в Мордовии при горизонте риска, равном 10 годам, и наличии покрытия риска минимальная банковская маржа по инвестиционному сельскохозяйственному кредиту составит 27,8 %. При отсутствии покрытия риска минимальная банковская маржа составит 30,9 %.

Таблица 4

Расчет значения минимальной банковской маржи
для регионов со значительным потенциалом и умеренным риском

Категория по рисковому фактору	5	
A	0,780	
b	0,800	
ФК: Зона рискованного земледелия	0,9825	
ПФП	0,03657	
ФИ	0	Кредитор имеет приоритет в удовлетворении своих требований
ФП	1	Покрытие риска покупателя отсутствует полностью
	0,9	Покрытие риска покупателя присутствует
ГР	Примем за горизонт риска период, равный 10 годам	
$БМ_3 = ((0,780 * 10) + 0,800) * 0,9825 * 0,03657 * 0,9 = 0,2781 = 27,8$		
$БМ_4 = ((0,780 * 10) + 0,800) * 0,9825 * 0,03657 = 0,3090 = 30,9$		

Используя вышеприведенные данные, можно найти средневзвешенную банковскую маржу по Российской Федерации.

Такой инструмент минимизации рисков, как минимальная банковская маржа, на наш взгляд, имеет, с одной стороны, стимулирующую функцию, проявляющуюся в том, что банки охотнее ссудят капитал в регион, который обладает небольшой инвестиционной привлекательностью в том случае, если получают за это адекватное материальное вознаграждение. С другой стороны, если границы расчетной минимальной банковской маржи будут закреплены региональным законодательством, то банки не смогут спекулировать более высокими процентными ставками, чем расчетные.

Поступила 14.05.10.

Е. Н. МАЛЬЧЕНКОВ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕГИОНЕ

Ключевые слова: инвестиционная деятельность, инвестиционный процесс, инвестиционные ресурсы, предприятие, производство, воспроизводство, модернизация, эффективность

Key words: investment activity, investment process, investment resources, enterprise, production, reproduction, modernisation, efficiency

Достижение высокого уровня экономического и социального развития общества выводит в число важнейших приоритетов необходимость активизации инвестиционной деятельности, осуществляемой субъектами хозяйственной системы. Значимость такой роли обусловлена потребностью в инвестиционных ресурсах, используемых при создании новых предприятий и фирм, расширением объемов и сфер влияния существующих предприятий, их укрупнением, борьбой за конкурентоспособность товаров и услуг. В таких условиях развития экономической системы и ее составляющих роль инвестиций необычайно высока, а в условиях реформ роль и значение инвестиций трудно переоценить.

Сохранение физического объема основных фондов в годы реформ российской экономики происходило в условиях беспрецедентного падения инвестиций в основной капитал. По отраслям, производящим товары, объем инвестиций в 2006 г. не достиг трети их физического значения 1990 г. Это привело к уменьшению основных фондов в этих отраслях экономики и массовому устареванию их активной части. По данным Росстата, из находящегося в эксплуатации оборудования 85 % использовались более 10 лет, а 76 % — свыше 16¹. Действующий классификатор основных фондов, определяющий срок полезного использования различных групп основных средств, не предусматривает эксплуатацию подобного возрастного технологического оборудования².

МАЛЬЧЕНКОВ Евгений Николаевич, преподаватель кафедры общенаучных дисциплин Ковылкинского филиала Мордовского государственного университета.

Выходом из создавшегося положения является масштабная инновационная реконструкция предприятий всех отраслей экономики. Очевидно, что решение этой задачи невозможно без активизации инвестиционных механизмов. Однако здесь ситуация осложнена тем, что происходящие кризисные явления в экономике одним из негативных последствий имеют снижение возможностей инвесторов по формированию и использованию источников инвестиционной деятельности. Их состав в России был не так широк до осени 2008 г., а начавшийся финансовый кризис еще более усугубил положение и привел к острому дефициту средств финансирования бизнеса.

Исследование инвестиций с позиции воспроизводственного подхода отражает их значимость в достижении макроэкономической стабилизации и экономического роста. Решение таких задач невозможно без активизации инвестиционной деятельности, в ходе которой в рамках национальной экономики осуществляются вложения капитала в создание и функционирование предприятий. При этом неотъемлемым условием качественного и устойчивого развития экономики выступает своевременное инвестирование средств в достаточном количестве в обновление устаревающих основных фондов реального сектора экономики. Постоянно модернизируемая хозяйственная система становится высоко технологичной. Следовательно, она более эффективно использует имеющиеся в распоряжении ресурсы, отвечает требованиям безопасности (соблюдаются экологические нормы, появляется социальная направленность развития, обеспечиваются значимые для населения ориентиры благосостояния). Учитывая, что эффективность и безопасность лежат в основе конкурентоспособности³, следует говорить о необходимости повышения конкурентных преимуществ национальной экономики в результате осуществления вложений в развитие производственной сферы.

Предметом нашего рассмотрения является эффективность инвестиционной деятельности. Под эффективностью инвестиционной деятельности мы понимаем *результативность инвестиционной системы, выражающейся в отношении конечных полезных результатов ее функционирования к затраченным ресурсам*. Иными словами, это такое состояние инвестиционного процесса, когда объем инвестиций в ре-

лизацию модернизации (например, производства) адекватен конечному результату модернизации.

Страны, выбирающие стратегии развития и обеспечения конкурентоспособности посредством активизации инвестирования в обновление производства (США, Япония, Германия), становятся общепризнанными мировыми лидерами в сфере технологий. Позиции лидеров в технологической сфере позволяют им формировать и диктовать свою волю в области международных политических и экономических отношений.

В нашем государстве научно-техническая и инвестиционная политика длительное время осуществлялась централизованно и в основном за счет госбюджетных источников. В этих условиях тактика субъектов хозяйственной деятельности строилась на стремлении получить доступ к источнику средств и использовать их на совершенствование производства через применение мелких инноваций технологического характера. Такие инновации не затрагивали существующие организационные структуры производства, технику и технологию, слабо находили отражение в потребительских свойствах продукции. Свидетельством тому может служить существующая сегодня низкая конкурентоспособность большинства отечественных товаров.

Чтобы инвестиционная деятельность обеспечивала стабильный экономический рост, требуется наличие долгосрочной не только федеральной и региональной государственной инвестиционной политики, направленной на формирование инновационной экономики, но и такой же политики отраслей экономики и отдельных хозяйствующих субъектов. В частности, важно активизировать приоритетное инвестирование наукоемкой промышленности, особенно высокотехнологичных предприятий машиностроения, на основе развития научно-инновационных циклов и накопления интеллектуального капитала. Также необходимо, на наш взгляд, определить на длительную перспективу структурные приоритеты развития инновационной экономики и создать механизмы государственного стимулирования эффективного вложения инвестиционных ресурсов в наукоемкие производства с учетом научно обоснованных критериев экономической и инвестиционной безопасности. Индикаторы инвестиционной безопасности на макроуровне могут выступать одновременно и критериями

достижения стратегических целей социально-экономического развития и перехода к инновационной экономике.

Подобными индикаторами, на наш взгляд, являются доля накопления валовых инвестиций в ВВП, отношение темпов роста инвестиций к темпу роста ВВП. Индикатор характеризует соотношение темпов роста инвестиций и темпов прироста ВВП и должен иметь положительное значение при положительной экономической динамике. Уровень обновления основного капитала путем инвестирования выбытия основных фондов (это еще один индикатор) следует применять на мезоуровне в отраслях и регионах, а также на микроуровне на государственных предприятиях, в компаниях и корпорациях. Если отношение инвестиций в обновление основного капитала к инвестициям в выбытие (списание) по причине предельного старения имеет значение выше единицы, то такой индикатор свидетельствует об обновлении основного капитала, а в противном случае — о его отсутствии. При превышении инвестиций в обновление основных фондов над возмещением их выбытия $I_{без} = (I_{обн}/I) : (I_{выб}/I) > 1$ можно говорить о положительной тенденции обновления основного капитала. Для предельно изношенных фондов индикатор безопасности целесообразно выдерживать на уровне $I_{без} \geq 1,5$, т. е. инвестиции в обновление основного капитала должны превышать не менее чем на 50 % его выбытие по отношению к первоначальной стоимости. Достижение предельного значения этого индикатора инвестиционно-экономической безопасности на мезо- и микроуровне означает, что одна часть инвестиций направляется на возмещение выбытия фондов, а другая может направляться в инновации. Индикаторы инвестиционных рисков должны соответствовать критериям инвестиционной безопасности и определять ее параметры (на макроуровне — для экономики в целом, на мезоуровне — в регионах и отраслях экономики, на микроуровне — на предприятиях, в компаниях и корпорациях с учетом факторов инвестиционных рисков)⁴.

В инвестиционной деятельности действует закон разнообразия. В инвестиционных процессах возможно и необходимо обеспечение разнообразия форм, методов организации и управления на всех уровнях на принципах экономической демократии, широкого использования кооперации, многообразия источников финансирования, разнообразия форм

взаимодействия субъектов инвестирования, форм собственности и хозяйствования.

Инвестиционная деятельность по своей сути крайне динамична и, следовательно, требует применения гибких форм ее организации и управления. В то же время она состоит из последовательно осуществляемых фаз: накопление свободного капитала у потенциального инвестора; поиск инвестором выгодных направлений вложения средств; формирование в экономике высокоэффективных направлений вложения средств; создание государством правовых условий, способствующих эффективному привлечению капитала. Это требует комплексного регулирования основных элементов инвестиционной деятельности с ориентацией на конечные результаты, начиная от создания механизмов мотивации инвестиционной деятельности до формирования в стране и ее регионах среды, благоприятной для инвестирования. В процессе организации инвестиционной деятельности государство, хозяйствующие субъекты используют сочетания различных экономических, организационных и правовых методов с соответствующим разнообразием форм, стимулов и ограничений хозяйственной деятельности⁵.

Сторонами, обеспечивающими инвестиционную деятельность, являются инвесторы, инвестиционные посредники, получатели (реципиенты) инвестиций, государство и его отдельные регионы, органы местного самоуправления. Перечисленные стороны действуют на различных этапах инвестиционного процесса, преследуют различные цели и отстаивают собственные интересы, что обуславливает многомерность инвестиционного процесса.

Территория (регион) как владелец местных ресурсов заинтересована в их выявлении и эксплуатации, в условиях, присущих данному региону и способных в силу их «редкости» выступить в роли рентообразующих факторов и приносить реальный доход региону. Критерием удовлетворения интересов территории как владельца местных ресурсов может служить эффективность их использования. Регион (территория) как распорядитель местных ресурсов, действующий в рамках ограничений, наложенных государством и имеющимися ресурсами, призван обеспечивать реализацию государственной политики во всех областях хозяйственной деятельности. Он заинтересован в повышении разнообразия

территориально обособленных форм удовлетворения общественных потребностей. Критерием достижения этих интересов может служить соотношение разнообразия продуктов и услуг, доступного для удовлетворения потребностей всей совокупности территориальных единиц хозяйствования, и разнообразия удовлетворенных потребностей населения региона.

Республику Мордовия вряд ли можно отнести к регионам, богатым энергоресурсными полезными ископаемыми, наличие которых позволяет другим субъектам РФ быть регионами-донорами. Это вынуждает руководство республики ориентироваться на развитие материального производства, сельского хозяйства и, что особенно важно в современных условиях, на развитие инновационных технологий.

Анализ инвестиционной деятельности республики показывает, что, не обладая значительными ресурсами для обширного участия в этом процессе, у региона есть положительный опыт его стимулирования. Сосредоточившись на вопросах законодательства и льготного налогообложения, республиканские власти широко использовали различные меры стимулирования инвестиций: предоставление льгот по налогам и сборам, субсидий, государственных гарантий Республики Мордовия⁶. В 2000—2008 гг. совокупный рост вложений в основной капитал на предприятиях республики составил 320 %. Однако в условиях образовавшейся у предприятий Мордовии нехватки ресурсов объемы вложений в основной капитал стали стремительно падать (в первом полугодии 2009 г. объем вложений составил 67,3 % от показателя соответствующего периода 2008 г.)⁷.

Значительную поддержку инвестиционной деятельности в регионе оказал «Региональный венчурный фонд инвестиций в малые предприятия в научно-технической сфере Республики Мордовия», сформированный из средств федерального и регионального бюджетов. Его целью является финансовая поддержка субъектов малого предпринимательства при реализации научно-технических проектов. Средства фонда выделяются без предоставления залога или поручительства, и за пользование ими не взимаются проценты. Фонд получает доход за счет долевого участия в реализуемых проектах⁸.

Подъем инвестиционной активности в 2000—2008 гг. на национальном и региональном уровнях, по мнению А. В. Матюшина, является отражением активизации инвестиционной

деятельности отдельных юридических лиц. Предприятия Мордовии вкладывали значительные средства в обновление основных фондов, увеличение производственных мощностей и научно-исследовательские работы. Эффект от этих вложений по срокам наступления и величине отдачи был различен, но положительная динамика экономических показателей промышленных предприятий, осуществляющих инвестиционную деятельность, стала вполне очевидной. Например, ОАО «Мордовцемент» увеличило объем денежных средств, направляемых на инвестиции в 2000—2007 гг., с 38 228 тыс. руб. до 7 015 160 тыс. руб. (вложения в основной капитал составляли 4 633 тыс. руб. и 4 619 475 тыс. руб. соответственно). Рентабельность собственного капитала возросла с 3,84 до 107,6 %. В 2008 г. показатель рентабельности составил 54,2 %, но причиной этого стало не снижение прибыли (ее величина повысилась с 5 604 884 тыс. руб. до 5 952 288 тыс. руб.), а увеличение собственного капитала предприятия (среднегодовое значение выросло с 5 208 848 тыс. руб. в 2007 г. до 10 987 434 тыс. руб. в 2008 г.)⁹.

Мировой экономической кризис не мог не сказаться на эффективности инвестиционной деятельности в регионе: условия ведения хозяйственной деятельности и осуществления инвестиций значительно усложнились. Одновременно ужесточились условия банковского кредитования, тогда как земные средства выступали одним из важнейших источников финансирования инвестиций. В конце 2008 — начале 2009 г. доходность от вложений, осуществляемых предприятиями республики, падала, а риск в ходе осуществления инвестиционной деятельности значительно возрос. В ситуации, когда у многих предприятий финансовые вложения в рискованные активы (акции других организаций) значительно превосходили инвестиции в основной капитал и депозиты, негативные последствия изменения динамики фондового рынка не замедлили сказаться.

Между тем достижение высокой инвестиционной активности возможно только при благоприятном экономическом климате, в основе которого лежат условия, характерные для текущего состояния национальной экономической системы, проявляющиеся в абсолютных крайних и средних значениях эффективности вложения денежных и других средств, определяемой сложившимися отношениями субъектов инвестиционной деятельности¹⁰. Благоприятный экономический

климат, являясь основным условием повышения деловой активности, способствует реализации стремления инвесторов к осуществлению вложений капитала в производственную и предпринимательскую сферу. При этом каждый инвестор ожидает получения прибыли после завершения инвестиционного проекта.

Необходимо иметь в виду, что экономический климат формируется при значительном участии государства. Оно определяет внешнюю и внутреннюю политику, вводит налоги, устанавливает процентные ставки, меняя их в зависимости от экономической ситуации и сдерживая их рост специальными экономическими методами, а также воздействует на уровень собираемости налогов и занимается отработкой законодательных актов, формируя тем самым экономические, политические, правовые условия, определяющие функционирование хозяйствующих субъектов и эффективность их инвестиционной деятельности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Дасковский В., Киселев В. О кризисе процесса воспроизводства основных фондов и хозяйственной деятельности в экономике России // Инвестиции в России. 2009. № 1. С. 32—44.

² См.: Классификатор основных фондов, включаемых в амортизационные группы. М.: Ось-89, 2002. 60 с.

³ См.: Экономическая безопасность России: общий курс: учебник / под ред. В.К. Сенчагова. М.: Дело, 2005. С. 208.

⁴ Там же. С. 174.

⁵ См.: Жданов В.П. Организация и финансирование инвестиций. Калининград: Янтарный сказ, 2000. С. 36.

⁶ См.: Закон Республики Мордовия от 20 февраля 2006 г. № 6-З «О государственной поддержке инвестиционной деятельности в Республике Мордовия». URL: <http://mineco.e-mordovia.ru/invest/norm1.html> (дата обращения: 10.12.2009).

⁷ См.: Основные показатели инвестиционной и строительной деятельности в субъектах Российской Федерации в первом полугодии 2009 года. URL: http://www.gks.ru/doc_2009/inv-s/bul03.zip (дата обращения: 22.12.2009).

⁸ См.: О формировании венчурного фонда Республики Мордовия. URL: <http://www.vfrm.ru/?cat=about> (дата обращения: 12.11.2009).

⁹ См.: Матюшин А.В. Активизация инвестиционной деятельности в промышленности // Регионоведение. 2010. № 1. С. 87.

¹⁰ См.: Фатхиев А.М. Экономические отношения формирования инвестиционного климата // Экономические науки. 2008. № 3. С. 114—117.

Поступила 17.05.10.

С. С. КУЛАКОВ, О. Г. КУЛАКОВА **РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ МЕНЕДЖМЕНТА КАЧЕСТВА В РЕГИОНЕ**

Ключевые слова: качество, менеджмент качества, конкурентоспособность, инновации, система менеджмента качества (СМК), управление качеством, сертификация, стандарты ИСО, внедрение системы качества, функции СМК

Key words: quality, quality management, competitive ability, innovations, quality management system, quality management, certification, ISO standards, quality system implementation, functions of quality management system

Наличие в организации эффективно действующей системы менеджмента качества (СМК) является признанным свидетельством ее способности стабильно выпускать качественную продукцию, проводить работы или оказывать услуги, отвечающие требованиям потребителей и обязательным требованиям. Подтверждение существования такой системы осуществляется путем сертификации СМК.

В условиях рынка качество продукции является определяющим фактором ее конкурентоспособности. Способность предприятия выпускать конкурентоспособную продукцию — это лучший аргумент для потенциального потребителя. При этом успех в решении проблем качества может быть достигнут при сочетании отечественного и зарубежного опыта в области внедрения современных методов менеджмента качества, в том числе на базе внедрения МС ИСО серии 9000.

Примеры развития передовых стран в различных сферах показывают, что решение проблем качества должно стать национальной идеей и носить всеобщий характер. Одной из важнейших составляющих качества продукции является ее безопасность для человека, имущества, окружающей среды. Степень безопасности продукции, соответствующая уровню социально-экономического развития Республики Мордовия,

КУЛАКОВ Сергей Сергеевич, консультант отдела информационной безопасности Министерства науки, информатизации и новых технологий Республики Мордовия.

КУЛАКОВА Ольга Геннадьевна, студентка Мордовского гуманитарного института.

регулируется и гарантируется органами государственного управления, использующими для этого экономические и административные меры воздействия.

Республика не стоит в стороне от вопросов, связанных с повышением качества и конкурентоспособности продукции и услуг. Правительством РМ ведется масштабная работа по ускоренному внедрению СМК и стандартов серии ИСО 9000, которым Глава республики уделил большое внимание в своем Послании. Правительство РМ выступило с инициативой по активизации работы республиканских министерств и ведомств в области ускоренного внедрения СМК на подведомственных предприятиях. В республике был создан Координационный совет при Правительстве РМ по формированию и реализации политики Республики Мордовия в области качества продукции, услуг и конкурентоспособности предприятий, который возглавил Председатель Правительства РМ. Также разработана и утверждена Концепция политики РМ в области качества и конкурентоспособности продукции и услуг.

Для оказания методической, организационной и консалтинговой помощи по внедрению СМК создана сеть центров, укомплектованных специалистами высокой квалификации (ФГУ «Мордовский ЦСМ», Мордовский государственный университет, ТПП Республики Мордовия, Республиканский инжиниринго-консалтинговый центр с филиалами в каждом районе республики). Выполнение программы республиканских комплексных мероприятий по повышению качества продукции и услуг, конкурентоспособности предприятий на 2007—2011 гг. дает свои положительные результаты. В настоящее время более 60 предприятий получили сертификаты на СМК, около 15 ведут их активную разработку и внедрение.

Для формирования положительной репутации продукции, производимой на предприятиях республики, повышения ее конкурентоспособности, активного продвижения на российский и зарубежный рынки в Мордовии ежегодно проводятся выставки и конкурсы. К числу наиболее авторитетных относится конкурс «Лучшие товары Мордовии», проводимый в рамках Всероссийского конкурса Программы «100 лучших товаров России». Популярность таких мероприятий растет из года в год. Так, если в первом конкурсе участвовали

9 предприятий (в 2005 г. — 49), то в 2009 г., несмотря на крайне сложную экономическую обстановку, — 68 участников, представивших 158 заявок. На федеральный этап конкурса «100 лучших товаров России» были направлены 48 видов продукции и услуг, которые достойно представили республику.

Ежегодное участие предприятий и организаций Мордовии в региональном конкурсе «Лучшие товары Мордовии» и на федеральном этапе Программы «100 лучших товаров России» говорит о том, что с каждым годом повышается активность и растет профессионализм коллективов ведущих предприятий республики, организаций, фирм и предприятий малого бизнеса, внедряющих в производство инновационные технологии и производящих высококачественную продукцию. В результате расширяются возможности выхода товаров, изготовленных в Мордовии, на российский и международный рынки.

Необходимо отметить, что в последнее время расширяют свою деятельность недобросовестные фирмы, использующие в своих названиях слова «европейский», «международный» и др. Они предлагают выдачу сертификатов СМК «под ключ», продажу комплекта «базовых документов» СМК уже после оформления сертификата, оценку СМК без выезда экспертов в организацию и т. п. Ценность такого «быстрого» сертификата СМК для организации равна нулю.

При выборе органа по сертификации следует стремиться к тому, чтобы процесс сертификации приводил не только к получению самого сертификата, но и приносил пользу, добавленную стоимость организации. К таким органам по сертификации относятся органы, аккредитованные в Системе сертификации ГОСТ Р и работающие по ГОСТ Р ИСО 9001-2001. Важно также выбрать компетентную консалтинговую организацию, оказывающую помощь в создании и внедрении СМК. Сертификационная проверка, проведенная компетентными экспертами авторитетной у потребителя системы сертификации, подтверждает способность предприятия постоянно поставлять инновационную и качественную продукцию, востребованную на отечественном и мировом рынках.

Обеспечение устойчивого развития экономики республики и интегрирование ее в общегосударственную и мировую

экономику за счет существенного повышения конкурентоспособности предприятий является ключевой задачей в реализации интересов республики во всех сферах деятельности. Основное внимание должно, на наш взгляд, быть сосредоточено на повышении качества продукции, интенсификации процессов импортозамещения, наращивании производственного потенциала передовых предприятий за счет внедрения прогрессивных технологий и выпуска новых видов высококачественной продукции для расширения доли этой продукции на внутреннем и международном рынках.

Сегодня в регионах, как и в России в целом, только складываются экономические условия, требующие применения системы менеджмента качества. В первую очередь необходима высококонкурентная экономика, ориентированная на удовлетворение потребителя. Без этого менеджмент качества как инструмент сохранения рентабельности не будет востребован. Ни корпус высших руководителей, ни сообщество специалистов менеджмента качества сегодня не готовы к его эффективному применению.

Профессионализация руководящего состава, накопление и осмысление опыта менеджмента качества, создание и развитие широкой сети подготовки профессиональных кадров позволяют предположить, что за упадком интереса к системе менеджмента качества последует его рост, руководители предприятий будут готовы к эффективному применению этого инструмента, а сообщество менеджеров качества — к оказанию профессиональной поддержки. На все это предположительно потребуется 8—10 лет, и к середине следующего десятилетия менеджмент качества будет широко востребован.

Поступила 05.08.10.

М. М. ГУДОВ

Э. Р. ЦУЛАЯ

ФИНАНСОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ СЕЛА

Ключевые слова: социальная инфраструктура, финансирование социального развития, социальные расходы, целевая программа

Key words: social infrastructure, social development financing, social expenses, special programme

Деятельность государства по исполнению своих социальных функций может быть оценена с точки зрения принятых им на себя обязательств и произведенных в соответствии с законодательством по ним расходов в рамках финансирования непроизводственной сферы и социальной инфраструктуры. Непроизводственная сфера и социальная инфраструктура охватывают создание, функционирование и развитие здравоохранения, физической культуры и спорта, образования, культуры, социального обслуживания и социального обеспечения, жилищно-коммунального хозяйства, социального страхования, пенсионного обеспечения и др.

ГУДОВ Михаил Михайлович, профессор кафедры финансов и кредита Мордовского государственного университета, кандидат экономических наук.

ЦУЛАЯ Эка Ревазиевна, аспирант кафедры финансов и кредита Мордовского государственного университета.

Поддержание жизнедеятельности и обеспечение развития этих отраслей социальной инфраструктуры не представляется возможным, если будет полностью основано на рыночных началах, поэтому финансирование обозначенных сфер происходит с помощью многоканальной схемы, в которой важнейшую роль играет государство. Участие государства в регулировании, производстве и финансировании социальных услуг в решающей степени определяется требованиями социальной справедливости¹. Конституцией РФ, Бюджетным кодексом РФ и иными нормативно-правовыми актами очерчен круг соответствующих социальных услуг, предоставление которых гарантируется государством за счет их финансирования из бюджетных или внебюджетных фондов.

В стране осуществляется переход к модели субсидиарного государства, основными чертами которой являются преимущественная роль социального страхования, развитая сеть социального обслуживания населения, законодательное закрепление определенного минимума государственных социальных гарантий в наиболее важных сферах жизнедеятельности человека (образовании и культуре, здравоохранении, социальной защите), уход государства от роли производителя социальных услуг к роли их заказчика².

За последние годы широкое применение нашли адресный и программно-целевой подходы к финансированию социальных проектов. Принимаемые целевые программы и реализация национальных проектов призваны сгладить существующие диспропорции в развитии отдельных отраслей и территорий³. Отдельного внимания со стороны государства в рамках осуществления указанных мероприятий объективно заслужили вопросы социального развития села. Однако ввиду новизны форм осуществления мероприятий по обозначенным направлениям на первых порах неизбежны сложности в исполнении и отклонения от предусмотренного плана.

Вышесказанное подтверждают итоги реализации программ социального развития села в Республике Мордовия. Так, можно отметить, что лишь первый год реализации приоритетного национального проекта АПК в республике характеризуется в целом относительно полным по сравнению с последующими периодами исполнением обязательств со стороны бюджета. Однако, по данным Министерства финансов Республики Мордовия, даже в 2006 г. фактическое

финансирование развития АПК отставало от запланированного из федерального бюджета на 50 %, из республиканского — на 24 %. Лишь в 2007 г. реализация проекта по АПК показывает более удачную его реализацию в финансовом отношении по сравнению с другими приоритетами. Так, исполняемая в его рамках Федеральная целевая программа «Социальное развитие села до 2010 года» в отношении строительства (приобретения) жилья для молодых семей и молодых специалистов на селе была обеспечена финансовыми ресурсами на 36 % больше, чем в предыдущем году (183 млн руб.) при этом республиканский бюджет исполнил принятые обязательства на 97 %, федеральный — на 88 %. Средства, предусмотренные на развитие жилищного строительства в сельской местности, в этот период были выделены почти в стопроцентном объеме⁴.

Такой результат очень важен для развития сельской местности, так как одной из наиболее важных проблем для села сегодня является крайне низкая обеспеченность сельскохозяйственных предприятий высококвалифицированными специалистами, которые не хотят оставаться в сельской местности из-за ее непривлекательности для проживания.

Принятые меры принесли очевидные результаты уже в первые годы реализации. В 2006—2007 гг. в программе улучшения жилищных условий приняли участие 536 молодых специалистов (или их семей) на селе. По итогам 2006—2007 гг. освоены 322 млн руб., в том числе 162 млн руб. из федерального бюджета и 160 млн руб. из бюджета РМ. Ввод жилья для молодых специалистов составил 39,1 тыс. м² при принятых обязательствах 38,7 тыс. м². В ходе земельно-ипотечного кредитования под залог земель сельскохозяйственного назначения в рамках приоритетного национального проекта «Развитие АПК» предоставлены 13 кредитов на сумму 167,9 млн руб. Площадь земель, предоставленных в залог, составила 7 500 га. Однако уже следующий год показал не столь значительные результаты, и связано это с тем, что по указанным направлениям бюджет уже менее успешно исполнял принятые обязательства.

В 2006 г. ФЦП «Социальное развитие села до 2010 года» предусматривала финансирование в объеме 161 млн руб., из которых предоставлены были 103 млн руб., половина из них была потрачена на социальное обеспечение населения

(56 млн руб. вместо 112 млн руб., заложенных в бюджет). Обязательства государства по строительству или приобретению жилья для молодых семей и молодых специалистов на селе были исполнены только на 41 % (38 млн руб.). В бюджет 2007 г. было заложено практически такое же финансовое обеспечение программы — 160 млн руб., однако на этот раз обязательства были исполнены на 93 %; 96 млн руб. (или 90 % от намеченного показателя) были потрачены на социальную политику, из них 75 млн руб. были направлены на обеспечение жильем молодых семей и молодых специалистов, проживающих и работающих в сельской местности, и 21 млн руб. — на обеспечение жильем других категорий сельских граждан. Финансирование программы в 2008 г. было увеличено до 254 млн руб., 190 млн руб. из которых потрачены на обеспечение населения жильем.

Таким образом, можно констатировать, что средства, выделяемые в рамках ФЦП «Социальное развитие села», идут преимущественно на обеспечение жильем сельских жителей. Иными (незначительными по своей величине) статьями расходования являются межбюджетные трансферты и строительство для нужд отрасли.

В рамках Республиканской целевой программы «Социальное развитие села до 2010 г.» расходуются средства на ЖКХ, образование, социальные выплаты, обеспечение жильем молодых семей и специалистов. Однако ясно, что направления расходования, обозначенные в бюджете РЦП «Социальное развитие села до 2010 года», не могут решить тех масштабных задач, которые ставил перед республикой этот документ.

Ничтожно малы выделяемые в рамках программы средства на общее образование сельских жителей (менее 1 %), а расходы на культуру были заложены в программу только в 2006 г. Республиканская программа, как и федеральная, в основном концентрирует свои ресурсы на решение жилищной проблемы (более 50 % средств), и связано это в основном с тем, что выделяемых средств недостаточно, чтобы решить все стратегические задачи, отмеченные документами. По-прежнему недостаточно внимания уделяется инженерной инфраструктуре, объектам ЖКХ на селе (22 % выделяемых финансовых ресурсов) и учреждениям, предоставляющим сельскому жителю социальные услуги, что является, по

мнению специалистов, одним из основных факторов, отрицательно влияющих на качество жизни населения⁵.

Таким образом, можно говорить о формировании тенденции одностороннего подхода к развитию социальной сферы села: более половины средств, выделяемых в совокупности федеральной и региональной целевыми программами, идет на решение жилищной проблемы на селе. Это, несомненно, очень существенная мера и положительный тренд, однако недофинансирование (или его полное отсутствие) иных направлений, предусмотренных программами, происходит из-за нехватки бюджетных ресурсов, и в связи с этим те амбициозные задачи, которые ставили перед обществом эти программы, не были и не могли быть решены. Это также явилось причиной продления сроков реализации программы до 2012 г.

Исполнение обязательств по федеральной и республиканской целевым программам социального развития села можно считать лишь первыми шагами на пути к качественному преобразованию уровня жизни сельских граждан и нельзя назвать достаточными и исчерпывающими мероприятиями в этой сфере, так как действительное их исполнение на данный момент сконцентрировано лишь на 1—2 задачах, обозначенных в документах. В таких условиях сельские поселения, оставленные без внимания из-за недостаточности ресурсов на реализацию программ социального развития села, могут иметь дальнейшую тенденцию к увеличению своего отставания от города.

Селу необходима комплексная научно обоснованная концепция социально-экономического развития, а не два отдельно функционирующих блока задач по развитию агропромышленного производства и повышению уровня жизни сельского населения. Реализация программ, касающихся социального развития села, несомненно, должна быть продлена во времени, так как давно назревшая проблема не может быть устранена за 3—5 лет, на которые, как правило, принимаются программы.

Естественно, подобная программа не может лишь дублировать существующую ныне, она должна учесть выявленные в ходе реализации недостатки. В первую очередь следует уяснить причины неисполнения плановых параметров и выяснить, является ли это результатом несовершенной си-

стемы расчетов задаваемых показателей или итогом недопоступления в соответствующий бюджет доходов. В первом случае необходимо пересматривать сам механизм разработки программ, во втором — принимать меры по повышению собираемости налогов и неналоговых поступлений.

Таким образом, мы имеем не просто сложно решаемую задачу, но комплекс задач. Логичным будет принимать в рамках программы отдельные подпрограммы по ключевым и наиболее емким проблемам. Разработку таких подпрограмм целесообразно осуществлять на уровне, на котором они будут реализовываться, а для их исполнения задействовать средства бюджетов всех уровней. Такое деление на составляющие позволит избежать концентрации большей части ресурсов на 1—2 направлениях и перераспределит средства между основными стратегическими мероприятиями, не дав сосредоточить их на одном, создав при этом условия для реализации всей программы.

Естественно, предложенные меры не являются исчерпывающими. Однако устранение указанных диспропорций в финансировании социальных программ развития села будет способствовать тому, что сельское сообщество скорее ощутит эффект от принимаемых мер.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Соломко И.М., Ткачук Л.И. Расходы на социальную сферу: порядок планирования и финансирования. Хабаровск: ХГА, 2003. 196 с.

² См.: Сочнева Е. Государственное управление социальной сферой // Проблемы теории и практики управления. 2008. № 10. С. 29—32.

³ См.: Новикова Т. Национальные проекты и социальные преобразования // Экономист. 2008. № 8. С. 82—86.

⁴ Здесь и далее использованы данные Министерства финансов Республики Мордовия.

⁵ См.: Тумгоев М. Системный кризис развития российского села // Социальная политика и социальное партнерство. 2008. № 10. С. 59—62.

Поступила 06.05.10.

Н. А. СКВОРЦОВА Е. В. ПОТАПОВА

РАЗВИТИЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ЗВЕНЬЯХ РЕГИОНАЛЬНОЙ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ

Ключевые слова: интеграционные процессы, хозяйственная система, инвестиции, интегрированные региональные формирования

Key words: integrative processes, economic system, investments, integrated regional organisations

Развитие интеграционных процессов является общемировой тенденцией. Интеграция свойственна современной региональной экономике большинства развитых стран. Объединение идет на уровне отдельных звеньев хозяйственной системы и государств. Необходимость и важность интеграции регионального комплекса вызвана требованиями рационального использования ограниченных ресурсов, имеет место и объективная потребность в привлечении инвестиций.

Экономическая интеграция — это форма объединения хозяйственной деятельности, процесс взаимодействия и со-

СКВОРЦОВА Наталия Александровна, старший преподаватель кафедры маркетинга Орловского государственного института экономики и торговли, кандидат экономических наук.

ПОТАПОВА Елена Викторовна, доцент кафедры финансов и кредита Орловского государственного института экономики и торговли, кандидат экономических наук.

трудничества между различными организационными структурами, направленный на улучшение использования их производственного потенциала на началах взаимной заинтересованности. Применительно к практике агропромышленного производства интеграция сводится к установлению связей и делового сотрудничества между хозяйствующими субъектами различных отраслей и сфер деятельности, взаимосвязанных экономически, технологически и организационно.

Технологическая составляющая интеграции регионального комплекса предполагает объединение всего цикла воспроизводственного процесса (производство, доработка, хранение, переработка и реализация продукции).

Экономическое содержание интеграции проявляется в последовательном формировании и распределении доходов на каждом из этапов процесса воспроизводства. Организационная составляющая интеграции подтверждается установлением единой правовой формы хозяйствования или договорных отношений между участниками объединения.

Понятия «интеграция» и «кооперация» нередко расцениваются как синонимы. Действительно, не всегда можно четко установить границы между ними и определить критерии четкого обозначения. Однако определенные различия между этими понятиями имеются. Так, производственная и другие формы кооперации означают сотрудничество в различных сферах деятельности. Каждый из кооператоров имеет установленные в законодательном порядке ограничения по составу членов, участию их в деятельности организации, в создании и распределении доходов, в управлении. Что касается интегрированного объединения, то оно может избрать любую из признанных организационно-правовых форм хозяйствования. Это может быть открытое или закрытое акционерное общество, общество с ограниченной ответственностью, товарищество, кооператив, союз (ассоциация). Они могут функционировать без регистрации в органах государственной власти в качестве определенной организационно-правовой формы и строить отношения между участниками объединения на договорной основе. Интеграция предоставляет ее участникам более широкие возможности по сравнению с кооперацией как в выборе направлений и сфер деятельности, так и организационно-правовых форм хозяйствования.

Интегрированные региональные формирования функционируют во всех регионах России. Количество и разнообразие вариантов интегрированных формирований позволяют объединять их в отдельные однородные группы для выявления специфики и определения эффективного механизма их формирования. Интеграция позволяет сократить расходы, связанные с изучением конъюнктуры рынка, поиском партнеров, сбытом продукции, привлечением инвестиций. Для большинства регионов Черноземья самым распространенным видом интегрированных формирований являются холдинговые компании. В зависимости от того, кто выступает инвестором-интегратором, холдинговые компании могут отличаться структурным многообразием, вариантностью которых зависит также экономической среды региона, решений административных органов управления, возможностей головной компании, состояния рынков сырья, продовольствия и других условий.

Что касается связи конечного результата с другими показателями, эффективности вложения инвестиций в региональный комплекс, то она может быть непосредственной и опосредованной. Например, при расчете фондоотдачи, материалоёмкости, капиталоемкости продукции, производительности труда и других показателей эффективности вложения инвестиций эффект целесообразно выражать через соответствующий конечный результат. В то же время, характеризуя инвестиционный потенциал через другие экономические формы, следует иметь в виду, что его достоверность может быть обеспечена только в том случае, если межотраслевые и внутриотраслевые пропорции формируются под влиянием критерия социально-экономической эффективности от вложения инвестиций в региональный комплекс.

Рассматривая формирование интеграционных процессов в звеньях хозяйственной структуры, мы считаем необходимым подробнее остановиться на составляющих этой экономической категории. В соответствии с Гражданским кодексом РФ в региональном хозяйственном комплексе могут функционировать предприятия различных организационно-правовых форм, что создает трудности в выборе эффективных форм хозяйствования, адекватных рыночным отношениям, природно-экономическим и другим условиям региона¹.

Оценку эффективности, а также выбор перспективных форм хозяйствования предлагается проводить на основе многофакторного анализа, учитывающего различные организационные, экономические и социальные стороны происходящих процессов. Для этого могут быть использованы системы общих и частных критериев, рассчитанных на долгосрочный и краткосрочный периоды. Целями реформы как процесса преобразования региональных отношений и форм организации являются обеспечение продовольственной безопасности страны, насыщение рынка продовольствием и сырьем по доступным ценам, повышение уровня жизни населения, восстановление плодородия почвы, сохранение земельных ресурсов и поддержание экологического равновесия².

Очевидно, что система общих показателей формирования интеграционных процессов должна отражать степень достижения целей, т. е. уровень развития регионального комплекса. Частные критерии должны определять эффективность отдельных направлений. В региональном комплексе для этих целей обычно используют пять групп факторов: технико-экономические, включающие технологию производства; организационно-хозяйственные; общеэкономические; природные; социальные, отражающие материальные, бытовые и другие условия трудовой деятельности и жизни людей.

Каждый из факторов оказывает влияние на рост производительности труда, эффективность производства и формирование интеграционного потенциала. Однако это влияние разное. Поэтому целесообразно их системное и комплексное использование при анализе и оценке уровня инвестиционного потенциала региона.

Разделение на внутреннюю и внешнюю экономическую среду достаточно интегрированной структуры регионального хозяйственного комплекса условно и не всегда отражает реальное распределение факторов. Многие факторы интеграции, являющиеся внешними для отдельного хозяйственного комплекса, оказываются внутренними для другого, поэтому провести границу между ними достаточно сложно. Но в теоретическом анализе целесообразно относить к внутренним факторы, обуславливающие эффективность интеграции с учетом собственного потенциала субъекта хозяйственного комплекса. К внешним можно отнести факторы макроэкономической и мезоэкономической среды: непосредственное

окружение интегрированных структур и входящие в структуру субъекты хозяйствования.

Оценку эффективности развития интеграционных процессов можно производить с учетом показателей функциональной, технологической, экономической, социальной, институциональной и экологической эффективности.

Для количественного выражения критериев формирования интеграции в различных организационно-правовых формах используется система показателей. В условиях развивающегося регионального рынка и усиления товарно-денежных отношений на первом плане в экономической оценке предпринимательской деятельности, степени использования инвестиционного потенциала оказывается прибыль как обобщающий критерий формирования и основа самофинансирования. Она должна формироваться на базе достижения высоких производственных показателей деятельности предприятия и устойчивых рыночных цен, обеспечивающих не только возмещение затрат предпринимателя, но и расширенное воспроизводство. При этом важно, чтобы государство регулировало рыночные отношения, проводило эффективную ценовую, налоговую и финансово-кредитную политику. Поэтому, на наш взгляд, региональный комплекс характеризуется уровнем доходов, обеспечивающих расширенное воспроизводство. Основными показателями при этом являются валовой доход, прибыль, рентабельность и др.

Так как вертикальная интеграция осуществляется в виде объединения товаропроизводителей или части их ресурсов с соответствующими формированиями перерабатывающей промышленности (или заготовительных, сбытовых организаций), то в этом случае эффективность интеграции определяется как среднегодовой прирост валовой продукции в сопоставимых ценах в периоды до и после интеграции.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Гражданский кодекс Российской Федерации: части первая, вторая и третья [по состоянию на 20.09.2004 г.]. М.: Омега-Л, 2004. 392 с.

² См.: Валинурова Л.С. Управление инвестиционным процессом в экономических системах. М.: Палеотип, 2002. 295 с.

О. А. БАРАШКОВ

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ СПЕЦИФИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ФИНАНСОВОГО ЛИЗИНГА В ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ

Ключевые слова: финансовый лизинг, инвестиционная деятельность, основные средства, капитальные вложения, реальный сектор экономики, инвестиционная активность, кредитование, финансовые ресурсы, отраслевая структура инвестиций, региональные особенности, производственный потенциал

Key words: financial leasing, investment activity, fixed assets, capital investments, real sector of economy, crediting, financial resources, branch-wise structure of investments, regional peculiarities, production potential

Активно развивающимся направлением сотрудничества предприятий промышленности с финансово-кредитным сектором, особенно в сфере кредитования инвестиционных процессов, технического и технологического перевооружения производства, является лизинг. Интерес к нему как одной из специфических форм кредитования инвестиционной деятельности со стороны ученых и практиков проявляется, помимо всего прочего, и по причине возможной диверсификации источников финансирования инвестиций с точки зрения продолжительности их использования. Он позволяет решить традиционную для российской экономики проблему недостаточности или относительной недоступности долгосрочных источников финансовых ресурсов, поскольку именно это является главным сдерживающим фактором инвестиционной активности.

По материалам проводимого Федеральной службой государственной статистики в 2006—2009 гг. мониторинга организаций, осуществляющих деятельность в области финансового лизинга, можно констатировать, что этот ры-

БАРАШКОВ Олег Александрович, доцент кафедры финансов и кредита Мордовского государственного университета, кандидат экономических наук.

ночный сегмент рос стабильно высокими темпами до середины 2008 г. (объем предоставленных лизинговых кредитов за 2003—2008 гг. вырос более чем в 12 раз) и составлял 12 % в общем объеме средств, привлекаемых для осуществления инвестиционной деятельности в активную часть основных фондов¹. Причем привлекательность этой формы финансирования инвестиционной деятельности оценили не только субъекты малого предпринимательства, но и крупные корпоративные клиенты. Влияние мирового финансового кризиса изменило направленность тенденции. В 2008 г. общий объем заключенных договоров снизился до 372,1 млрд руб. и составил 96,4 % от уровня 2007 г. Снижение абсолютных размеров сумм лизинговых сделок продолжилось и в 2009 г. (264,2 млрд руб., или 71 % от уровня 2008 г.), отражая общее снижение инвестиционной активности и заинтересованности в увеличении объемов кредитования как со стороны предприятий реального сектора экономики, так и системы коммерческих банков.

В контексте нашего исследования представляет интерес структура объектов инвестирования, приобретение которых осуществляется за счет заключения договоров финансового лизинга. На протяжении всего анализируемого периода безусловным лидером являлись транспортные средства, а также машины и оборудование, что свидетельствует о значимой роли лизинга в обновлении активной части основных фондов. Традиционно их доля составляла от 1/3 до 2/3 общего объема инвестированных средств. В то же время обращает на себя внимание факт тесной корреляции последствий кризиса и начавшейся рецессии с динамикой лизинговых операций именно в данной сфере. В 2008 г. совокупный объем заключенных договоров по лизингу машин и оборудования составил 90,3 % от уровня 2007 г., в 2009 г. — только 60,5 % от уровня 2008 г.

Наиболее инновационный компонент основных средств (компьютеры и компьютерные сети) как объект применения лизинговых схем пострадал в наибольшей степени. В 2008 г. объем операций составил 63 % от уровня наиболее успешного 2007 г., в 2009 г. — 88,2 % от уровня 2008 г., сократившись в абсолютном размере почти в 2 раза по сравнению с 2007 г.

По транспортным средствам ситуация менее напряженная, существенный спад объемов кредитования наблюдается только по итогам 2009 г. (76,5 % от 2008 г.). Тенденции в изменении объемов кредитования по отдельным составляющим в сфере транспорта весьма разноплановы, разнонаправлены, носят краткосрочный, а подчас и конъюнктурный характер. Прежде всего это относится к лизингу железнодорожных транспортных средств (темпы роста в 2008 г. — 136,8 %, в 2009 г. — 159,6 %) в рамках масштабных проектов, реализуемых ОАО «Российские железные дороги»². Крайне неоднозначно следует оценивать динамику операций по лизингу судов (в 2007 г. объем операций составил 133,3 % от уровня 2006 г., 2008 г. — 112,5 %, в 2009 г. — только 11,1 %), а также воздушных летательных аппаратов (темпы роста в 2007 г. — более чем в 13 раз, в 2008 г. — 70,9 %, в 2009 г. — 167,5 %).

В то же время набирает обороты такой первоначально недооцененный сегмент для применения финансового лизинга, как приобретение недвижимости (зданий и инженерных сооружений). Почти двадцатикратное увеличение объемов кредитования и рост удельного веса в общем объеме заключенных договоров с 2 % в 2003 г. до 5,3 % в 2009 г. являются тому весомым доказательством. Причем динамика объемов заключенных договоров (133 % в 2008 г. и 102,2 % в 2009 г.) подтверждает склонность хозяйствующих субъектов наращивать капитальные активы, особенно в форме коммерческой недвижимости.

Использование лизинговых схем в агропромышленном комплексе прочно ассоциируется с реализацией приоритетного национального проекта «Развитие АПК», а с 2008 г. — Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008—2012 гг. Именно в 2006—2007 гг. наблюдался рост поставок по системе финансового лизинга племенного скота, техники и оборудования для животноводства и промышленного рыбоводства благодаря увеличению уставного капитала ОАО «Росагролизинг», снижению ставки за использование средств и продлению срока лизинга техники и оборудования для животноводческих комплексов и предприятий промышленного рыбоводства (аквакультуры) до 10 лет.

Имеющие место существенные различия в уровне социально-экономического развития субъектов РФ определяют территориальную специфику использования лизинговых схем в процессе осуществления инвестиционной деятельности, а также структуру и направления финансовых вложений в основной капитал. Республика Мордовия находится на втором месте в Приволжском федеральном округе (ПФО) по объему заключенных договоров финансового лизинга, аккумулируя 12,7 % общего объема инвестированных средств. Однако структура вложений уникальна как для ПФО, так и для Российской Федерации в целом. Наибольший удельный вес занимает приобретение транспортных средств (91,85 %), в то время как на приобретение машин и оборудования, а также на капитальное строительство зданий и сооружений средств направляется на порядок меньше.

Анализируя среднюю продолжительность сроков заключаемых договоров финансового лизинга, можно выявить наиболее привлекательные для потенциальных и реальных инвесторов временные диапазоны привлечения средств. Наибольший спрос наблюдается на лизинговые продукты с продолжительностью от 1 года до 3 лет и от 3 до 6 лет. Причем привлекательность сроков корреспондирует с вышеупомянутой структурой заключенных договоров.

Значимый рост количества заключенных договоров продолжительностью свыше 6 лет, отмечаемый в 2003—2005 гг., и столь же значительное его снижение в 2006 г. объясняются изменением общей ситуации на кредитном рынке, снижением уровня процентных ставок по кредитам, ростом объемов долгосрочного кредитования и большей доступностью кредитов с длительными сроками погашения. В этой ситуации появляется возможность рефинансировать свою задолженность на более выгодных условиях, чем и поспешили воспользоваться наиболее серьезные корпоративные клиенты.

Необходимо отметить, что мотивы инвестора, заключающего договор финансового лизинга, не всегда ограничиваются желанием увеличить продолжительность сроков кредитования и учитывают, кроме всего прочего, стоимость привлечения альтернативных источников финансовых ресурсов, динамику коэффициента удорожания, размер комиссионного вознаграждения и налоговую экономию от изменения сроков

полезного использования объекта, получаемого в лизинг. Причем последний фактор наряду со стоимостью и сроками привлечения является решающим.

2008 г. продемонстрировал выравнивание пропорций в структуре договоров финансового лизинга с точки зрения продолжительности их действия. Особенно существенно выросла доля долгосрочных договоров (свыше 6 лет) и договоров продолжительностью менее 1 года, в то время как удельный вес наиболее популярной в прошлые годы формы (от 1 года до 3 лет) сократился более чем на 10 %.

Факторы, определяющие склонность к инвестированию и влияющие на размеры и эффективность капитальных вложений в основные средства, определяются стремлением повысить производственный потенциал, привлечь более эффективные технологии для увеличения объемов производства, снижения издержек и улучшения качества продукции. С другой стороны, они определяются доступностью источников финансирования и кредитования капитальных вложений, эффективностью деятельности самого хозяйствующего субъекта, мерами государственного регулирования и степенью развития сотрудничества с кредитными учреждениями. Поэтому тезис о зависимости размеров инвестиций от способности объекта инвестирования генерировать значимые объемы финансовых ресурсов, обеспечивать динамичный рост объемов производства и реализации продукции, а также рациональную структуру затрат и высокие показатели рентабельности продукции и активов применим при анализе отраслевой структуры лизинговых операций (таблица).

Активное сотрудничество и более высокие темпы роста объемов заключенных договоров в стоимостном выражении, чем в среднем по отраслям и видам экономической деятельности, обеспечили увеличение доли обрабатывающих производств, строительства, а также транспорта и связи. В совокупности они аккумулировали 54,9 % общей стоимости заключенных договоров финансового лизинга в 2007 г. и 67,9 % в 2008 г. Нисходящая тенденция после всплеска в 2005—2006 гг., обусловленного началом реализации приоритетного национального проекта «Развитие АПК», наблюдается в сельском хозяйстве, охоте и лесном хозяйстве. Похожая ситуация, но обусловленная несколько иными причинами, имеет место в добыче полезных ископаемых, производстве

и распределении электроэнергии, газа и воды, а также оптовой и розничной торговле. Анализ уровня и качества взаимодействия предприятий национальной экономики с финансово-кредитными организациями, и лизинговыми компаниями в частности, целесообразно дополнить исследованием факторов, ограничивающих экономическую активность последних (рисунок).

Таблица

Структура договоров финансового лизинга машин, оборудования и транспортных средств по видам экономической деятельности, % от общей стоимости заключенных договоров

Показатель	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.
Лизингополучатели по видам экономической деятельности	100	100	100	100	100	100
В том числе:						
— сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	9,2	10,4	14,6	16,2	8,9	8,5
— добыча полезных ископаемых	4,9	3,8	7,6	10,0	6,7	4,9
— обрабатывающие производства	16,6	16,4	33,3	24,3	27,6	28,8
— производство и распределение электроэнергии, газа и воды	5,3	4,8	8,9	12,7	18,7	5,6
— строительство	10,4	11,4	16,2	14,7	22,9	28,3
— оптовая и розничная торговля	9,9	8,9	6,0	4,3	6,6	5,7
— транспорт и связь	19,0	39,2	7,0	12,0	4,4	10,8
— здравоохранение	2,3	2,1	0,6	0,6	1,1	0,4
— другие виды деятельности	22,4	3,0	5,8	5,2	3,1	7,0

Характерной тенденцией 2008 г., безусловно, отрицательно влияющей на деятельность организаций в сфере финансового лизинга, стал рост финансовых ограничений как следствие мирового экономического кризиса. Это выразилось в росте процентов коммерческого кредита (42,6 %), усложнении процессов получения кредитов (34,4 %), недостатке финансовых средств (41,4 %). Большинство организаций оценило свою деятельность в сфере финансового лизинга в 2008 г. как нормальную, 21 % отметили улучшение экономической ситу-

ации по сравнению с 2007 г. (14 % в 2009 г.), а 32 % — ее ухудшение (12 % в 2009 г.). На 2009 г. 12 % лизинговых компаний прогнозировали улучшение экономической ситуации, а 48 % — ее ухудшение. Результаты 2009 г. оказались более оптимистичными, нежели прогнозы, поэтому на 2010 г. 32 % лизинговых компаний прогнозируют улучшение экономической ситуации, и только 5 % — ее ухудшение.

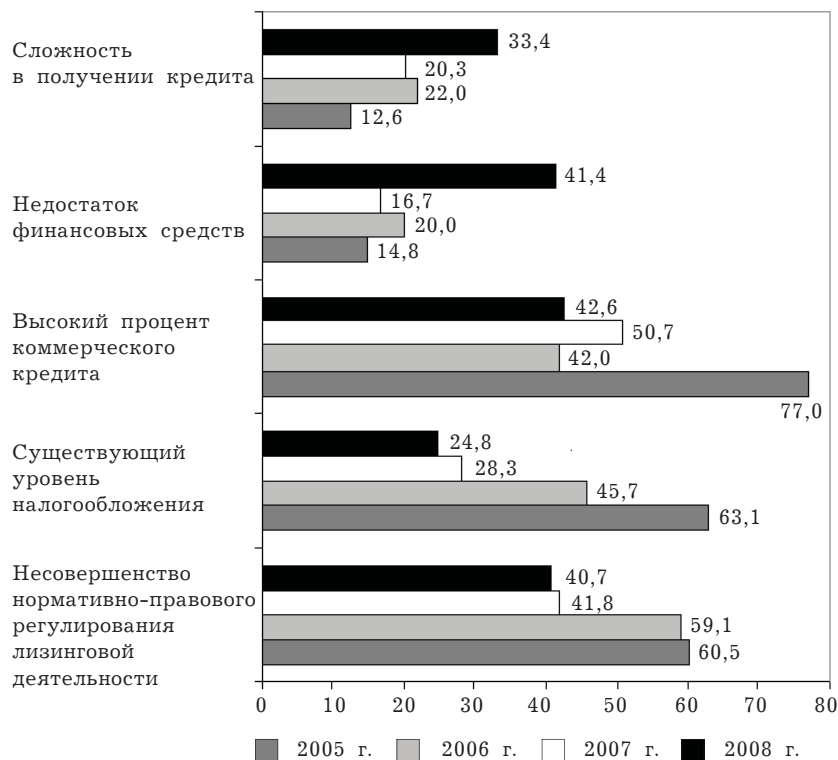

Рисунок. Факторы, отрицательно влияющие на деятельность в области финансового лизинга, % от общего количества организаций

Вместе с тем влияние общерыночных, нефинансовых факторов на деятельность организаций в области финансового лизинга за последние годы несколько изменилось.

Так, сократилось количество факторов, ограничивающих лизинговую деятельность: конкуренция со стороны других

организаций, осуществляющих лизинговую деятельность (с 24,7 % в 2007 г. до 12,1 % в 2008 г.); недостаток квалифицированных специалистов (с 26,5 до 16,1 %); отсутствие страхования рисков лизинговой деятельности (с 20,3 до 16,2 %); существующий уровень налогообложения (с 63,1 до 24,7 %). В то же время следует отметить рост значимости информационной непрозрачности деятельности потребителей (с 10,5 до 18,5 %) и недостаточного спроса на предметы лизинга (с 1,5 до 4,4 %).

Эти ограничения, проявляющиеся в росте стоимости привлекаемых финансовых ресурсов, увеличении административных расходов, связанных с их привлечением, и общем росте кредитных, рыночных, процентных и прочих рисков, были спроецированы на отношения с реальными и потенциальными клиентами. Результатами этого стали относительное ухудшение условий кредитования и меньшая степень сотрудничества, что повлияло в 2009—2010 гг. на инвестиционный климат в целом. Существенную роль в снижении негативных последствий мирового финансового кризиса, устранении причин пессимистичных оценок и прогнозов, восстановлении докризисных объемов кредитования призвано сыграть государство. Хотя и с существенными издержками, но оно все же своевременно поддержало ликвидность банковского сектора, сформировало изначально неплохие условия для роста уровня взаимодействия банковского сообщества и реального сектора экономики, в том числе в сегменте финансового лизинга.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь и далее приводятся данные Федеральной службы государственной статистики за 2006—2009 гг.

² См.: Стратегия развития железнодорожного транспорта в Российской Федерации до 2030 года (утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 июня 2008 г. № 877-р).

Поступила 29.06.10.

**Р. В. НЕКРАСОВ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕХАНИЗМОВ
ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО
ПАРТНЕРСТВА
ПРИ ФОРМИРОВАНИИ
КЛАСТЕРОВ В АПК РЕГИОНА**

Ключевые слова: кластер, сетевые организации, государственно-частное партнерство, картофелеводство, овощеводство, политические и экономические проекты ГЧП

Key words: cluster, network organisations, state and private partnership, potato production, vegetable production, political and economic projects of state and private partnership

В настоящее время в Российской Федерации кластерный подход как инструмент повышения конкурентоспособности получил официальное признание на федеральном¹ и региональном² уровнях. Во многих субъектах Федерации ведется разработка и осуществляется реализация стратегий и программ кластерного развития, в том числе применительно и к агропромышленному комплексу. Вместе с тем использование кластерных технологий является организационно-управленческой инновацией, практическое воплощение которой сопряжено со значительным уровнем риска. В связи с этим особую актуальность приобретает комплексный подход к изучению предпосылок и факторов формирования кластеров на региональном уровне, на основе которого можно не только получить объективную характеристику потенциала кластеризации АПК региона, но и наметить наиболее эффективные меры по его использованию.

Необходимо подчеркнуть, что полноценный перевод кластерных разработок из теоретической в практическую плоскость невозможен только за счет усилий государства в директивном порядке. Не принижая значимости административного ресурса в процессе подготовки и реализации кластерных инициатив, следует признать, что успешным этот процесс может быть только при активной позиции местно-

НЕКРАСОВ Роман Владимирович, заведующий кафедрой статистики и экономического анализа Самарской государственной сельскохозяйственной академии, кандидат экономических наук, профессор.

го бизнеса. Именно поэтому особую важность приобретает как организационная и информационно-методическая работа, направленная на формирование объективного представления у бизнес-сообщества о сути и перспективах кластерных отношений, так и выработка программы совместных действий по их развитию и финансовому обеспечению.

Необходимым условием ведения эффективного диалога по указанным проблемам является достижение предпринимательским сообществом определенного уровня развития, который характеризуется наличием формальных и (или) неформальных структур, способных на начальном этапе достаточно оперативно формировать и выражать коллективное мнение. Несмотря на положительные изменения последних лет, следует отметить, что в Российской Федерации самоорганизация бизнеса пока еще находится в зачаточном состоянии. Действующие ассоциации и объединения предпринимателей в стране пока еще очень ограниченно влияют на формирование государственных решений и выполняют крайне мало саморегулируемых функций (испытания и сертификация, подготовка образовательных программ, распространение передового опыта и т. п.) по сравнению с аналогичными структурами в ведущих мировых державах.

Вместе с тем результаты исследований М. Портера свидетельствуют о том, что так называемые «сетевые институты» (institutions for collaboration) оказывают серьезное влияние на успех развития кластеров. К их числу относятся отраслевые ассоциации и союзы, торговые палаты, центры трансфера технологий и контроля качества, автономные правительственные организации, ассоциации выпускников университетов и др. Эти структуры, реализуя разнообразные коллективные работы (обучение, сбор и распространение информации, установление стандартов и т. п.), оказывают большое влияние на производительность и конкурентоспособность кластеров. В качестве примера можно привести деятельность винного кластера в Калифорнии, внутри которого функционирует несколько сетевых организаций. Из них обращают внимание на себя 3 крупнейшие сетевые организации (Калифорнийский институт вина, Калифорнийская ассоциация виноградарей, Американское общество виноградарства и энологии)³.

По нашему мнению, наиболее действенным инструментом вывода на качественно новый уровень отношений между властью и бизнесом в современных российских реалиях является государственно-частное партнерство (ГЧП). Под ним мы будем понимать *различные формы взаимовыгодного средне- и долгосрочного сотрудничества государства и бизнеса, направленного на решение общественно значимых задач*. Следует особо подчеркнуть, что ГЧП предполагает не только экономическое партнерство, базирующееся на отношениях собственности и принципах софинансирования, но и политические консультации в законотворческой сфере, информационный обмен, подготовку и реализацию образовательных и исследовательских программ и т. п.

Важнейшей целью государства при реализации программ ГЧП является увеличение добавленной стоимости. Ее достижение обеспечивается за счет более эффективного выполнения работ и оказания услуг населению и экономическим агентам частными структурами, обладающими ориентированным на результат менеджментом и возможностью более быстро осуществлять инновации. При этом частному партнеру передается часть рисков, связанных с планированием, строительством, финансированием и управлением текущей деятельностью того или иного объекта. Дополнительно государство получает выгоду от увеличения связанных с проектом налоговых и неналоговых бюджетных доходов, а также от косвенных эффектов (оживления экономической, особенно инвестиционной активности).

Характерными особенностями экономических проектов ГЧП являются ограниченность во времени (проекты обычно создаются под конкретный объект или комплекс объектов, создание которого необходимо завершить в течение определенного времени); ограниченность в пространстве (проекты «привязываются» к вполне конкретному объекту или комплексу инфраструктурных объектов); реализация в условиях конкурентной среды (за каждый контракт или концессию идет конкурентная борьба)⁴.

В качестве объекта применения инструментов ГЧП нами рассматривается агропромышленный комплекс Самарской области. Такой выбор обусловлен несколькими причинами. Во-первых, в мировой экономической практике существуют успешные примеры функционирования аграрных кластеров.

Наиболее известными из них являются уже упоминавшийся винный кластер Калифорнии и «молочная вертикаль» в Дании⁵. Формирование и жизнедеятельность этих структур осуществляются при активном взаимодействии государства и частного бизнеса. Во-вторых, формирование кластерных структур в АПК региона предусмотрено «Стратегией социально-экономического развития Самарской области на период до 2020 года», утвержденной Постановлением Правительства Самарской области от 9 октября 2006 г. № 129⁶, что в определенной степени гарантирует если не прямое участие, то хотя бы заинтересованность органов государственной власти в осуществлении предлагаемых мероприятий по реализации проектов ГЧП в этой сфере. В-третьих, активизация диалога между союзами (ассоциациями) сельскохозяйственных товаропроизводителей в формировании государственной аграрной политики предусмотрена «Государственной программой развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008—2012 годы» (Государственная программа)⁷.

Безусловно, механизмы ГЧП необходимо внедрять для АПК Самарской области в целом. Прежде всего это касается активизации содержательного диалога между органами власти и сельхозтоваропроизводителями по вопросам совершенствования региональной системы государственной поддержки. Вместе с тем для кластерной политики необходимо предусмотреть адресные мероприятия, отвечающие специфике конкретной отрасли, в которой предполагается создавать и развивать региональные аграрные кластеры.

В связи с этим важно отметить, что стартовые позиции для формирования кластеров в основных отраслях регионального агробизнеса существенно различаются. Результаты оценки потенциала кластеризации основных отраслей сельского хозяйства Самарской области свидетельствуют о том, что наилучшие предпосылки для создания кластеров существуют в отраслях производства мяса, подсолнечника, картофеля и овощей⁸.

Проекты ГЧП легче и эффективнее разрабатывать и реализовывать на основе уже имеющихся связей и структур, чем создавать их с «нулевого» цикла. Именно по этой причине обращают на себя внимание два перспективных

региональных кластера: картофелепродуктовый и овощной. Следует отметить, что эти отрасли в настоящее время являются высокодоходными и динамично развивающимися⁹. В сельскохозяйственных организациях за 2000—2008 гг. валовой сбор картофеля увеличился в 3,1 раза, овощей — на 40,7 %, причем этот рост был в основном обеспечен за счет повышения урожайности. По уровню рентабельности эти направления агробизнеса в 2008 г. занимали 2-ое и 1-ое места соответственно в рейтинге основных отраслей сельского хозяйства региона. Лучшие хозяйства Самарской области по урожайности картофеля и овощей вышли на мировой уровень (до 1 000 ц/га). Такая динамика развития способствует привлечению новых участников в эти сегменты рынка и развитию конкуренции.

Основной экономической предпосылкой реализации проектов ГЧП является полная зависимость картофелеводческих и овощеводческих хозяйств от мелиоративных объектов, находящихся в собственности государства. В условиях Среднего Поволжья гарантированные урожаи картофеля и овощей открытого грунта могут быть получены только на орошаемых землях, поэтому большинство картофелеводческих и овощеводческих хозяйств локализовано на территории Спасской (42,5 тыс. га) и Тольяттинской (6,2 тыс. га) оросительных систем. Все гидротехнические сооружения этих крупнейших ирригационных систем находятся в государственной собственности, а их эксплуатацией занимается ФГУ «Самарамелиоводхоз». Это учреждение определяет объемы подачи воды для полива на участки и расценки за ее потребление, формирует инвестиционную программу реконструкции ирригационной сети, выполняет проектные работы для новых орошаемых участков и т. п. Именно решение этих вопросов мы предлагаем осуществлять в рамках ГЧП на основе модели концессии (частно-государственное финансирование и управление при наличии государственной собственности).

Для осуществления эффективного взаимодействия с органами власти овощеводческих и картофелеводческих хозяйств Самарской области в первую очередь необходимо создать региональную ассоциацию производителей овощей и картофеля (АПОК) в форме некоммерческого партнерства, которая должна выполнять функции сетевой организации. В качестве приоритетных направлений ее деятельности

могут выступать представление интересов сельхозтоваропроизводителей во властных структурах, оказание информационно-консультационных услуг, участие в подготовке и реализации отраслевых образовательных и научно-исследовательских программ, выставочно-презентационная деятельность и др.

Следует отметить, что в регионе в постперестроечный период функционировала ассоциация производителей картофеля и овощей Самарской области, которая объединяла самые крупные общественные хозяйства. Однако эта структура так и не смогла сформировать реальных политических рычагов влияния на формирование региональной аграрной политики. Это привело к прекращению поступления членских взносов и последующей самоликвидации.

Для недопущения повторения подобной ситуации мы предлагаем схему реализации проекта ГЧП в картофелеводстве и овощеводстве Самарской области (рисунок). Центральным элементом будущей системы, по нашему мнению, должна стать АПОК, которая в перспективе может трансформироваться в полноценного оператора кластера. Для этого необходимо вывести эту структуру на качественно новый уровень развития, выполняющую функцию диалоговой площадки общения государственной власти и сельхозтоваропроизводителей. Эта организация должна аккумулировать мнения картофелеводческих и овощеводческих хозяйств, вырабатывать единую согласованную позицию и представлять ее в региональных и муниципальных органах власти. На первом этапе важно обеспечить поддержку административными структурами выдвинутых инициатив бизнеса, чтобы доказать работоспособность предложенной модели. Наиболее внимательно следует относиться к предложениям, находящимся в русле кластерной идеологии: налаживание кооперационных связей, распространение инноваций и передового опыта, развитие производственной и социальной инфраструктуры и т. п. Такие проекты в приоритетном порядке следует обеспечивать организационной и финансовой поддержкой, в том числе через банки с государственным капиталом, особенно через ОАО «Россельхозбанк».

В режиме обратной связи АПОК должна заниматься организационно-методическим сопровождением процессов кластерного развития. У региональных картофелеводческих и овощеводческих хозяйств необходимо сформировать четкое

понимание перспектив, логики и сути намечаемых действий по созданию регионального кластера в овощеводстве и картофелеводстве. Такая работа с активным привлечением ученых может осуществляться в рамках проведения периодических собраний членов АПОК, на выставках, ярмарках и иных мероприятиях.

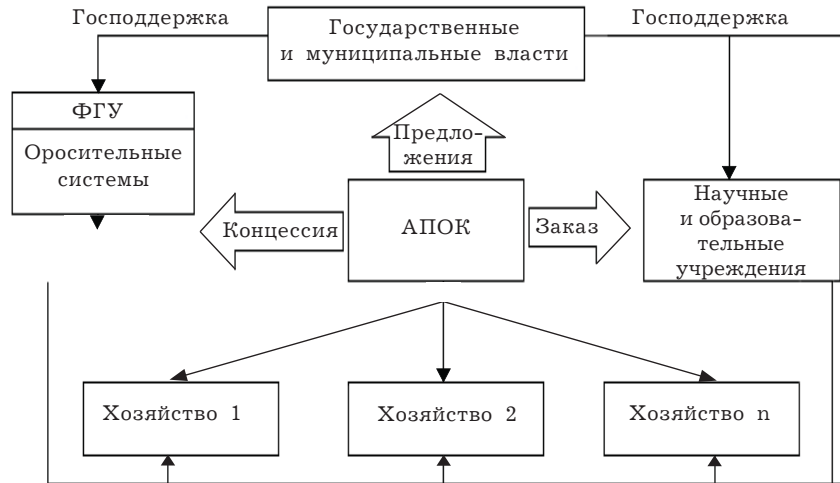

Рисунок. Модель функционирования механизмов ГЧП в картофелепродуктовом и овощном кластерах Самарской области

Развитие взаимовыгодных и продуктивных отношений с региональным научным сообществом также следует отнести к числу приоритетных направлений развития кластеров в региональном АПК. В Самарской области функционируют 10 научных учреждений, занимающихся исследованиями различных аспектов функционирования сельского хозяйства. Их контакты с сельхозтоваропроизводителями носят индивидуальный характер и ограничиваются в основном технологической плоскостью. Вместе с тем для формирования полноценных региональных кластеров крайне необходимы дополнительные специальные научные исследования в области построения их организационно-экономической архитектуры, обоснования перечня и схемы размещения инфраструктурных объектов, развития кооперационных

взаимосвязей и т. п. Эта тематика не представляет интерес для конкретного хозяйства, но является чрезвычайно актуальной для кластера в целом. Соответственно, АПОК должна участвовать в формировании технических заданий, контроле хода выполнения работ и внедрения их результатов в хозяйственную практику.

В перспективе финансирование научных исследований в рамках ГЧП можно организовать на принципах долевого участия. Наряду с государственными средствами на эти цели могут направляться средства частных инвесторов. Это позволит не только увеличить бюджет научных программ кластеров, но и усилит заинтересованность бизнеса в результатах исследований, будет способствовать укреплению взаимосвязей между наукой и производством в регионе, ускорению процессов создания и распространения инноваций.

Следует особо подчеркнуть, что Самарская ГСХА имеет довольно длительные и продуктивные контакты с ведущими европейскими аграрными университетами — Wageningen (Нидерланды) и Hohenheim (Германия). Эти страны традиционно занимают лидирующие позиции в производстве картофеля и овощей, поэтому их научные наработки в этих сферах, а также принципы организации взаимодействия с предприятиями реального сектора экономики представляют особую ценность при подготовке и реализации кластерных проектов в Самарской области.

Участие самарских ученых в реализации международных научно-исследовательских программ является важным элементом построения кластерных структур в АПК региона. Такие исследования привлекают зарубежных предпринимателей, заинтересованных в расширении рынков сбыта своей продукции, поэтому в перспективе можно будет ожидать увеличение присутствия в регионе сельскохозяйственной техники, оборудования, средств защиты растений иностранного производства. Промышленный потенциал и выгодное географическое положение региона создают хорошие предпосылки для организации совместных предприятий и локализации производства в Самарской области, что станет основой формирования полноценных аграрных кластеров.

В Самаре создано совместное предприятие ЗАО «Евротехника», учредителями которого стали ведущие западногерманские заводы по изготовлению современной сельско-

хозяйственной техники. В настоящее время выпускаются 54 наименования сельхозмашин для возделывания картофеля, зерновых и масличных культур, которые поставляются в 60 регионов России и на экспорт.

Развитие сельскохозяйственного машиностроения в регионе будет стимулировать модернизацию системы подготовки аграрных кадров. Образцы новой техники могут быть переданы в учебные учреждения, что позволит молодым специалистам освоить современные технологии их эксплуатации. АПОК со своей стороны может формулировать новые требования к содержанию учебного процесса и организовывать производственные практики студентам.

В рамках развития проекта ГЧП можно более эффективно решать проблемы занятости населения региона. С одной стороны, в рамках реализации в Самарской области мероприятий по устойчивому развитию сельских территорий, предусмотренных Государственной программой и ФЦП «Социальное развитие села до 2012 года», могут быть удовлетворены потребности картофелеводческих и овощеводческих хозяйств в постоянных работниках. С другой стороны, сельхозтоваропроизводители должны принять на себя обязательства по созданию условий для более масштабного привлечения безработных граждан на сезонные и временные работы.

Наиболее важным экономическим проектом ГЧП в картофелеводстве и овощеводстве Самарской области является привлечение частного бизнеса к управлению Спасской и Тольяттинской оросительными системами. В настоящее время многие сельхозтоваропроизводители выражают претензии по качеству их работы и расценкам за оказанные услуги. В частности, график подачи воды на участки недостаточно гибок и не всегда может быть оперативно скорректирован «по фактической погоде». Потенциальные инвесторы указывают на проблемы при доступе к оросительным сетям, так как зачастую на них пытаются переложить часть расходов по восстановлению электрических сетей, насосных станций, дорожного полотна и иных объектов. Во многом это происходит потому, что ФГУ «Самарамелиоводхоз» работает по утвержденной смете и не имеет возможностей для привлечения кредитных средств.

Передача мелиоративных объектов в управление частному инвестору позволит более эффективно решать выше-

указанные проблемы. Срок концессии должен составлять не менее 20 лет, так как именно такое время необходимо для привлечения и закрепления новых инвесторов. Выбор бизнес-структуры (или их альянса) на роль управляющей компании следует осуществлять на конкурсной основе. Претенденты будут обязаны публично предоставить долгосрочный бизнес-план своего развития, при оценке которого особое внимание будет уделяться методике ценообразования на оказываемые услуги и основания для ее пересмотра; плану реконструкции мелиоративных сооружений и ввода в оборот новых орошаемых участков; предполагаемым внебюджетным источникам финансирования инвестиционной программы; плану взаимодействия с органами управления региональным АПК по привлечению бюджетных средств на строительство, реконструкцию и восстановление объектов мелиорации, предусмотренных Государственной программой; ожидаемым социально-экономическим эффектам от реализации проекта, которые будут выражаться в создании новых рабочих мест, увеличении региональной добавленной стоимости и суммы налоговых поступлений.

В состав конкурсной комиссии наряду с представителями государства целесообразно включить представителей АПОК, научного сообщества, банковской сферы. Это позволит повысить объективность рассмотрения заявок и исключить возможность коррупционных действий.

Одной из основных трудностей при подготовке проектов ГЧП является надлежащее юридическое оформление достигнутых договоренностей и соглашений. Это связано с тем, что они представляют собой сложную конструкцию, включающую множество элементов, нуждающихся в отдельных согласованиях. К числу основных относятся соглашения между инициаторами проекта, органами государственной власти и инициаторами проекта, инициаторами проекта со сторонними организациями (проектными, финансовыми и т. п.) и др. Самым главным требованием в этом случае является максимально точная фиксация сути и параметров взаимных обязательств, а также установление принципов их изменения.

Таким образом, основным результатом передачи в концессию оросительных систем должно стать существенное увеличение валовых сборов картофеля и овощей в Самар-

ской области за счет расширения посевных площадей. Это будет стимулировать развитие переработки и хранение этих видов продукции, что позволит «удлинить» региональные продуктово-технологические цепочки и создать необходимое поле для формирования в Самарской области полноценного как картофелепродуктового, так и овощного кластера.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Концепция Стратегии социально-экономического развития регионов Российской Федерации. URL: <http://www.minregion.ru/WorkItems/DocItem.aspx?PageID=148&DocID=136> (дата обращения: 10.12.2009).

² См.: Михайлов А.Н. Формирование и развитие конкурентоспособных отраслевых кластеров АПК регионов (на примере Курской области) // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2009. № 12. С. 7—8; Кластерная политика Республики Башкортостан. URL: <http://www.minpromrb.ru/innovation/clusterpolicy> (дата обращения: 10.12.2009); Постановление Правительства Ярославской области от 30 июня 2009 г. № 650-п «Об утверждении Концепции кластерной политики Правительства области». URL: http://www.economy.gov.ru/minec/resources/lab5320040f77-65d9b159b70b10d6ce0/650_p1.rtf (дата обращения: 15.12.2009).

³ См.: Портер М. Конкуренция / пер. с англ. М.: Издат. дом «Вильямс», 2005. С. 261.

⁴ См.: Евенко В.В., Солдатенков В.Ю. Государственно-частное партнерство: альянс скипетра и капитала // Вестн. Брян. гос. тех. ун-та. 2008. № 3. С. 103.

⁵ См.: Третьяк В.П. Кластеры предприятий. М.: «Август-Борг», 2006. С. 25.

⁶ См.: Стратегия социально-экономического развития Самарской области на период до 2020 года. URL: http://www.economy.samregion.ru/social_no_ekonomicheskoe_razvi/9178/ (дата обращения: 20.12.2009).

⁷ См.: Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008—2012 годы. URL: <http://www.mcx.ru/navigation/docfeder/show/145.htm> (дата обращения: 22.11.2009).

⁸ См.: Некрасов Р. Кластерное развитие регионального АПК // АПК: экономика, управление. 2009. № 5. С. 38.

⁹ См.: Сельское хозяйство Самарской области: стат. сб. Самара, 2009.

Поступила 15.02.10.

Е. В. НЕНЮКОВА **ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ПРОДУКЦИИ СВИНОВОДСТВА КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНА**

Ключевые слова: свиноводство, свинина, экономическая эффективность, сельское хозяйство, продукция, продовольственная безопасность, кооперация

Key words: pig breeding, pork, economic efficiency, agriculture, products, food supply security, co-operation

Продовольственная безопасность страны — неотъемлемая часть экономического благосостояния и основополагающий фактор ее национальной безопасности. Улучшение обеспечения населения продуктами питания представляет собой важную социально-экономическую задачу, решение которой имеет огромное значение.

Уровень продовольственной безопасности России зависит в основном от насыщения отечественного рынка продукцией собственного производства. На сегодня весьма остро встал проблема повышения эффективности производства сельскохозяйственной продукции. Недостатки государственной системы экономического регулирования, разрыв сложившихся хозяйственных связей в АПК, диспаритет цен на продукцию сельского хозяйства и промышленности создали неблагоприятные условия для функционирования этой отрасли и привели к снижению ее эффективности. Аналогичная ситуация наблюдается и в свиноводстве. Сокращение объемов производства свинины восполняется поставками на продовольственный рынок страны импортной продукции, что приводит к вытеснению с рынка отечественных товаропроизводителей, дальнейшему спаду производства продукции отрасли, нарастанию продовольственной зависимости от импорта. Давление импорта на российский рынок мясной продукции велико.

НЕНЮКОВА Елена Васильевна, старший преподаватель кафедры экономики и управления аграрным производством Мордовского государственного университета.

Для поддержки отечественных сельхозпроизводителей на государственном уровне был принят ряд мер. Для этого был принят к реализации национальный проект «Развитие АПК». В рамках проекта решено выделить значительные средства на модернизацию и восстановление предприятий, уменьшение кредитных ставок, увеличение сроков возврата денег банкам, субсидирование и инвестирование.

Следует заметить, что проблемы в развитии свиноводства являются следствием неэффективного использования имеющегося в отрасли ресурсного потенциала. Неблагоприятно повлияли на ее развитие также процессы реформирования национальной экономики, переустройства сельского хозяйства и связанных с ним отраслей. Структурные изменения в производстве свинины и ее переработке, не обеспеченные соответствующими механизмами взаимозаинтересованного хозяйственного взаимодействия, привели к снижению эффективности функционирования отрасли и обострению проблемы продовольственного обеспечения страны. В связи с этим необходимо создание условий и осуществление комплекса мер по восстановлению хозяйственного комплекса свиноводства, обеспечивающих увеличение производства свинины сельскими товаропроизводителями разных организационно-правовых форм, для наращивания сырьевых возможностей отрасли, а также загрузки имеющихся производственных мощностей в сферах переработки и реализации продукции свиноводства.

Решение этой задачи, на наш взгляд, возможно на основе осуществления ряда мероприятий. Во-первых, на федеральном уровне необходимо создание правовых, организационных и экономических условий развития отрасли свиноводства в соответствии с принятой отраслевой целевой Программой развития свиноводства в Российской Федерации на период 2006—2010 гг. и до 2015 г. Во-вторых, на региональном уровне целесообразно принятие комплексных программ развития свиноводства как составляющей системы продовольственного обеспечения страны. В рамках этих программ необходимо предусмотреть осуществление структурных преобразований в отрасли в соответствии с имеющимся производственным потенциалом и налаживание эффективного взаимодействия производителей свинины с обслуживающими предприятиями. В-третьих, на уровне хозяйствующих субъектов нужно соз-

дать необходимые условия для эффективного производства свинины. Реализация предлагаемых мероприятий позволит системно влиять на эффективность хозяйствующих субъектов в отрасли.

Предпринятые Правительством Российской Федерации меры по улучшению ситуации в свиноводстве способствовали стабилизации и увеличению производства ее продукции. В соответствии с ведомственной Программой развития свиноводства в Российской Федерации в период с 2006 по 2010 г. и до 2015 г. планируется довести объем производства свинины к 2015 г. до 3,0—3,2 млн т в убойной массе, что составляет 85 % от уровня 1990 г.¹

В современных условиях свиноводство в Республике Мордовия испытывает определенные трудности. Несмотря на то, что с 2004 по 2008 г. по всем категориям хозяйств поголовье свиней увеличилось на 10,2 %, производство свинины в живой массе выросло на 32 %, улучшились показатели продуктивности животных (среднесуточный прирост живой массы возрос на 95,4 %, приплод на 100 голов маточного поголовья — на 53,7 %), эффективность отрасли остается низкой. Большой ущерб отрасли наносит падеж поголовья свиней. В 2008 г. по сравнению с 2004 г. падеж поросят увеличился в 2 раза и составил 10,8 % к обороту стада. По этой причине сельскохозяйственные предприятия недополучили 3 140 т свинины. Уровень рентабельности производства и реализации свинины в 2008 г. с учетом доплат составил 2,1 %².

Экономическая эффективность производства продукции свиноводства зависит от большого количества факторов, каждый из которых оказывает на нее влияние. Для выявления взаимосвязи между эффективностью и основными факторами, влияющими на нее, нами был применен метод множественного корреляционно-регрессионного анализа. Эконометрическая модель построена на данных 31 сельскохозяйственного предприятия Мордовии, имеющего поголовье свиней. Для выявления наиболее существенных факторов, влияющих на выход валовой продукции от одной основной свиноматки (y), были определены следующие факторы: x_1 — среднесуточный прирост, г; x_2 — средняя масса одной реализованной головы, кг; x_3 — поголовье свиней на 100 га пашни, голов; x_4 — приплод на 1 основную матку, голов;

x_5 — затраты кормов на 100 кг прироста, ц к.е.; x_6 — затраты труда на 100 кг прироста, чел./ч; x_7 — фондовооруженность, тыс. руб.; x_8 — заработная плата, руб.

В результате было построено следующее уравнение:

$$y = 0,2 + 0,00003x_1 + 0,017x_4.$$

В соответствии с этим уравнением увеличение средне-суточного прироста на 10 г (x_1) дает основание ожидать роста производства валовой продукции на 0,03 т; увеличение полученного приплода на 1 голову (x_4) приводит к росту производства валовой продукции на 0,017 т в расчете на одну свиноматку. Коэффициент детерминации ($R_2 = 0,926$) показывает, что связь между выбранными факторами тесная, и результирующий показатель на 92,6 % зависит от них.

Дальнейшее развитие производства свинины и повышение его эффективности в республике должны осуществляться на основе роста продуктивности животных, их плодовитости, увеличения инвестиций в свиноводческую отрасль, концентрации поголовья, улучшения материально-технической базы хозяйств, а также совершенствования государственной поддержки производителей свинины.

Объем производства свинины товаропроизводителями республики зависит от соотношения производства продукции на крупных специализированных предприятиях, интегрированных в холдинг «Талина» или сотрудничающих с ним по договорам, а также в личных подсобных, крестьянских (фермерских) хозяйствах и на малых фермах сельскохозяйственных предприятий, состоящих в снабженческо-сбытовых кооперативах. Их основными целями являются самообеспечение потребностей населения в свинине и получение доходов от реализации продукции свиноводства (племенных животных, поросят, откормочного поголовья, свинины). Для этого целесообразно использовать зонирование региона с выделением двух зон. Первая включает г. Саранск, Рузевский, Атяшевский, Торбеевский, Ковылкинский, Чамзинский, Ардатовский, Ичалковский, Лямбирский, Большеигнатовский, Краснослободский и Старошайговский районы и предусматривает интеграцию крупного специализированного производства. В этих районах расположены крупные свиноводческие предприятия, интегрированные в агрохолдинг «Талина» или сотрудничающие с ним по договорам (ЗАО

«Мордовский бекон — Апраксино», ЗАО «Мордовский бекон — Ковылкино», ООО «Луч», ООО «Селищенское», СХПК «Ключ-Сузгарьевский», СХПК «8 Марта» и др.). Вторая зона представлена Теньгушевским, Zubово-Полянским, Темниковским, Атюрьевским, Ельниковским, Кадошкинским, Инсарским, Ромодановским, Дубенским, Большеберезниковским и Кочкуровским районами, в которых большую долю свинины производят в ЛПХ и К(Ф)Х. Целенаправленную организацию их деятельности призваны обеспечить кооперативы.

Расчеты показали, что Мордовия обладает необходимым потенциалом для эффективного производства продукции свиноводства. Увеличение поголовья свиней в 2,7 раза позволит довести производство свинины до 68,6 тыс. т. Достижение этих результатов будет возможно за счет развития крупных интегрированных формирований (I зона) и кооперации малых форм хозяйств (II зона).

Таким образом, решение проблемы повышения эффективности производства мясной продукции, в том числе свиноводства, позволит решить проблему продовольственной безопасности региона, существенно поднять конкурентоспособность отечественной продукции, обеспечит ей дальнейшее перспективное развитие.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Концепция отраслевой целевой Программы развития свиноводства в Российской Федерации на период 2006—2010 гг. и до 2015 г. М., 2005.

² См.: Мордовия: стат. ежегодник / Мордовиястат. Саранск, 2009. 452 с.

Поступила 17.02.10.

Л. В. ИНИУТКИНА

ОСНОВНЫЕ ПРОДУКТОВЫЕ СТРАТЕГИИ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКИХ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ

Ключевые слова: фармацевтические продукты, продуктовая стратегия, лекарственные средства, дженерики, репозиционирование, каналы сбыта, off-lable, управление жизненным циклом, диспенсеры, медицинские представители

Key words: pharmaceutical goods, product strategy, medicines, generics, re-positioning, sales channels, off-lable, life cycle management, dispensers, medical representatives

В настоящее время необходимо констатировать низкий уровень конкурентоспособности основного массива предприятий отечественной фармацевтической промышленности. Анализ состояния отечественных фармпроизводителей указывает на наибольшее сосредоточение их незадействованных ресурсов в производственной и инновационной сферах. Кроме того, более 2/3 продуктового портфеля предприятий представляют собой международные непатентованные лекарственные наименования, являющиеся устаревшими дженериками (лекарствами-копиями) низшего класса. Министерство промышленности и торговли РФ считает, что даже с учетом текущей ситуации в российской экономике можно прогнозировать, что к 2011 г. объем отечественного рынка лекарственных средств (ЛС) достигнет 400—500 млрд руб., а в 2020 г. он составит порядка 1—1,5 трлн руб.¹ Вместе с тем рост российского фармацевтического рынка в последние годы сопровождается постоянным увеличением объемов импорта и сокращением доли российских производителей.

Российские производители в среднем обеспечивают потребности отечественного здравоохранения не более чем на

ИНИУТКИНА Лилия Викторовна, преподаватель кафедры экономической теории и экономического моделирования Мордовского гуманитарного института.

68 %, а в госпитальном секторе — на 72 %. При консервации текущей ситуации реальный потенциал потребления ЛС отечественного производства составляет не более 10—15 % российского рынка в денежном выражении и не более 50—60 % — в натуральном. Все это может привести к дальнейшему ослаблению конкурентных позиций российской фарминдустрии².

Таким образом, управление продажами является возможным лишь в отношении фармбрендов³, количество которых, как правило, невелико (например, в недавнем прошлом 75 % продаж (более 22 млрд долл.) компании Pfizer формировали всего восемь продуктов). В настоящее время эффективное развитие российской фармотрасли станет возможным в случае разработки и реализации специальной продуктовой стратегии, имеющей императив повышения доли продуктов высшего класса. Изучение материалов эволюционного развития фармотраслей стран ЕС и США дает возможность сделать вывод о наличии у отечественных производителей лекарств, позволяющих в стратегическом отношении развиваться по нескольким направлениям.

Первое направление — это создание оригинальных лекарственных средств (ЛС) на основе принципиально новой лекарственной формулы, сопряженное со значительными затратами (до 800 млн долл.) и характеризующееся постоянным их ростом (затраты компании Pfizer Inc. на создание одного инновационного ЛС увеличились с 54 млн долл. в 1986 г. до 360 млн долл. в 1990 г.)⁴. Особо отметим, что продажи новых ЛС приносят их владельцам значительные прибыли. В 2008 г. на мировом рынке присутствовали 76 проприетарных продуктов с ежегодными продажами, превышающими 1 млрд долл.

Второе направление — копирование разработок инновационных компаний. Преимуществом дженериков в сравнении с оригинальными продуктами является эффект снижения цены. Результаты исследования различных национальных фармрынков указывают на снижение цен на лекарства до 61 % от первоначальной уже в течение первого года копирования и вывода на рынок. Еще через год она падает до 37 %, что вызвано низким уровнем затрат компаний на создание копий (расходы на регистрацию препарата составляют не более 2—3 млн долл.), отсутствием коммерческого

риска от операций в связи с внедрением в уже сформированный сегмент, отсутствием значительных затрат на PR продуктов⁵.

Для отечественной фармотрасли наиболее реально выполнимой является вторая продуктовая стратегия — освоение и производство дженериков, что обусловлено отсутствием необходимого объема инвестиционных ресурсов для создания инновационных разработок; отсутствием необходимой научно-исследовательской и производственно-технологической баз для создания оригинальных продуктов; невозможностью использования предприятием потенциала российского рынка и стран СНГ при создании инновационных ЛС в связи с низкой платежеспособностью населения. Конкуренция с лидерами мировой фарминдустрии не является реальной.

Однако в условиях дефицита финансовых ресурсов этот путь также затруднителен, в связи с чем возникает необходимость разработки стратегических подходов развития, адаптированных к условиям функционирования большинства отечественных производителей лекарств. В месте с тем стратегия должна иметь императив формирования продуктового портфеля из лекарственных средств, отвечающих основным требованиям современного отечественного фармрынка: востребованность современными видами терапии и приемлемая цена. Ее поэтапная реализация должна способствовать формированию необходимых финансового и производственно-технологического потенциалов для производства инновационных ЛС.

Первый этап основан на переходе от производства дженериков, представляющих собой недифференцированные фармпродукты-симиляты, использующих международное непатентованное наименование в качестве торгового, к их модифицированным видам, осуществляемым путем использования их комбинации, иного средства внутритканевого транспорта, изменения дозировки и (или) упаковки, создания ретардных форм и т. д., что позволяет получить преимущества старого продукта небольшими инвестициями (в сравнении с разработкой инновационного средства), суммировав к этому хорошо воспринимаемый рынком атрибут «новизны» или «улучшенных свойств».

Весьма часто модификанты становятся вполне патентоспособными, что дает дополнительные преимущества экс-

клюдивности и позволяет использовать такие маркетинговые инструменты, как дифференцирующее позиционирование и брендинг. Необходимым условием реализации этапа является анализ технико-фармацевтических возможностей и экономической целесообразности модификации указанных дженериков.

Второй этап в предлагаемой стратегии является наивысшим уровнем, так как посредством производства и маркетинга фармпродуктов с небольшим сроком потери протекции патентного законодательства позволяет предприятию иметь высокую доходность бизнеса.

Успешная реализация предыдущих этапов способна стать триггером формирования базы разработки и коммерциализации инновационных ЛС. В отличие от стран ЕС и США в России его создание требует 10 млн долл. и еще около 10 млн долл. для вывода на рынок. Опыт ТОП-3 отечественных производителей свидетельствует о возможности достижения рентабельности продаж подобных оригинальных продуктов на 200—300 %, что в свою очередь обеспечивает им возможность развития и инвестирования, в том числе и в последующие разработки новых лекарств⁶.

К предельной концепции для нивелирования возможных последствий колебаний спроса на фармпродукцию следует применить инструментарий управления жизненным циклом устаревших дженериков «off-label». Данное средство развития сферы использования лекарственных препаратов предполагает наличие, кроме утвержденных и названных в инструкции показаний к применению, целесообразности применения ЛС для иных терапий (возможность с позиции доказательной медицины). В зависимости от рецептурного статуса продукта врач или пациент могут самостоятельно на свой риск принимать решение о его назначении⁷.

Применение указанного инструментария в практике отечественных фармпроизводителей будет иметь положительный эффект, обусловленный минимумом расходов на клинические исследования и значительной долей устаревших дженериками в продуктовой портфеле у большинства российских фармкомпаний, большая часть возможных применений которых в альтернативных видах терапий уже разработана, имеет соответствующее валидационное обеспечение, отчасти и неорганизованно применяется врачами. Условием его реализации

является селективный отбор дженерических лекарственных средств на предмет возможности применения «off-label» и экономической целесообразности их производства (объем и структура потенциального спроса, каналы сбыта и др.).

Таким образом, маркетинг формируемых продуктов будет заключаться в создании нового профиля ЛС, т. е. искусственного и целенаправленного образования новых атрибутов продуктов, их перепозиционирования, перезапуска на рынок (повторная первичная коммерциализация) и соответствующего каналлинга (управление каналами сбыта) в рамках возможных применений лекарств по рефокусированному клайму.

В нашем понимании перепозиционирование ЛС как продукта подразумевает придание ему нового или обновленного медицинского профиля и доведение знаний о нем до фармрынка средствами коммуникаций. Мы считаем, что в результате применения указанной технологии отечественный фармрынок, особенно сегмент ЛПУ, может сформировать новый уточненный активный образ ЛС, который может весьма существенно отличаться от первоначального. Перепозиционирование препаратов может осуществляться в любое время как на стадиях, предшествующих их запуску на рынок, так и в коммерческий период жизни продукта. Единственными критическими ограничениями для перепозиционирования лекарств будут совокупность медицинских показаний применения, степень и условия сохраняемости, максимальная терапевтическая дозировка применения. Таким образом, перепозиционирование ЛС можно проводить по нескольким направлениям изменения (расширение / сужение) совокупной симптоматики, являющейся показанием к применению, вплоть до придания лекарству статуса безрецептурного, а также репрайсинга (комплекс мероприятий по управлению ценообразованием продуктов, уже обращающихся на рынке).

Поскольку устаревшие дженерики являются симилатами, т. е. продуктами, не имеющими существенных отличий между собой и конкурирующими друг с другом лишь по цене, перепозиционирование необходимо осуществлять посредством придания им дифференцирующих свойств путем символизации и создания нового профиля, что позволит установить новую цену. Примером может служить про-

дившиеся в кардиологическом сегменте дифференциация и перепозиционирование продукта как препарата комплексной терапии ишемической болезни сердца. В результате перепозиционирования цена была увеличена на 52 %, а доходность — на 20—25 %. Доля рынка при этом в течение первых трех лет выросла с 0,39 до 5,09 %⁸.

Перезапуск ЛС на рынок становится неизбежным следствием перепозиционирования. Особенностью коммуникативной составляющей перезапуска является наличие в качестве одной из основных его задач нивелирование старого активного образа продукта, связанного с применением лекарств по совокупности устаревшей симптоматики, и формирование нового, соответствующего уточненным или инновационным показаниям⁹.

Перепозиционирование и перезапуск ЛС напрямую зависят от реализации главной задачи их продвижения: сообщение рынку о собственных преимуществах. Таким образом, продвижение лекарств является главной технологией управления мнением рынка. К основным ресурсам продвижения ЛС относятся реклама, персональные продажи, интенсификация продаж, общественные отношения¹⁰.

Реклама выступает опосредованной, неличной формой передачи информации о ЛС конечному потребителю или его представителю в лице врача или фармацевта. Если учитывать специфические особенности лекарства как товара, то в качестве основных носителей рекламы выступают специальные журналы, брошюры и система прямой рассылки (direct mail) информационной корреспонденции в целевой группе.

Интенсификация продаж принадлежит к плану мероприятий, проводимых фармкомпаниями для обеспечения беспрепятственного доступа медицины и пациентов к ЛС. С одной стороны, эта деятельность относится к работе по оптимизации взаимодействия производственных звеньев и торговых систем и к деятельности, направленной на получение консолидированных заказов в результате тендеров и конкурсов. С другой стороны, интенсификация продаж обеспечивается также созданием механизмов, управляющих заинтересованностью медицины и торговых систем в работе с продуктами конкретного фармпроизводителя.

Общественные взаимоотношения (PR), или комплекс коммуникативных мероприятий с широкими слоями общества, включают в себя не только профессиональную аудиторию, но и пациентов, их близких. Важной составляющей частью целевой аудитории будут также люди, не испытывающие необходимости в употреблении ЛС, но имеющие перспективу (в силу биологических причин) позже примкнуть к категории пациентов¹¹.

Применение последних ресурсов продвижения, по нашему мнению, не будет иметь надлежащего эффекта по причине изначальной симилизированнойности продуктов. Возможность получения максимального результата в управлении мнением фармрынка будет обеспечена в случае применения личных продаж, для реализации которых в структуре маркетинговой подсистемы производителей лекарств функционируют службы медицинских представителей. Основываясь на постоянной работе по обучению своих представителей, их профессионализме, отечественные фармкомпании смогут пользоваться уникальной возможностью личной (неопосредованной) передачи информации о лекарстве лицам, от которых зависит или может зависеть в будущем назначение лекарства пациенту либо иное ключевое решение. Высокий уровень доверия к личному общению детерминирует эффективность деятельности медицинских представителей.

Следующим этапом является комплекс мероприятий, производимых фармкомпанией по управлению каналами сбыта для доведения продукта до пациента. В отличие от других отраслей фармацевтические каналы сбыта представляют собой значительно более организованный, эффективный и профессиональный отраслевой кластер, что связано с особенностью товарных характеристик лекарств. Они требуют надлежащей квалификации ключевого персонала компаний, а также сравнительно высокий уровень регуляторных требований, предъявляемых к их коммерческой деятельности.

Всю совокупность участников фармацевтического рынка можно разделить на промежуточные каналы (оптовые компании и уполномоченные организации по централизованным государственным закупкам) и диспенсеры (участники рынка, непосредственно контактирующие с целевой аудиторией: розничные организации, лечебно-профилактические учреждения, частнопрактикующие врачи).

В практике фармбизнеса можно выделить три основные модели организации продвижения ЛС по каналам сбыта. Первая модель — продажа через оптовые компании. В этом случае торговая цепочка включает крупнейшие федеральные или межнациональные дистрибьютеры, средние (региональные) и локальные дистрибьютеры, обоснованность присутствия на рынке которых диктуется особенностями номенклатуры и логистическими ограничениями, находящимися в зависимости от размеров фармкомпаний (лимит минимального размера одной загрузочной партии товара, территория охвата). Вторая модель — продажи через консолидированные склады сетевых розничных аптек. Эта модель используется преимущественно почтовыми аптеками вследствие большей ориентированности розничных сетей на формирование адекватного интерфейса у целевой аудитории (пациентами), чем специфика бизнеса оптовиков. Третья модель — прямые поставки от производителя диспенсеру посредством заключения двустороннего договора. В этой модели нет участия посредников¹².

Сбытовые каналы ЛС можно разделить на прямые, предусматривающие реализацию исключительно третьей модели каналинга, и косвенные, предполагающие наличие в цепочке продвижения ЛС торгового или иного логистического посредника, т. е. первую и вторую модели.

Сбыт фармпродукции фармкомпаниями строится по трем моделям: интенсивной (препарат направляется в любой доступный канал и предполагает отсутствие каких-либо ограничений на доступ оптовых компаний и диспенсеров к фармпродукту; осуществляется активное «вталкивание» продукта при минимуме менеджмента мнений и использование любых каналов с доминированием косвенных; не позволяет фармпроизводителям контролировать движение ЛС и манипулировать рынком), селективной (выработка фармкомпанией критериев отбора каналов товаропродвижения, например, территориального, клиентского, конкурентного и др.; клиентская база формируется на основе квалификации оптовых компаний и диспенсеров) и эксклюзивной (крайняя форма селективности с выделением одного клиента, обеспечивающего все продажи в пределах одного рынка)¹³.

Для управления каналами сбыта препаратов, предназначенных для применения «off-label», целесообразен выбор селективной модели путем «вталкивания» с использованием

прямых каналов и служб медпредставителей, так как это позволит избежать больших снабженческо-сбытовых наценок и эффективно осуществлять управление мнением и, следовательно, сохранить фармпродукцию в прежней ценовой категории и привлекательность последней для диспенсеров.

Осуществлять управление жизненным циклом указанных ЛС посредством их повторного запуска, как и перепозиционирования, необходимо в сегменте лечебно-профилактических учреждений посредством служб медицинских представителей. На наш взгляд, реализация данной стратегии развития фармбизнеса позволит отечественным производителям выйти на продуцирование современных, в том числе инновационных ЛС, и, формируя на их основе свои продуктовые портфели, достичь конкурентоспособности на фармрынке РФ.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Медицинский новостной сайт нового формата. URL: <http://www.med2.ru> (дата обращения: 22.12.2009).

² Там же.

³ См.: Гацан В.В. Менеджмент фармацевтического предприятия. М.: Феникс, 2002. С. 78.

⁴ См.: Кеннеди Т. Инновационный менеджмент в фармацевтической индустрии. М.: Литтерра, 2004. С. 78.

⁵ См.: Гацан В.В. Менеджмент фармацевтического предприятия. С. 88—92.

⁶ Там же. С. 56.

⁷ См.: Белашапка В.А., Загорий Г.В., Усенко В.А. Стратегическое управление и маркетинг в практике фармацевтических фирм. Киев: Триумф, 2001. С. 85—87.

⁸ См.: Дремова Н.Б. Маркетинговое планирование в фармации. М.: Профессионал центр, 1999. С. 95—97.

⁹ См.: Гетьман М.А. Большая фарма. М.: Литтерра, 2005. 312 с.

¹⁰ См.: Белашапка В.А., Загорий Г.В., Усенко В.А. Стратегическое управление и маркетинг ... С. 142.

¹¹ См.: Гацан В.В. Менеджмент фармацевтического предприятия. С. 102.

¹² См.: Кеннеди Т. Инновационный менеджмент ... С. 102—104.

¹³ См.: Гетьман М.А. Большая фарма. С. 135.

Поступила 14.01.10.

Н. В. БАУЛИНА

ИПОТЕЧНОЕ ЗЕМЕЛЬНОЕ КРЕДИТОВАНИЕ В МОРДОВСКОМ КРАЕ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Ключевые слова: крестьянство, поземельный банк, ипотечное кредитование, землеустройство

Key words: peasantry, land bank, mortgage lending, land development

С отменой крепостного права аграрно-крестьянский вопрос в России до конца не был решен. Требовались меры, которые смогли бы дать возможность крестьянину выйти из общины и приобрести для личного пользования землю. Правительство поддерживало идею организации долгосрочного кредита для крестьян. Только это могло ослабить земельный голод крестьян, не посягая при этом на помещичье землевладение. Этой мерой крестьянство отвлекалось от борьбы за «дополнительные наделы», а также оказывалась помощь разоряющемуся дворянству. Крепостные и земля были традиционным для России предметом залога. В 1856 г. 74,4 % (196 118 чел.) крепостных Пензенской губернии находились в залоге, к 1859 г. их число увеличилось до 80,7 % (211 754 чел.). В XVIII в. за одну ревизскую душу выдавались 10 руб., в начале XIX в. — по 60 руб., а с 1841 г. — от 50 до 70 руб. Заемщики должны были ежегодно выплачивать 8 % от полученной ссуды. По объему заложенной в дореформенный период земли (около 60 %) Пензенская губерния находилась на шестом месте наравне с Бессарабской, Харьковской и Екатеринославской губерниями¹.

Большой спрос на поземельный кредит вызвал необходимость создания специализированных ипотечных сословных учреждений на капиталистической основе, ориентированных на главные категории землевладельцев — дворян и крестьян.

БАУЛИНА Наталья Викторовна, аспирант отдела истории Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия.

Временно обязанные крестьяне из-за отсутствия денег не могли выкупить выделенные им земельные наделы, а дворяне, обладая большой земельной собственностью, не имели свободных капиталов. Поэтому Александр III внес проекты, облегчающие возможности крестьян пользоваться кредитом для покупки земель. 18 мая 1882 г. Государственный совет утвердил «Положение о Крестьянском поземельном банке».

Банк начал свою работу в 1883 г. Первоначально он действовал на территории Европейской России, где открылись одиннадцать его отделений. Первые из них заработали в Волынской, Екатеринославской, Киевской, Могилевской, Подольской, Полтавской, Саратовской, Тверской, Черниговской губерниях, а чуть позже — на территории Херсонской и Уфимской губерний. В Пензе и Тамбове отделения Крестьянского поземельного банка начали свою работу в январе 1884 г., в Симбирске банк был основан 3 июня 1885 г.² Крестьянский банк подчинялся непосредственно министру финансов.

Пензенское отделение обслуживало Саранский, Краснослободский, Инсарский уезды, Тамбовское отделение — Темниковский уезд, Симбирское отделение — Ардатовский уезд и часть восточных волостей современной территории Мордовии.

В Пензенской губернии, куда входили Саранский, Инсарский, Краснослободский уезды, действия уездного отделения Саранского банка осуществлялись совместно с Пензенским отделением дворянского земельного банка. Первым управляющим этих отделений был действительный статский советник И. Н. Бекман (1823—1890). Именно ему было обьязано своим доминирующим положением в финансово-кредитной системе губернии Пензенское отделение Государственного банка. Его двадцатилетняя деятельность и вклад в развитие региональной кредитной структуры отмечены орденами Св. Станислава первой степени, Св. Владимира третьей степени, Св. Анны второй степени³.

За 1884—1903 гг. банк получил 778 заявлений на ссуды для покупки 180 тыс. десятин, в том числе 180 заявлений (65 886 дес.) от сельских обществ, 508 (113 093 дес.) от товариществ и 90 (1 421 дес.) от отдельных домохозяев. Были удовлетворены 294 заявления на 66 632 дес., в 1914 г. — 245⁴.

Главными продавцами земель Крестьянскому поземельному банку были помещики. Лишь за восемь месяцев (с 1 октября 1905 г. по 1 июня 1906 г.) в банк поступили более 127 заявлений от помещиков Пензенской, Симбирской и Тамбовской губерний с предложением о продаже земель (в Саранском уезде — 44, Инсарском — 16, Краснослободском — 6, Темниковском — 38, Ардатовском — 23). С 27 августа 1906 г. по правительственному указу также передавались казенные земли Крестьянскому банку для продажи. С этого момента деятельность банка по продаже помещичьих и казенных земель заметно активизировалась.

На 1 января 1907 г. Крестьянский поземельный банк купил 86 380,5 дес. земли. За время проведения реформ с 1907 по 1911 г. куплены 121 651,5 дес., переданы банку 9 622,2 дес. удельных земель, 9 232,8 дес. осталось от «неисправных» наемщиков. Всего в отделение банка поступили 140 506,5 дес., в банк — 226 887 дес.⁵ Активная деятельность Крестьянского банка по покупке земель прекращается к 1911 г. До 1917 г. банком было куплено земли лишь 10 452,9 дес., примерно 1,7 тыс. десятин земли в год⁶.

В 1907—1909 гг. из 215 тыс. дес. общего земельного запаса Пензенской губернии благодаря посредничеству Пензенского отделения 102 290 дес. были проданы 7 408 крестьянским домохозяевам, в том числе 23 888 дес. (почти 25 %) — переселенцам их Харьковской, Киевской, Костромской, Воронежской и Тамбовской губерний. В результате этих продаж в Пензенской губернии появились 836 хуторов общей площадью 12 267 дес., 2 532 отруба с выселением площадью 37 373 дес. и 4 040 отрубов без выселения площадью 52 650 дес. Средний размер участков, отведенных Пензенским отделением Крестьянского банка, для хуторян составил 14,6 дес., а для отрубщиков — 13 дес. Это в 2,5 раза превышало средний размер участков, находившихся в чересполосном владении⁷.

Цена реализации одной десятины с 119 руб. в 1908 г. выросла до 122 руб. в 1909 г., что было в интересах помещиков. Заемщики должны были платить по ссуде свыше 4 %. Это был самый высокий процент в России. Отсюда и самый высокий рост недоимок — 151 % (средняя норма в России — 45,6 %). Недоимки по Пензенскому отделению Крестьянского банка в 1885 г. составляли 458 тыс. руб., в 1890 г. — 116 тыс. руб., в 1895 г. — 151 тыс. руб., в 1903 г. —

25 тыс. руб. К должникам применялись взыскания. Так, в 1887 г. были взысканы 90 % недоимок, в 1888 г. — 45 %, в 1896 г. — 44 %. Уставом от 27 ноября 1895 г. банку было разрешено покупать земли за счет собственного капитала для перепродажи их крестьянам. Таким образом, были приобретены 11 имений общей площадью 27 218 дес., их стоимость составила 15 281 тыс. руб. К 1913 г. банк владел 226 390 дес. земли, сдававшимися в денежную и издольную аренду. В 1912 г. от хозяйственной эксплуатации собственной земли Пензенское отделение получило 274 003 руб. чистой прибыли. В собственности банка был лес, продававшийся на сплошную и выборочную вырубку вместе с землей. В 1910 г. одна десятая леса стоила 200 руб., в 1913 г. — 363 руб. От продажи леса в 1909 г. банк выручил 1 748 тыс. руб.⁸

С началом Первой мировой войны кредитование сокращается. Увеличивается число недоимщиков. Так, крестьяне Ардатовского уезда с 1 ноября 1914 г. по 15 марта 1915 г. выплатили банку 135 391 руб. 85 коп., однако остались должны 21 488 руб. 66 коп. По уезду крупными неплательщиками Крестьянскому поземельному банку были товарищества крестьян с. Ахматово — 29 домохозяев, ссуда 10 780 руб. на покупку 115 дес. земли (недоимка 250 руб.); д. Новая Александровка — 68 тыс. руб. на покупку 510 дес. (недоимка 1 446 руб.); с. Болтино — 75 850 руб. на покупку 663 дес. (недоимка 1 150 руб.)⁹.

С 1907 г. по декабрь 1917 г. Крестьянским поземельным банком были приобретены, согласно крепостным актам, 237 333,9 дес. земли, в основном помещичьих. Платили в среднем по 118 руб. 88 коп. за десятину. Банком она продавалась с некоторой надбавкой за десятину — 130 руб. 60 коп. Если в 1872 г. средняя цена за десятину земли составляла 23 руб. 55 коп., то к 1914 г. она выросла до 172 руб. 91 коп.¹⁰ По представленным в банк сделкам, с января 1907 г. по декабрь 1917 г. Крестьянским поземельным банком были проданы 246 007,3 дес. земли. Банк должен был получить с крестьян 32 127 721 руб. 50 коп., получил задаток 1 421 384 руб. 91 коп. Банк с продавцами земли расплачивался полностью и в срок¹¹.

С 1907 г. банком велась большая работа по организации хуторских и отрубных участков и созданию на них крепких крестьянских хозяйств. Так, с 1 января 1907 г. по декабрь

1917 г. через отделение Крестьянского поземельного банка были совершены сделки по продаже земли: по единоличным — на 185 789,3 дес., по товарищеским — на 15 506,4 дес., по сельским общественным сделкам — 1 847,2 дес., за наличный расчет с рассрочкой платежа (без ссуды) — на 5 660,4 дес. земли¹². Продажа земли сельским обществам и товариществам из фонда банка допускалась только в особых случаях. Вся деятельность поземельного банка была направлена на утверждение личной частной собственности на землю для зажиточной части крестьянства, а также для удовлетворения нужды безземельных крестьян. В числе покупателей земли из банка в основном были середняцкие хозяйства, в незначительном количестве — бедняки и кулаки.

Частыми были случаи, когда члены товарищества после совместной покупки земли выходили из товарищества на хутора или отруба. Так, жители с. Трофимовщина Саранского уезда организовали общество из 22 домохозяев и в 1907 г. купили земли в количестве 479 дес. 545 саж. стоимостью 44 тыс. руб. Банк выдал ссуду на 55,5 лет из расчета 5 % годовых. В 1910 г. из состава товарищества вышли 4 домохозяина. Выйдя из сообщества, они получали столько земли, сколько заплатили банку¹³.

Главное управление землеустройства и земледелия циркуляром от 12 июня 1907 г. № 17 установило временные предельные нормы количества земли на один двор. В Саранском уезде эта норма равнялась 8,5 дес., Инсарском — 9, Краснослободском — 9, Симбирском — 8,5, Темниковском — 9. Каждая уездная землеустроительная комиссия определила предельную норму продажи земли по уезду. При отрубном и хуторском хозяйстве — 3,5—4 дес., в исключительных случаях — до 5—6 дес. на душу. Согласно ст. 54 Устава банка, норма покупки земли на душу допускалась до 7 дес. Если была покупка двора при 4-х душах, то разрешалась продажа двору до 23 дес. земли¹⁴. Следует отметить, что уставные нормы были введены формально и ни одной землеустроительной комиссией не соблюдались. Что касается банковских ограничений, то их также обходили разными способами. Приписывались мертвые души, организовывались фиктивные товарищества с целью получения большей суммы денег для покупки земель.

Не все крестьянские хозяйства смогли вовремя расплатиться с банком. На 1 января 1906 г. было 8 890 руб. 82 коп. недоимок, на 1 января 1909 г. их стало значительно больше, 59 957 руб. 74 коп. К 1 января 1914 г. недоимки достигли 951 340 руб. 53 коп., на 1 января 1915 г. — 1 439 841 руб. 12 коп., на 1 января 1916 г. — 1 501 946 руб. 14 коп. В течение 1916 г. принимались меры к взысканию платежей заемщиков. У крестьян было отобрано большое количество хуторов. Однако к 1 января 1917 г. оставалось 1 065 956 руб. 84 коп. недоимок за отдельными домохозяевами — 688 906 руб. 52 коп., за товариществами — 258 581 руб. 41 коп., за сельскими обществами — 118 470 руб. 91 коп.

Из рапортов уездных исправников на имя губернатора и Пензенского губернского правления следует, что со стороны некоторых крестьянских хозяйств платежи поступали нерегулярно или вообще не вносились. Так, за 1913 г. по Краснослободскому уезду платежи вообще не вносились.

Банк защищал интересы землевладельцев, старался, чтобы на купленной земле организовывались хутора. Размеры посреднической деятельности банка были весьма широкие. Так, с 1907 по 1917 г. для реализации 208 067,2 дес. банковской земли были ссужены 25 169 450 руб., а для посреднической деятельности только за 1915 г. банком было выдано ссуды на 42 658,5 тыс. руб.

Вне всякого сомнения, деятельность Крестьянского поземельного банка оказала значительное влияние на процесс дифференциации крестьянства. Банк способствовал усилению в деревне зажиточного слоя крестьян, что в итоге не могло не отразиться на бедном слое деревенских жителей. Было недовольство, которое иногда переходило к конкретным действиям со стороны крестьян. Так, в июле 1908 г. в с. Константиновка Саранского уезда сгорело помещичье имение, перешедшее к Крестьянскому банку. Также сгорели гумна крестьян, желавших выйти из общины. Полицией были арестованы около десяти крестьян и староста. Они обвинялись в поджогах. Пензенский губернатор в рапорте департаменту полиции, излагая причины пожара, отметил, что «до того в селе Константиновка велась значительная пропаганда против приобретения земли у банка». Губернатор докладывал, что в результате пожара сгорели дом и сыроварня, убыток составил 3 тыс. руб., а в самом селе в

результате пожара сгорели сено и рожь на сумму 400 руб., принадлежащие крестьянам, которые одним из первых купили землю у Крестьянского банка.

Вечером 2 октября 1909 г. крестьяне д. Атьма Саранского уезда подожгли хутор Мериносова, который был приобретен у Крестьянского поземельного банка. Крестьяне во время пожара «стояли совершенно спокойно и не приняли никаких мер к тушению пожара». Для расследования на место выезжал Саранский уездный исправник, но он не смог найти виновных в поджоге хутора¹⁵. Приведенные примеры подтверждают, насколько Крестьянский поземельный банк ускорял дифференциацию деревни и способствовал обострению борьбы между старым и новым, общинной и зажиточной частью деревни.

Поставленные перед отделениями Крестьянского поземельного банка задачи на Мордовской земле до революции решались неплохо. Они способствовали развитию капиталистических отношений в деревне, встречая сопротивление консервативных сил, которые не могли мириться с реформированием общинной деревни.

В обеспечении земель правительство видело залог будущего благосостояния крестьян. Не находя возможным наделить их таким количеством земли, которое могло бы обеспечить их безбедное существование, оно считало необходимым дать крестьянам такой земельный надел, который послужил бы ядром будущего развития крестьянского земледелия. Такие условия освобождения крестьян заключали в себе необходимость очень большого перераспределения недвижимой собственности. Это обуславливало естественное стремление крестьян к покупке недостающего количества земли у помещиков или государства. В связи с этим покупка крестьянами земель при содействии специального крестьянского кредитного учреждения явилась логическим продолжением начатой реформы.

Крестьянский поземельный банк был упразднен Декретом СНК от 25 ноября (8 декабря) 1917 г. После Октябрьской революции банковские кредитные системы были ликвидированы, а имеющиеся денежные средства переданы в уездные казначейства и организованные уездные финансовые отделы. С образованием Мордовской автономии началось восстановление банковской системы. Открывалась новая

страница истории, однако уже под другим названием и с другими задачами. Но при любом общественном строе в землю всегда необходимо вкладывать деньги, а механизм вложения всегда один — через кредиты в банке.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Тюстин А.В. Во благо Отечества. Из истории предпринимательств Пензенской губернии. М., 2004. С. 244.

² См.: Фролов С.А. Крестьянский поземельный банк в Тамбовской губернии (1884—1917 гг.). Тамбов: Изд. ТГТУ, 2005. С. 9.

³ См.: Тюстин А.В. Во благо Отечества ... С. 242.

⁴ Там же. С. 244.

⁵ ГАПО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 50. Л. 40—50.

⁶ Там же. Д. 62. Л. 7—9 об.

⁷ См.: Тюстин А.В. Во благо Отечества ... С. 249.

⁸ Там же.

⁹ ГУАО. Ф. 49. Оп. 1. Д. 65. Л. 3—9.

¹⁰ ГАПО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 72. Л. 23—24.

¹¹ Там же. Л. 45.

¹² Там же. Л. 76, 77, 83.

¹³ См.: Гребнев А.М. К вопросу о деятельности Пензенского отделения крестьянского поземельного банка // Учен. зап. МГПИ им. А.И. Полежаева. Вып. 4. Саранск, 1956. С. 84.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 95.

Поступила 08.04.10.

В. Г. АРИСКИН

ПРОГРАММНО-ЦЕЛЕВОЙ ПОДХОД В РЕШЕНИИ ЗАДАЧ НАУЧНО-ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Ключевые слова: региональное инновационное развитие, интеллектуальный потенциал, наукоемкие технологии, программно-целевой метод, инфраструктура поддержки наукоемких технологий, технопарк, научно-инновационный комплекс, инновационный потенциал, инновационная инфраструктура, региональная целевая программа

Key words: regional innovative development, intellectual potential, science-intensive technologies, programme and purpose method, infrastructure for science-intensive technologies support, technopark, scientific and innovative complex, innovative potential, innovative infrastructure, regional special programme

Преобразование экономики страны от экспортно-сырьевого к инновационному социально-ориентированному типу развития является одной из основных задач развития России на среднесрочную перспективу. Ключевым аспектом этих изменений стало широкое распространение инноваций, ускоренное развитие науки, технологий и высокотехнологичных производств. Особое внимание при этом уделяется региональному инновационному развитию как наиболее эффективному варианту создания действенных инновационных кластеров и перспективных научно-технических проектов, обусловленному оперативностью регионального управления в принятии соответствующих решений в рамках региональных инновационных систем.

Очевидно, что для Республики Мордовия нет других способов достичь высоких темпов регионального социально-экономического роста, кроме привлечения имеющегося

АРИСКИН Виталий Геннадьевич, начальник отдела экспертизы и сопровождения проектов НИОКР Министерства науки, информатизации и новых технологий Республики Мордовия.

интеллектуального потенциала научных учреждений, высокотехнологичного производства, учебных заведений, малого и среднего бизнеса к развитию инновационной составляющей экономики региона.

Эффективное использование результатов научно-технической деятельности в реализуемых инновационных проектах зависит от многих факторов. Одним из основных является координация деятельности субъектов научно-технической и инновационной деятельности. На региональном уровне подобная задача решается посредством формирования региональной инновационной системы, обеспечивающей эффективное взаимодействие между всеми субъектами инновационной деятельности.

В то же время создание региональной инновационной системы требует комплекса мероприятий, структурированных и взаимоувязанных по видам работ, срокам их выполнения, ресурсному обеспечению, составу исполнителей в соответствии с поставленными целями. Организация такого комплекса возможна, на наш взгляд, только программно-целевым методом, в данном случае посредством разработки и реализации республиканской целевой программы научно-инновационного развития на среднесрочную перспективу.

Отсутствие программно-целевого метода в организации и развитии региональной инновационной системы Мордовии может привести к тому, что разобщенная деятельность органов исполнительной власти по внедрению передовых инновационных разработок в подведомственных отраслях, направленных на повышение конкурентоспособности и экономической эффективности выпускаемой продукции, будет ставить перед научно-технической сферой региона разнонаправленные задачи. Это негативно скажется на эффективности их реализации, приведет к увеличению импорта в регион технологий и снизит темпы развития региональной научно-технической сферы.

Уже в среднесрочной перспективе отсутствие собственной региональной инновационной системы, способной генерировать перспективные проекты и эффективно эксплуатировать ввезенные технологии, приведет к необходимости привлечения в республику квалифицированных кадров и инжиниринговых услуг по обслуживанию вводимой в эксплуатацию техники. Это потребует дополнительных расходов.

Более того, отсутствие в регионе механизмов поддержки и развития инновационной деятельности снизит общую инвестиционную привлекательность республики по сравнению с другими территориями, на которых успешно функционируют инфраструктура поддержки наукоемких технологий.

В качестве возможных вариантов решения проблемы обеспечения инновационной направленности развития экономики Мордовии возможны три «сценария».

Первый предполагает уделять основное внимание строительству и организации деятельности технопарка в сфере высоких технологий в Республике Мордовия в ущерб развитию другим элементам инновационной инфраструктуры региона. В итоге технопарк становится единственным организационным элементом научно-инновационного комплекса Мордовии. Остальные объекты инновационной инфраструктуры (инженерно-конструкторские центры, испытательные лаборатории, система венчурного инвестирования и финансовой поддержки, маркетинговое и юридическое сопровождение проектов и т. д.) будут вынуждены поддерживаться за счет средств предприятий и организаций региона. В данном случае последним будет тяжело выдерживать конкуренцию с технопарком по кадровому обеспечению и привлечению инвестиций. В итоге это приведет к их технологическому отставанию, потере конкурентоспособности, а также невозможности реализации региональными хозяйствующими субъектами инновационных проектов, разработанных в технопарке. Таким образом, региональная инновационная система сформируется внутри технопарка и будет работать исключительно на его развитие. В этом случае Мордовия будет получать доход исключительно от налоговых и прочих платежей резидентов технопарка. Научно-инновационная сфера республики потеряет многонаправленность научно-технического поиска и будет полностью зависеть от эффективности работы технопарка.

Второй «сценарий» предполагает поддержку строительства и организацию работы технопарка, а также поддержку инновационных проектов ведущих организаций базовых секторов экономики региона. Этот «сценарий» усматривает параллельное развитие научно-технической сферы по различным направлениям для максимального развития и последующей реализации инновационного потенциала предприятий

республики. В этом случае велика вероятность обособления элементов научно-технической сферы по направлениям поддержки со стороны отраслевых органов исполнительной власти (сельское хозяйство, строительство, промышленность, социальная сфера и др.), а также внутри направлений (растениеводство, животноводство и перерабатывающая промышленность, машиностроение и электротехника и т. д.). При этом в регионе будет развиваться технопарк по отраслям высоких технологий, для которого также потребуются создание соответствующих элементов научно-технической сферы. В итоге это неминуемо приведет к возникновению конкуренции за ресурсное обеспечение, в первую очередь за финансами регионального бюджета. Учитывая ограниченность бюджетных средств, параллельное развитие всех научно-инновационных проектов Мордовии приведет к замедлению темпов их развития, что в долгосрочной перспективе негативным образом скажется на конкурентоспособности реализуемых инновационных проектов.

Третий «сценарий» имеет в виду формирование региональной инновационной системы, призванной обеспечить совместное развитие технопарка и организаций базовых секторов экономики республики. Этот «сценарий» предполагает в рамках региональной целевой программы создать единую инновационную систему поддержки и реализации перспективных проектов с использованием потенциала строящегося технопарка. Использование программно-целевого метода позволит направить ограниченные бюджетные ресурсы на реализацию приоритетных мероприятий научно-инновационного развития и формирование эффективной региональной инновационной системы.

Частично элементы третьего «сценария» были реализованы в Мордовии в 2008—2009 гг. Например, «Бизнес-инкубатор» республики оказывает помощь новым развивающимся предприятиям и бизнесменам, предоставляя им рабочие площади для начала своего дела. Существенными предпосылками инновационного развития региона также является организованная работа предприятий инновационной инфраструктуры (фонд смешанных инвестиций, венчурный фонд, инжиниринго-консалтинговый центр).

Кроме того, в республике осуществляются стимулирование и поддержка создания новых инновационных предприятий:

находится в разработке законопроект по сокращению налогового бремени для инновационно-активных предприятий, предприятий в сфере нанотехнологий; формируется благоприятная среда для научных исследований и разработок и т. д.

Особо следует отметить создание предпосылок для создания в республике технопарка в сфере высоких технологий. В настоящее время подписаны 45 соглашений о сотрудничестве с резидентами технопарка, 13 из них планируют осуществлять свою деятельность на площадке информационно-вычислительного комплекса, 32 — на площадке инновационно-производственного комплекса. Среди будущих партнеров можно выделить корпорации HUAWEI и IBM, сотрудничество с которыми поможет наладить и оптимизировать работу будущего технопарка.

Важным элементом инновационной системы региона должен стать создаваемый на базе технопарка Республиканский нанотехнологический центр. Основными задачами центра будут обеспечение инфраструктурной поддержкой процесса коммерциализации технологий, генерация новых проектов, а также доработка и внедрение новых технологий в области nanoиндустрии на предприятиях Мордовии. В настоящее время подобран необходимый комплекс оборудования для нанотехнологического центра.

В республике разработана и утверждена «Стратегия социально-экономического развития Республики Мордовия до 2025 года», которая определяет основными целями развития региона становление инновационного сектора экономики и повышение качества жизни населения. Для достижения этой цели в республике сделан ряд шагов по поиску поддержки развивающегося регионального инновационного комплекса со стороны различных федеральных институтов. Так, были заключены соглашения о сотрудничестве между Мордовией и государственными корпорациями «РОСНАНО» и «РОСТЕХНОЛОГИИ», ММВБ, рядом крупнейших промышленных компаний и научно-исследовательских организаций. Кроме того, готовятся к подписанию соглашения с Фондом содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере и РВК.

Т. В. КАКАТУНОВА

ОРГАНИЗАЦИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУБЪЕКТОВ ИННОВАЦИОННОЙ СРЕДЫ РЕГИОНА

Ключевые слова: ИТ-технопарк виртуального типа, региональная инновационная инфраструктура, инновационный ИТ-проект

Key words: IT-technopark of virtual type, regional innovative infrastructure, innovative IT-project

В современных экономических условиях, характеризующихся сокращением поступлений в региональные бюджеты, в том числе вследствие финансово-экономического кризиса, возрастает роль элементов инновационной инфраструктуры региона, не требующих для своего создания и функционирования значительных инвестиций с длительным сроком окупаемости. К числу структур подобно типа можно отнести виртуальный ИТ-технопарк, который целесообразно рассматривать прежде всего как инструмент ускорения развития высокотехнологичных отраслей российской экономики.

Виртуальный ИТ-технопарк представляет собой организационную структуру, деятельность которой связана с разработкой и реализацией инновационных ИТ-проектов или их отдельных этапов путем организации информационного взаимодействия и координации территориально распределенных участников инновационного процесса в ИТ-сфере региона на основе применения современных информационных технологий. Таким образом, задачей технопарка является деятельность, связанная с коммерциализацией новшеств в ИТ-сфере. Виртуальный характер структуры определяется возможностью с помощью современных сетевых информационных технологий организовать работу технопарка без

КАКАТУНОВА Татьяна Валентиновна, доцент кафедры менеджмента и информационных технологий в экономике филиала Московского энергетического института (технического университета) в г. Смоленске, кандидат экономических наук.

его физического расположения на отдельной территории, привлекая специалистов или временные творческие коллективы для реализации различных этапов инновационных ИТ-проектов. Это позволит интегрировать разрозненные инновационные ресурсы региона в единую инновационную инфраструктуру и обеспечить в случае необходимости взаимодействие с любыми организациями на территории РФ и за ее пределами.

Анализ показывает, что отдельные регионы РФ имеют достаточно высокий инновационный потенциал в сфере разработки и внедрения новых информационных технологий¹. Однако широкому внедрению инновационных ИТ-решений препятствует ряд обстоятельств. Прежде следует отметить недостаточное взаимодействие разработчиков специализированного программного обеспечения и аппаратных средств с потенциальными потребителями в регионе и за его пределами, что приводит к росту массы невостребованных инновационных ИТ-разработок, увеличению вероятности их утечки за пределы страны и недополучению регионом экономических, социальных и других видов эффектов в случае их возможной реализации. У ряда индивидуальных разработчиков и ИТ-предприятий отсутствует лицензионное программное обеспечение, что может помешать разработке, апробации и созданию опытных образцов информационных ИТ-продуктов. Нет навыков составления бизнес-планов ИТ-проектов. Во многих регионах существует большое количество финансовых структур, готовых инвестировать в высокотехнологичные разработки, которые не могут реализовать свой инвестиционный потенциал вследствие нечеткой или недостаточной проработки имеющихся инновационных ИТ-проектов. Также следует отметить отсутствие системы обеспечения правовой защиты инноваций. Нет доступа к лабораториям для отладки ряда программных продуктов, а также быстродействующей системы обмена информацией между группой территориально распределенных программистов.

Создание виртуальных ИТ-технопарков на базе крупных технических вузов или их филиалов позволит устранить указанные препятствия и активизировать инновационную деятельность в региональной ИТ-сфере. Поскольку индивидуальные разработчики и предприятия ИТ-сферы обычно не нуждаются в дополнительных помещениях и стандартной

компьютерной технике, то ИТ-технопарк может предоставлять специализированные компьютерные классы только для отладки сетевых программных продуктов, а также некоторые виды лицензионного программного обеспечения. Для организации взаимодействия разработчиков инновационных ИТ-продуктов с потенциальными потребителями в регионе и за его пределами предлагается создать сервер с соответствующими базами данных и виртуальный портал.

Для взаимодействия индивидуальных разработчиков при реализации крупных инновационных ИТ-проектов, как представляется, должна быть создана высокоскоростная сеть обмена данными. Также ИТ-технопарк может осуществлять первичную экспертизу инновационных предложений, предоставлять услуги по их оформлению в инвестиционные проекты, обеспечивать правовую защиту результатов инновационной деятельности.

Общая процедура организации взаимодействия субъектов инновационной среды региона на базе ИТ-технопарка виртуального типа представлена на рисунке. Основными субъектами инновационной среды, связанными с разработкой инновационных ИТ-продуктов, являются индивидуальные разработчики программного обеспечения и их творческие группы, потенциальные потребители программных продуктов, ИТ-технопарк, осуществляющий функции координатора инновационной ИТ-среды региона, разработчика и организатора научно-исследовательской площадки в области информационных технологий. Также в числе субъектов региональной инновационной среды могут быть финансовые структуры и администрация региона. Внешняя инновационная среда региона представлена органами государственной власти, бюджетными фондами, оказывающими комплексное влияние на инновационную среду региона.

На рисунке приведены направления и содержание инновационных потоков между элементами создаваемой инновационной системы в ИТ-сфере, где были введены следующие обозначения: 1А, 7А — заказы на научно-исследовательские разработки в ИТ-сфере; 1Б, 7Б — информация о новых ИТ-технологиях и ИТ-разработках, консультации в области менеджмента и маркетинга, информационное сопровождение реализуемых инновационных ИТ-проектов; 2А — описание инновационных ИТ-предложений; 2Б — заказы на научно-

исследовательские разработки в ИТ-сфере, информация о конкретных запросах в области ИТ-инноваций со стороны потребителей, информация о возможности использования специализированных компьютерных классов для отладки сетевых программных продуктов, а также некоторых видов лицензионного программного обеспечения; 3А — уточняющие запросы, пакеты документов, необходимые для оформления заявок; 3Б — заявки на патентование инновационных разработок в ИТ-сфере; 4А — целевые показатели инновационного развития региона в сфере информационных технологий, нормативно-правовая база, статистическая информация о состоянии рынков инновационных товаров и услуг в ИТ-сфере; 4Б — статистические данные, стратегические и среднесрочные планы работы; 5А — результаты экспертиз, запрос дополнительной информации, проекты финансовых документов; 5Б — информация по инновационным проектам, заявки на финансирование; 6А — результаты экспертизы поданных заявок; 6Б — заявки на участие в федеральных инновационных программах.

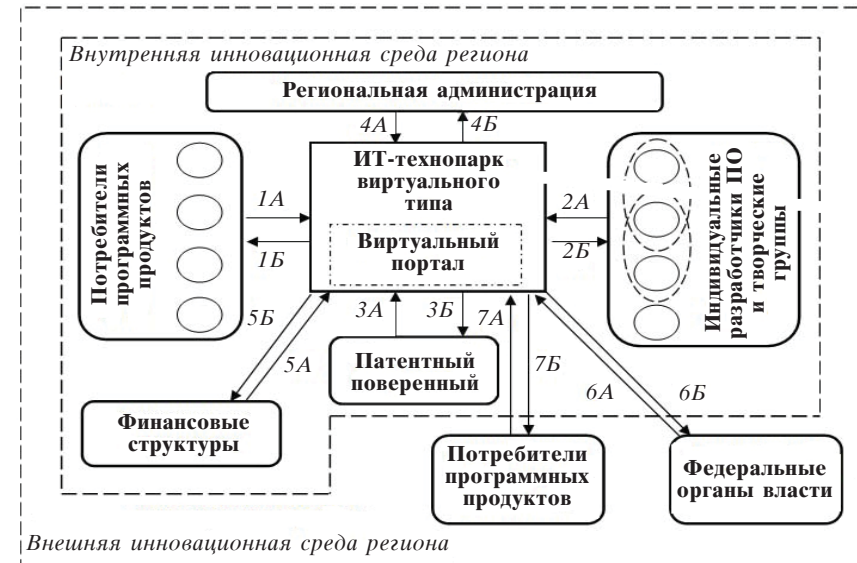

Рисунок. Общая процедура организации взаимодействия субъектов инновационной среды региона на базе ИТ-технопарка виртуального типа

Как представляется, в процессе создания ИТ-технопарка виртуального типа полностью не исключается возможность прямого информационного взаимодействия между участниками инновационного процесса. Создание ИТ-технопарка виртуального типа может вызвать системный эффект вследствие активизации инновационных процессов в различных сферах экономики региона, поскольку его работа будет способствовать сокращению оттока наиболее инновационно-активных квалифицированных специалистов и в целом позволит рационально использовать инновационный потенциал региона в ИТ-сфере. Наибольший эффект создание ИТ-технопарка виртуального типа обеспечит в регионах, характеризующихся существенными распределенными инновационными ресурсами в ИТ-сфере.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ См.: Дли М.И., Михалев Д.Ф., Ермолин А.И. Математическая модель для распределения работ между малыми предприятиями при реализации крупных ИТ-проектов // Интеграл. 2009. № 1. С. 48—50.

Поступила 12.07.10.

С. А. ЩАНКИН Д. А. КОЛОСКОВ

ПЕРСПЕКТИВЫ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ ПРЕОДОЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Ключевые слова: финансовый кризис, инновационное развитие, технопарк, венчурный фонд, инновационный потенциал региона

Key words: financial crisis, innovative development, technopark, venture fund, innovative potential of the region

Мировой финансовый кризис доказал неспособность важных сегментов мировой экономики, сформированных согласно либеральной модели хозяйствования к эффективному функционированию механизма распределения и использования имеющихся в мире ресурсов. Рост потребностей мирового хозяйства в новых технологических продуктах, не создаваемых в устаревших технологических укладах, требует инновационного совершенствования производства и соответствующего обновления отношений собственности. В ходе финансового кризиса, вызванного потребностями формирования технологической и производственной основы

ЩАНКИН Сергей Алексеевич, доцент кафедры экономики управления строительством Мордовского государственного университета, кандидат экономических наук.

КОЛОСКОВ Дмитрий Александрович, доцент кафедры экономической теории Мордовского государственного университета, кандидат экономических наук.

будущего технологического уклада, определились болевые точки либеральных экономических систем, сформировавшихся в XIX—XX вв.

До последнего времени не были определены приоритетные направления становления будущего доминантного технологического уклада. За рубежом 2/3 инноваций финансируется частным капиталом, в РФ 4/5 проектов инвестируется государством. Российский бизнес объясняет это тем, что велики риски в реальной экономике, система страхования рисков не функционирует, кризис сказался на количестве инвесторов, существует пробел между фундаментальной наукой и производством. Необходима интеграция вузов страны с Российской академией наук для развития совместных научных исследований и подготовки квалифицированных кадров для реализации инновационных проектов.

Экономику РФ характеризует низкий уровень инновационного развития. Доля высокотехнологических отраслей экономики и «отраслей знаний» в ВВП страны составляет 10,5 %, а вклад инновационных факторов в годовой прирост ВВП — 1,3 %. Удельный вес предприятий, осуществляющих технологические инновации, составляет 9,3 % общего количества крупных и средних предприятий, а доля инновационной продукции — 2,5 %. Внутренние затраты на НИОКР составляют около 1 %, в то время как в промышленно развитых странах — 3 %. Мировой рынок российской наукоемкой продукции составляет менее 1 %, в то время как США — 40 %¹.

Имеет место значительная дифференциация регионов страны по уровню инновационного развития. Например, доля наукоемкой продукции, производимой инновационными предприятиями в Челябинской области, составляет 17,9 %, Нижегородской — 16,7 %, Брянской — 15,3 %, Вологодской — 11,9 %, в Москве — 7,7 %. В пятнадцати субъектах РФ этот показатель составляет 6 %, что превышает среднероссийский уровень. Однако в большинстве регионов РФ показатель инновационного развития значительно ниже, а в ряде регионов он близок к нулю. Регионы-лидеры, доминирующие на рынке инновационного продукта, способны стать проводниками инновационных технологий. Для этого необходимо формировать инфраструктуру инновационного обмена интеллектуальной собственностью. В РФ

инфраструктура трансферта инновационных технологий пока не отвечает современным требованиям.

Среди проблем, ограничивающих развитие инновационной сферы в стране, можно назвать низкий уровень патентной активности, низкую инновационную активность российских предприятий. Наблюдаются отсутствие инжиниринга, невозможность совмещения НИОКР и освоение инноваций, сокращение количества разработанных и освоенных технологий, усиление международной конкуренции, отсутствие механизма защиты интеллектуальной собственности.

Глобальный экономический кризис ограничил возможности инновационного развития экономики страны. Спад ВВП достиг 8 %, существенно выросла безработица. Кризис нанес ущерб и экономике Мордовии. Правительство РМ осуществило реструктуризацию образовавшейся задолженности: предприятиям была предоставлена отсрочка по налоговым платежам в бюджет РМ и необходимые кредиты. В Послании Главы РМ Государственному собранию РМ Н. И. Меркушкин отметил, что «экономический кризис с меньшими издержками, преодолевают те предприятия, которые активно внедряли в производство инновационные технологии»². В итоге снижение ВРП в 2009 г. составило лишь 4 %. В течение года в республике созданы 8,5 тыс. новых рабочих мест. Уровень безработицы составил 1,5 %, что значительно ниже российского показателя³. Реальная заработная плата осталась на прежнем уровне.

Международный опыт доказывает, что экономический кризис стимулирует инновационное развитие экономики страны. Например, развитие технопарков в кризисный период происходило во многих странах мира. Они стали эффективным механизмом выхода из кризисных ситуаций, способствовали экономическому процветанию регионов, обеспечивали тысячи новых рабочих мест в наиболее перспективных отраслях.

Важнейшим элементом инновационной системы страны является технопарк. Формируемый в РМ технопарк должен обеспечить трансферт идей и технологий в коммерческий продукт. Проект технопарка в Саранске — это своеобразный макет «города будущего». Юридически он «родился» 12 сентября 2008 г., когда В. В. Путин подписал соответствующее Распоряжение Правительства РФ⁴. Проект предполагает три зоны. Первая — деловая, с 20-этажным административным

корпусом, включающим в себя бизнес-инкубатор, научные и учебные лаборатории. Вторая — зона торгово-развлекательного комплекса с крытым катком, сетью кафе, многозальным комплексом. Третья — зона жилого массива с многоэтажными кварталами, 4-полосная автомобильная магистраль и 1—2 этажные коттеджи на набережной Инсара. Технопарк будет расположен на 125 га бывшей федеральной земли, находящейся в выгодном положении: недалеко от центра города, в районе, примыкающем к Ремзаводу и р. Инсар.

Проект будет реализовываться в два этапа. На первом предполагается использовать государственные инвестиции в размере 3 млрд руб. (по 1,5 млрд руб. будет выделено из федерального и региональных бюджетов в ближайшие два года), которые будут направлены на создание инфраструктуры, а также на строительство бизнес-инкубатора и административно-технического здания. На втором этапе планируется привлечь крупных российских и иностранных инвесторов⁵. Завершение строительства технопарка планируется в 2014 г.

Структуры технопарка объединяют в рамках территории элементы инновационной системы, одновременно обеспечивая их сервисным приложением, способным эффективно содействовать становлению инновационной системы. Технопарк потенциально способен содействовать стратегическому инновационному развитию региона, его социально-экономическому благополучию. В настоящее время технопарки создаются с учетом научно-технологической и ресурсной специализации региона. Планируемой специализацией республиканского инновационного инфраструктурного образования являются силовая электроника, оптическая техника, энергосберегающая светотехника, наноматериалы и композитные изделия. Основной специализацией технопарка, отражающей экономику региона, безусловно, должны быть электронные и оптические технологии. В его работе примет активное участие ряд предприятий республики («Электровыпрямитель», «Орбита», «Лисма-ВНИИС» и др.).

В республике планируется создать технопарк, относящийся к группе научно-технологических парков. В его состав должны входить помещения для развития наукоемкого опытного производства, офисные площади, лаборатории и бизнес-инкубатор, а также дополнительные объекты, такие

как гостиничный комплекс, конгрессно-выставочный центр и др. Таким образом, формируемый объект должен обладать значительным набором услуг.

Правительство РМ предполагает формирование значительного сервисного центра, который должен обеспечить управление инновациями и предоставление бизнес-услуг. Сектор инновационных услуг представлен четырьмя элементами: бизнес-инкубатор, центр коллективного пользования технологиями, центр обучения, центр выставок и конференций.

Создаваемый в РМ технопарк, безусловно, будет содействовать становлению и развитию инновационной экономики региона. Формируемые в ведущих вузах республики и страны научные идеи и разработки должны быть интегрированы представителями инновационного бизнеса, функционирующего в регионе. Новый уровень развития экономики определит иной, более высокий уровень развития экономики региона. Последний способен стать региональным лидером в развитии и производстве оптической и электронной техники.

Основным научным центром технопарка должен стать Мордовский государственный университет. Он преобразован в вуз инновационного типа. В перспективе вуз способен готовить специалистов для технопарка. Важное место в деятельности технопарка должны занимать различные вузы республики и другие образовательные учреждения.

Таким образом, механизмом выхода из кризиса является активизация инвестиционно-инновационной деятельности в приоритетных направлениях. Одновременно осуществляется закладка основ будущих наукоемких кластеров, ориентированных на использование конкурентоспособных региональных факторов производства. Государство должно взять на себя ответственность за формирование и становление инновационной экономики России XXI в. Важнейшим элементом деятельности государства должна быть *инновационная промышленная политика*.

Региональным центром генерирования инновационной активности способен стать инновационный кластер. Он представляет объединение основных, принципиальных новаций, сконцентрированных на определенной территории. Так, на базе Телевизионного завода и НИИ дальней радиосвязи совместно с концерном «РТИ-Системы» будет создан региональный научно-технологический кластер по созданию высоколиквидных наукоемких продуктов и спецтехники.

Совместными усилиями кабельных предприятий и научно-исследовательских центров может быть создан инновационный кабельный кластер. Зарубежный опыт показывает, что многие университеты, преобразуясь в крупные научно-инновационные центры, смогли вовлечь в свою деятельность промышленные, исследовательские и торговые фирмы, объединив интересы разнообразных партнеров. Например, Оксфордский университет в Великобритании, являясь вузом с числом студентов всего в 17 тыс. студентов, сотрудничает с 300 наукоемкими фирмами. Годовой доход этого учебно-инновационного комплекса составляет 5 млрд долл.

Значительные возможности открываются перед Мордовским государственным университетом. Перспективными должны стать республиканские научные школы прикладной науки, кафедра материаловедения, отделение Института радиотехники и электроники им. В. А. Котельникова Академии наук. Мордовский университет должен содействовать созданию инновационной инфраструктуры коммерциализации научных разработок. Сегодня университет располагает значительным научным потенциалом, научно-прикладными разработками и, следовательно, способен создавать малые предприятия в научной сфере.

В республике активно функционирует целостная система инновационных инфраструктурных субъектов (Венчурный фонд РМ, Фонд содействия развитию венчурных инвестиций в малые предприятия, Фонд смешанных инвестиций, Инжиниринго-консалтинговый и Инновационно-технологический центры, Бизнес-инкубатор и Торгово-промышленная палата). Правительство РМ работает над созданием межрегионального наноцентра с одновременным созданием республиканского целевого бюджетного инвестиционного фонда. Полтора десятка инновационных заявок республика представила в РОСНАНОТЕХ. При сотрудничестве с РОСНАНОТЕХ можно значительно увеличить ВРП республики. В перспективе Мордовия войдет по удельному весу инновационной продукции в число ведущих регионов России.

Региональная инновационная система как эффективный механизм коммерциализации наукоемких технологий успешно создается в республике. Система способна продвигать университетские и институтские технологии в промышленность, осуществлять лицензирование, создавать малые

инновационные компании, консультировать по вопросам управления интеллектуальной собственностью, привлекать инвестиции, готовить профессиональные кадры, осуществлять специализированные фундаментальные и прикладные исследования в интересах ведущих отраслей республиканской промышленности, содействовать трансферу знаний и технологий в менее инновационно развитые регионы.

Главной целью создания инновационной системы в условиях формирования антикризисного управления является содействие экономическому развитию региона путем разработки механизмов, связывающих звенья цепочки трансферта, и повышению результативности инновационных проектов в условиях экономического кризиса. В условиях финансового и экономического кризиса в стране формирование инновационной экономики способно стать катализатором экономического развития, обеспечить переход России с сырьевого на высокотехнологичный уровень.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Черковец В. Инновационное воспроизводство как антикризисный ресурс // Экономист. 2009. № 6. С. 30—35.

² Послание Главы Республики Мордовия Государственному Собранию Республики Мордовия от 7 ноября 2009 года // Изв. Мордовии. 2009. 2 дек.

³ Афиша Саранска. URL: <http://www.foxrepublic.ru/vlastno/ekonomika/20080924-072343.html> (дата обращения: 12.03.2010).

⁴ Новости Кирова. URL: http://news.sport-kirov.ru/category-two/sub-category-2/id_6516 (дата обращения: 18.03.2010).

⁵ Послание Главы Республики Мордовия Государственному Собранию Республики Мордовия ...

Поступила 26.04.10.

О. В. КОЗИНА

**ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ
СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ
КОМПЕТЕНТНОСТИ
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ СРЕДНЕГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ В РЕГИОНЕ**

Ключевые слова: образование, социально-педагогическая компетентность, модернизация образования, преподаватель, самооценка, самоанализ, умения, квалификация

Key words: education, social and pedagogical competence, modernisation of education, teacher, self-evaluation, self-analysis, skills, qualification

На современном этапе развития общества на образование возлагается особая ответственность, поскольку в условиях информационного общества необходимы высококвалифицированные специалисты, а уровень интеллектуального развития общества становится стратегическим ресурсом.

В основополагающих государственных документах начала XXI в. инвестиции в образование и повышение качества человеческого капитала рассматриваются как важнейшее условие развития всех секторов российской экономики и социальной политики. Подчеркивается, что именно социальный заказ общества и государства будет определять направления развития и изменения системы образования России в первом десятилетии XXI в. Это предполагает модернизацию содержания и структуры профессионального образования в соответствии с требованиями основных отраслей промышленности, сферы услуг, культуры, армии, государственной службы и др.

В этом контексте глубокие изменения претерпевают принципы, структура и функции профессионального образования, повышается роль социально-педагогических ценностей, человеческого фактора в развитии различных сфер социаль-

КОЗИНА Ольга Васильевна, старший преподаватель кафедры педагогики Мордовского государственного университета.

ной практики, становлении государственно-общественного управления образованием. Развивающемуся обществу нужны современно образованные, нравственные, предприимчивые люди, способные самостоятельно принимать ответственные решения в ситуации выбора, быть мобильными, динамичными, конструктивными специалистами, обладать развитым чувством ответственности за судьбу страны. Чтобы реализовать эту цель, следует не только обновить содержание и технологии образования, но и подготовить преподавателя, способного решать эти сложные социально-педагогические задачи. Однако изучение результатов психолого-педагогических и социологических исследований¹ и анализ реальной педагогической практики показывают, что педагогическое сообщество не совсем готово к решению этих задач, ибо профессиональная компетентность современного педагога и его ментальность недостаточно соответствуют требованиям модернизации базового образования. Возникла необходимость в качественно иной подготовке педагога, позволяющей сочетать фундаментальность профессиональных базовых знаний с инновационностью мышления и практико-ориентированным, исследовательским подходом к разрешению конкретных образовательных проблем².

В рамках новых требований критерием качества профессиональной деятельности преподавателя становится профессиональная компетентность. Сосредоточенность образования на компетентностном подходе обусловлена особыми требованиями современного общества к преподавателю. Однако для российской образовательной системы компетентностный подход не является принципиально новым. Как и для большинства европейских стран, элементы этого подхода всегда были в России неотъемлемой частью системы управления качеством обучения и профессиональной подготовки кадров.

Профессиональная компетентность рассматривается, с одной стороны, в качестве интегрального критерия качества профессионального обучения и профессиональной деятельности, с другой — как свойство личности, для которой характерны высокое качество выполнения трудовых функций, культура труда и межличностных коммуникаций, умение инициативно и творчески решать профессиональные проблемы, а также готовность к принятию управленческих

решений, к адаптации в новых условиях деятельности. Компетентность в данной модели рассматривается как совокупность компетенций. Профессиональные компетенции рассматриваются как совокупность знаний, умений и навыков, которые непосредственно характеризуют специалиста в профессиональной области. Личностные компетенции характеризуют специалиста как личность (личностно-психологические характеристики — моральные, деловые и психологические качества, необходимые для занятия определенным видом деятельности; характеристики здоровья и физической подготовки; характеристики культурного развития). Представленная модель содержит разработанные кластеры компетенций — достижение результатов, работа с информацией, работа с людьми, личностное самосовершенствование, управление человеческими ресурсами, самоорганизация и др.³ По мнению В. Г. Онушкина и Е. И. Огарева, «компетентность — категория оценочная, она характеризует человека как субъекта специализированной деятельности, где развитие способностей человека дает ему возможность выполнять квалифицированную работу, принимать ответственные решения в проблемных ситуациях, планировать и совершенствовать действия, приводящие к рациональному и успешному достижению поставленных целей»⁴.

Социально-педагогическую компетентность преподавателя, на наш взгляд, можно определить как его способность к эффективной реализации в образовательной практике системы социально одобряемых ценностных установок и достижение наилучших педагогических результатов за счет профессионально-личностного саморазвития. В связи с этим необходимо отметить, что вопросы социально-педагогической подготовки в основном отражены в работах, касающихся специфики подготовки будущих специалистов социальной сферы. При этом вопросы формирования социально-педагогической компетентности преподавателя среднего профессионального образования (СПО) до сих пор остаются недостаточно изученными.

Решение этих вопросов сдерживается рядом противоречий: 1) между потребностью современного общества в педагогах, способных эффективно применять социально-педагогические технологии, и отсутствием теоретического обоснования и научно-методического обеспечения их подготовки к освоению

социально-педагогических технологий; 2) между пониманием необходимости формирования и развития социально-педагогической компетентности преподавателя СПО и недостаточным методическим оснащением этого процесса; 3) между очевидной недостаточностью социокультурной направленности деятельности преподавателя СПО в современных условиях и неразработанностью основ его социально-педагогической деятельности; 4) между обострением в обществе социальных проблем и недостаточной разработанностью педагогического обеспечения подготовки преподавателя СПО для применения социально-педагогических технологий в работе с учащимися среднего специального учебного заведения.

В условиях становления рыночной экономики в учебных заведениях начали осознавать, что развиваться в дальнейшем могут те из них, которые обеспечивают подготовку специалистов, способных участвовать в производстве продукции, конкурентоспособной на мировом рынке. Это, по мнению П. Н. Осипова, определило стратегическую задачу профессионального образования — обеспечение равноуровневого качества подготовки специалистов, соответствующих мировым стандартам. Конкурентоспособность специалиста стала сегодня основным требованием к его подготовке⁵. Это определяет и центральную задачу непрерывного профессионального образования — поэтапное повышение качества подготовки специалистов до мирового уровня.

Для выявления уровней развития социально-педагогической компетентности преподавателей СПО в феврале 2010 г. нами был проведен опрос преподавателей отделения среднего профессионального образования Института национальной культуры (СПО ИНК) Мордовского государственного университета. Преподавателям было предложено оценить свое отношение к профессии, дать самооценку сформированности умений педагога-мастера, осуществить самоанализ социально-педагогической компетентности.

В процессе организации и проведения исследования мы столкнулись с проблемами, главными из которых являются слабая методологическая база исследуемой тематики, отсутствие опыта и методики исследования социально-педагогической компетентности преподавателей СПО. Этим объясняется небольшой набор используемых тестов и опора на самоанализ преподавателей. Преподавательский состав

СПО ИНК небольшой, его основную часть составляют женщины (70 %), поэтому гендерный аспект остался вне поля нашего зрения.

Важно отметить, что основная масса опрошенных преподавателей не имеет ученой степени (80 %), причем лишь 26 % незащищенных преподавателей являются аспирантами или соискателями. Эти данные могут быть показателем недостаточной мотивационной направленности на повышение научной квалификации.

Поскольку профессиональная компетентность во многом зависит от отношения человека к этой профессии, то мы сочли необходимым предложить педагогам ответить на вопросы анкеты «Оценка отношения к профессии». Особого внимания здесь заслуживают оценка общественного значения труда педагога, отношение к социальной полезности собственной преподавательской деятельности, а также поиск возможностей для повышения эффективности своей педагогической деятельности. Общественное значение труда педагога в основном было оценено высоко (70 %), 30 % опрошенных оценили его «не низко, но и не высоко», причем зависимость от возраста, стажа и половой принадлежности не прослеживается.

Над социальной полезностью собственной преподавательской деятельности «достаточно часто» задумывается 71 % опрошенных, «очень часто» — 18 %. Здесь прослеживается некоторая закономерность: наибольшее значение этому вопросу придают преподаватели в возрасте 35—39 лет, имеющие стаж работы 10—15 лет. Этому вполне можно найти объяснение. Так называемое «профессиональное выгорание» наступает через 15 лет после начала профессиональной деятельности. В данном случае преподаватели еще не перешагнули этот порог, опыт накоплен большой, возраст — продуктивный. Отсюда заинтересованность и оптимизм в отношении к профессии.

Интересную закономерность удалось выявить в результате анализа ответов относительно поиска возможностей для повышения эффективности своей педагогической деятельности: «очень часто» это пытаются делать преподаватели (23,5 %), имеющие либо небольшой педагогический стаж (до 5 лет) в возрасте до 25 лет, либо стаж от 25 лет и более. Молодые преподаватели опыта не имеют, поэтому вынуждены

находиться в постоянном поиске новых форм и методов работы. Педагоги с солидным стажем благодаря опыту осознают значимость педагогического труда и понимают, что его эффективность зависит от постоянной работы над собой и поиска новых педагогических средств и возможностей. Следует отметить, что преподаватели, имеющие педагогический стаж до 5 лет в возрасте 25—30 лет, ответили, что «не редко, но и не часто» проявляют активность в поиске новых форм работы. «Достаточно часто» задумываются о повышении эффективности своей педагогической деятельности 53 % опрошенных.

Самооценка сформированности умений педагога-мастера осуществлялась по трем позициям: педагогическое проектирование, организаторские и коммуникативные умения и аналитические умения. Основная часть опрошенных преподавателей достаточно высоко оценила свои профессиональные умения. Лишь 12 % респондентов отметили у себя умения «ниже среднего» в педагогическом проектировании (умение проектировать и планировать развитие личных качеств ученика в соответствии с периодами учебного процесса, отбирать в соответствии с условиями деятельности наиболее важный материал, планировать деятельность учащихся), в сфере организаторских и коммуникативных умений (находить себе помощников и направлять их усилия на достижение поставленной цели), в аналитических умениях (анализ процесса формирования коллектива воспитанников). Проблемы подобного рода могут быть связаны не только с отсутствием опыта работы, но и со слабой психолого-педагогической (теоретической) и методической подготовкой преподавателя.

Представляет интерес тот факт, что некоторые из перечисленных «слабых» позиций у большинства преподавателей оценены как имеющие высокий уровень развития умения (отбор важного материала в соответствии с условиями деятельности). Среди организаторских и коммуникативных умений наивысшую оценку получили «умение формировать коллектив учащихся и организовывать его деятельность» и «умение подходить к учащемуся с верой в его лучшие качества».

Что касается аналитических умений, то именно эта позиция наиболее высоко оценена респондентами. Преподаватели высоко оценили свои умения анализировать собственную

работу, перестраивать свою деятельность в связи с изменившимися обстоятельствами. Однако анализ деятельности учащихся, процесса формирования коллектива воспитанников вызывает у опрошенных преподавателей некоторые трудности. Возможно, это объясняется несоответствием «понимания» необходимости постоянного развития и совершенствования имеющихся психолого-педагогических знаний и умений реальному положению дел.

В процессе самоанализа социально-педагогической компетентности преподаватели достаточно высоко («да») оценили свои профессиональные качества. «Способность к сочувствию, сопереживанию» отметили у себя 76 %, 65 % считают, что умеют применять психолого-педагогические знания на практике (что несколько противоречит данным предыдущей анкеты). Способность к самоанализу и стремление к самопознанию и самосовершенствованию отметили у себя 59 %. Также высоко (53 %) оценены «умение ориентироваться в сложных педагогических ситуациях», «наличие теоретических знаний по педагогике и психологии», «гибкость и умение налаживать отношения с учащимися, родителями и коллегами». Меньшая группа опрошенных дала еще более высокую оценку своим профессиональным качествам («да, в достаточной степени»). Этой категории преподавателей присущи «способность и готовность к научно-исследовательской работе» (47 %), стремление к творчеству (41 %), общительность (35 %). В слабой степени ориентируются в сложных педагогических ситуациях 6 % преподавателей. Отмечают у себя низкий уровень психолого-педагогических знаний 12 %, а 29 % считают, что у них слабо развита способность и готовность к научно-исследовательской работе. Мало используют в работе современные педагогические технологии 17,6 %.

Анализ результатов опроса позволяет сделать вывод о том, что преподавателям СПО ИНК присущ (в основном) средний (репродуктивный) уровень развития социально-педагогической компетентности, предполагающий наличие теоретических знаний, которые не всегда успешно применяются на практике. Низкий уровень в «чистом виде» не выявлен. Высокий (креативный) уровень проявляется в виде отдельных «элементов», однако не хватает целостности, нет единства теории и практики, не используются в необходимом объеме современные социально-педагогические

технологии. Педагоги не владеют в достаточной степени соответствующими знаниями и практическими навыками работы над собой, не имеют возможности использовать готовые психолого-педагогические комплексы по профессиональному саморазвитию, поскольку проблема развития социально-педагогической компетентности преподавателей СПО пока только обозначена и требует дальнейшего изучения.

Таким образом, если сравнить результаты, полученные в процессе опроса преподавателей СПО, можно отметить относительно *субъективный характер полученной информации*. С одной стороны, получается, что преподаватели больше способны к аналитической деятельности и испытывают некоторые проблемы в выстраивании отношений с учащимися в учебно-воспитательном процессе, с другой — они отметили у себя наличие таких качеств и характеристик, которые позволяют грамотно организовать педагогическое общение и добиваться успехов в педагогической практике. Наблюдается общая тенденция не только к противоречиям в самооценке педагогов, но и к ее завышению. Профессиональные амбиции, присущие большинству опрошенных преподавателей, лишь тогда могут быть полезны, когда педагог реально осознает необходимость постоянной работы над собой в личностном и профессиональном плане, когда будет стремиться к самоанализу и саморазвитию, а каждый достигнутый уровень станет ступенью к достижению следующего. Необходим дальнейший анализ этой проблемы, а также требуется создание соответствующих условий для развития социально-педагогической компетентности преподавателей СПО.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Реан А.А. Психология познания педагогом личности учащихся. М., 1990.

² См.: Анисимов П.Ф. Основные направления модернизации среднего профессионального образования на рубеже веков // Среднее профессиональное образование. 2000. № 8. С. 9.

³ См.: Реан А.А. Психология познания ... С. 34.

⁴ Онушкин В.Г., Огарев Е.И. Образование взрослых: междисциплинарный словарь терминологии. СПб.; Воронеж, 1995. С. 10.

⁵ См.: Осипов П.Н. Профессиональное развитие студента (социально-психологический аспект). Казань: РИЦ «Школа», 2002. 196 с.

О. В. ФОНОВА

ВНЕДРЕНИЕ ДВУХУРОВНЕВОЙ СХЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОГО БЮДЖЕТНОГО ФИНАНСИРОВАНИЯ НАЧАЛЬНОГО И СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Ключевые слова: профессиональное образование, нормативное подушевое финансирование, бюджетное финансирование, бюджетные ассигнования, фонд развития

Key words: professional education, normative per capita financing, budget financing, budget allocations, development fund

Современное состояние образования в России характеризуется недостаточностью бюджетных средств, выделяемых государством. В этих условиях все остальные проблемы, связанные с содержанием и качеством образования, доступностью качественного образования для различных слоев населения, более полным удовлетворением запросов учащихся, развитием связей с рынком труда и др., отодвигаются на второй, а то и на третий план. В условиях острого дефицита финансовых ресурсов в связи с экономическим кризисом такая расстановка приоритетов выглядит обоснованной. Кроме того, можно полагать, что большинство названных проблем возникло из-за недостаточного финансирования.

Недостаток финансирования в сфере образования целесообразно, на наш взгляд, рассматривать с трех позиций:

— недостаток средств, выделяемых из бюджета, как количественная характеристика проблемы финансирования образования, т. е. собственно недостаток средств;

— недостаточно эффективное (или недостаточно обоснованное) распределение бюджетных средств между уров-

ФОНОВА Оксана Викторовна, аспирант кафедры финансов и кредита Мордовского государственного университета.

нями образования и образовательными учреждениями как качественная характеристика проблемы финансирования образования;

— неэффективное использование полученных бюджетных средств образовательным учреждением как качественная характеристика проблемы финансирования образования.

Внутри системы образования тоже есть потери в силу ухода части средств из государственных учебных заведений в частные структуры из-за слабости и противоречивости нормативно-правовой базы образования, долгов государственных учебных заведений по коммунальным платежам и нечеткости методики их зачета государственными финансовыми органами, недостаточно эффективного распределения ресурсов государственного бюджета вследствие несовершенства структуры подготовки специалистов и предоставления образовательных услуг по ряду секторов образовательной сферы.

Это особенно актуально для Мордовии, которая не располагает богатыми природными и инвестиционными ресурсами, но имеет качественный человеческий потенциал, поэтому ей следует рассматривать финансирование образования как инвестиции в человеческий капитал. Первоочередное и определяющее значение при этом имеет профессиональное образование.

Проведенный анализ системы начального и среднего профессионального образования (НПО и СПО) республики показал, что их современная структура не в полной мере соответствует существующим и перспективным потребностям отечественной промышленности, сферы услуг, агропромышленного комплекса в квалифицированных кадрах среднего звена, рабочих и мастеров. В дополнение к этому в Мордовии, как и в других субъектах РФ, в сфере НПО и СПО существует проблема неэффективных расходов.

Оценка эффективности расходов консолидированных бюджетов республики за 2008—2009 гг. в сфере НПО и СПО, проведенная с учетом показателей оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ, описанных в Постановлении Правительства РФ от 15 апреля 2009 г. № 322¹, показала, что по итогам 2008 г. общий объем неэффективных расходов в сфере НПО и СПО составил около 96,21 млн руб., в 2009 г. — около 117,90 млн руб.

В частности, в 2008 г. объем неэффективных расходов в сфере НПО составил 52,51 млн руб., или 20,60 % от общего объема расходов на НПО; в сфере СПО — 43,70 млн руб., или 37,70 % от общего объема расходов на СПО. В 2009 г. объем неэффективных расходов в сфере НПО составил 64,50 млн руб., или 17,90 % от общего объема расходов на НПО; в сфере СПО — 53,40 млн руб., или 29,00 % от общего объема расходов на СПО. Таким образом, несмотря на увеличение неэффективных расходов на НПО и СПО, наблюдается снижение их доли в общем объеме расходов бюджета на НПО и СПО.

Неэффективные расходы республиканского бюджета связаны в основном с дисбалансом в структуре работающих и излишней численности кадров. Для сокращения объема неэффективных расходов в республике, начиная с 2007 г., проводится работа по оптимизации сети государственных учреждений начального и среднего профессионального образования. Так, за период с 2007 г. по сегодняшний день проведена реорганизация 18 государственных учреждений профессионального образования.

Для выхода из сложившейся ситуации необходимо обеспечить приближение содержания образования к современным потребностям рынка труда, повышение степени участия работодателей в организации образования, развитие социального партнерства с работодателями. Модернизация механизма государственного финансового обеспечения НПО и СПО должна проводиться с учетом мероприятий в области реформирования бюджетного процесса в Российской Федерации. Основные направления совершенствования экономических механизмов в сфере профессионального образования, на наш взгляд, должны заключаться во внедрении механизмов, способствующих развитию экономической самостоятельности образовательных организаций (учреждений) для повышения эффективности использования ресурсов, выделяемых на образование. В частности, нормативный метод финансирования образования оценивается более эффективным по сравнению со сметным финансированием.

С 1 сентября 2007 г. все общеобразовательные учреждения перешли на нормативное подушевое финансирование и новую систему оплаты труда. Они получили финансовую самостоятельность. Учитель стал получать заработную плату

в зависимости от результатов своей деятельности. В целом по республике обеспечен рост заработной платы учителей в среднем на 47 %². Согласно Программе развития образования Республики Мордовия на 2007—2010 гг., утвержденной Постановлением Правительства РМ от 27 февраля 2007 г. № 76³, в настоящее время ведется активная деятельность по разработке и внедрению новых механизмов нормативного подушевого финансирования учреждений НПО и СПО.

Необходимость внедрения механизма нормативного подушевого финансирования НПО и СПО в Мордовии определила ряд факторов: повышение эффективности расходования бюджетных средств, направляемых на профессиональное образование; повышение объективности в планировании финансовых ресурсов образовательных учреждений; повышение мотивации и создание условий развития собственной хозяйственной деятельности учебных заведений, а также предоставление дополнительных образовательных и иных услуг; заинтересованность в повышении качества деятельности, мотивированности населения в получении услуг данного учреждения и повышение конкурентных начал в деятельности учебных заведений.

При переходе к бюджетному финансированию образовательных учреждений НПО и СПО на основе базовых нормативов неизбежен риск сопротивления некоторых образовательных учреждений, поскольку при новых условиях финансирования возможно снижение объема финансирования для некоторых из них, так как в силу ряда причин фактические объемы финансирования иногда превышают средний отраслевой уровень.

На наш взгляд, основной недостаток предлагаемых в различных методиках нормативов финансирования федерального и регионального уровней состоит в том, что они рассчитываются с учетом сложившегося уровня бюджетных расходов на образование и их структуры и не учитывают общего объема расходов. Они предлагают ограничиться сложившимся объемом финансирования, всего лишь перераспределив его между образовательными учреждениями. Такой подход не направлен на повышение качества образовательной услуги путем увеличения финансовых потоков. По нашему мнению, все эти методики должны быть переориентированы на обновление и модернизацию учебно-материальной базы, что

будет способствовать успешному формированию экономики, основанной на знаниях.

Следующий возможный негативный аспект введения нормативного подушевого финансирования образования основан на ориентации на число обучающихся. В связи с тем, что расчет бюджетных ассигнований, выделяемых образовательному учреждению при новых условиях финансирования, определяется числом учащихся, увеличивается риск двух- и трехсменной работы учреждения, целью которой будет увеличение числа обучающихся, что негативно скажется на качестве образовательных услуг. Кроме того, в силу отсутствия в Мордовии института кадрового мониторинга потребностей отраслей народного хозяйства в определенных специалистах это может привести к возникновению структурных диспропорций в подготовке специалистов с начальным и средним профессиональным образованием.

По нашему мнению, при разработке норматива подушевого финансирования следует учитывать, что они должны выполнять не только функции обеспечения текущего финансирования, но и стимулировать образовательные учреждения выбирать определенную стратегию развития, а не выполнять чисто фискальную функцию, закрепляя негативные тенденции существующего кризисного экономического состояния системы образования. Государство должно экономически стимулировать образовательные учреждения к повышению качества предоставляемой образовательной услуги, т. е. нормативы подушевого финансирования должны выполнять еще стимулирующую и регулирующую функции.

Чтобы сохранить необходимый баланс между числом обучающихся и качеством предоставляемых образовательных услуг, мы предлагаем вводить расчет коэффициента предельной загрузки образовательного учреждения и коэффициента предельной нагрузки преподавательского состава в качестве обязательного условия получения бюджетных ассигнований. Совершенно очевидно, что единый норматив (федеральный и региональный) не может учесть все нюансы, которыми образовательные учреждения отличаются друг от друга и которые влияют на стоимость обучения в них. Предварительный расчет вышеуказанных коэффициентов позволит снизить риск необъективной оценки потребности в бюджетных ассигнованиях образовательных учреждений НПО и СПО различных направлений подготовки.

Мы предлагаем двухуровневую схему регионального бюджетного финансирования НПО и СПО на основе нормативного подушевого финансирования. Эта методика основана на условном разделении бюджетных источников финансовых ресурсов образовательных учреждений НПО и СПО на основную и дополнительную составляющие. При этом основное финансирование образовательного учреждения может производиться на основе норматива затрат на одного обучающегося. За основу норматива финансовых затрат на одного обучающегося следует условно учесть обязательный минимум, обеспечивающий бесперебойность образовательного процесса. В частности, это может быть фонд оплаты труда педагогических работников и коммунальные услуги, так как эти затраты имеют четкое методологическое описание. Кроме того, норматив финансовых затрат может определяться одинаково для учреждений НПО и СПО, так как они являются однотипными.

Дополнительное бюджетное финансирование учреждений НПО и СПО будет основываться на показателях эффективности деятельности конкретного учреждения. Соответственно, оно будет выступать как поощрение за высокие показатели, т. е. чем выше эффективность, тем значительнее сумма дополнительного бюджетного финансирования. Таким образом, появляется необходимость в так называемом «фонде поощрения (развития)» и интегральном коэффициенте деятельности. Фонд развития учреждений НПО и СПО будет определяться пропорционально основному финансированию с учетом возможностей бюджета.

Интегральный коэффициент деятельности рассчитывается на основании коэффициентов, отражающих эффективность деятельности учреждений НПО и СПО, а именно: коэффициента загрузки учреждения, коэффициента трудоустройства выпускников, коэффициента успеваемости учащихся в конкретном учреждении НПО и СПО.

Следует отметить, что при распределении бюджетных ассигнований по бюджетной классификации обязательная часть бюджетного финансирования будет являться предметом совместного ведения учреждения НПО и СПО и курирующего его органа власти, а дополнительная составляющая — только образовательного учреждения.

Предлагаемая методика имеет ряд достоинств: у образовательного учреждения появляется заинтересованность в

повышении эффективности своей деятельности; выдержан гарантированный минимум финансирования, поэтому данная методика не приносит ущерба образовательному процессу; у контролирующих органов появляется возможность оперативно принимать решения и по оптимизации сети учреждений НПО и СПО.

В то же время для достижения прозрачности нормативного бюджетного финансирования НПО и СПО предлагаем ввести несколько контрольных мер: конкурсная процедура бюджетного финансирования государственного заказа на обучение, воспитание и подготовку кадров; публичность отчетности администрации образовательного учреждения за полученные бюджетные средства перед госзаказчиком; документационное обеспечение финансовых потоков (смета, договор, калькуляция, кредитные карточки); компьютеризация контроля потоков обучающихся между образовательными учреждениями.

В результате внедрения этой методики можно достичь положительных результатов. Например, рациональное планирование необходимых объемов финансовых средств в региональном бюджете на реализацию государственных обязательств по предоставлению НПО и СПО; распределение бюджетных средств на основе прозрачной формулы и доведения их до автономного учреждения НПО и СПО; разграничение компетенций, полномочий и ответственности государственных и муниципальных органов управления за реализацию образовательных программ НПО и СПО; повышение обоснованности маневрирования регионально-муниципальными финансовыми ресурсами при реализации образовательных программ НПО и СПО для обеспечения доступности качественного профессионального образования; демонстрация реальных затрат на реализацию образовательной программы НПО и СПО для всех субъектов образовательной политики (правительство, работодатель, общество, домохозяйство); переход от финансирования «образовательных учреждений» к финансированию востребованных образовательных программ НПО и СПО, что будет стимулировать конкурентные отношения в профессиональном образовании между государственными и негосударственными учреждениями НПО и СПО за учащих; оптимизация региональной сети учреждений НПО и СПО; стимулирование

конкурентоспособности управленческого и педагогического персонала; повышение заинтересованности образовательных учреждений в рационализации структуры своих расходов и эффективном использовании финансовых ресурсов.

Для сокращения объема неэффективных расходов Министерству образования Республики Мордовия необходимо продолжить работу по установлению соответствия структуры и объемов подготовки специалистов и рабочих массовых профессий потребностям экономики республики и республиканского рынка труда, а также по повышению качества подготовки специалистов; по разработке и внедрению новых образовательных стандартов, технологий и программ, ориентированных на запросы работодателей, в НПО и СПО; по привлечению работодателей в организации подготовки специалистов в учреждениях НПО и СПО; по оптимизации кадрового состава образовательных учреждений.

В условиях финансового кризиса введение двухуровневой схемы регионального бюджетного финансирования НПО и СПО на основе нормативного подушевого финансирования обеспечит более высокую жизнеспособность образовательных учреждений, чем другие схемы привлечения финансовых ресурсов, а также позволит снизить долю неэффективных расходов республиканского бюджета.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 28 июня 2007 г. № 825 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации»: Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2009 г. № 322 // Интернет-версия системы «Гарант». URL: <http://iv2.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm> (дата обращения: 01.06.2010).

² См.: Послание Главы Республики Мордовия Государственному Собранию от 25 января 2008 года // Изв. Мордовии. 2010. 30 янв. № 13. С. 1—5.

³ См.: О программе развития образования Республики Мордовия на 2007—2010 годы: Постановление Правительства Республики Мордовия от 27 февраля 2007 г. № 76 // Изв. Мордовии. 2010. № 32-8. 5 марта. С. 7—12.

Поступила 30.06.10.

А. С. ДУДКИН

ПАРАМЕТРЫ И ИНДИКАТОРЫ ДОСТУПНОСТИ ПОЛУЧЕНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ-ИНВАЛИДОВ В РЕГИОНЕ¹

Ключевые слова: социальные показатели, инклюзивное образование, дети-инвалиды, образование, доступ к образованию, социальная квалиметрия, качество социальных услуг

Key words: social indices, inclusive education, children with limited opportunities, education, education availability, social qualimetry, social services quality

В Пензенской области, по данным на 1 января 2009 г., проживали 3 678 семей, воспитывающих 3 751 ребенка-инвалида в возрасте до 18 лет. Общедоступность образования этой обширной группы несовершеннолетних обеспечивается Законом РФ «Об образовании», а также Законом Пензенской области «Об образовании в Пензенской области». Эти и некоторые другие правовые акты определяют гарантии получения детьми-инвалидами образования в государственных образовательных учреждениях в пределах государственных образовательных стандартов.

Общие правовые нормы, содержащиеся в законах, необходимо постоянно, в соответствии с запросами общества, дополнять приложениями, подзаконными актами, рекомендациями и методиками на различных уровнях: федеральном, региональном и муниципальном. Эта цель имеет ряд основных направлений реализации. Одно из них выражается в задаче научного отражения специфики практического обеспечения реализации нормативных актов в отношении детей-инвалидов в области доступа к образованию.

Доступность является комплексным условием получения образования и определяется рядом параметров, име-

¹ ДУДКИН Артем Сергеевич, доцент кафедры социологии и социальной работы Пензенского государственного педагогического университета, кандидат философских наук.

ющих между собой социальные, правовые, экономические и межведомственные связи. Доступность получения общего, профессионального и дополнительного образования для детей-инвалидов можно измерить параметрами, каждый из которых содержит соответствующие индикаторы.

Комплекс индикаторов (показателей, маркеров) доступности образования для детей-инвалидов по содержанию и предназначению можно отнести к системе оценки факторов и качества социальных услуг. Поэтому теоретическая значимость выделения параметров доступности получения образования детьми-инвалидами обуславливается внесением новых предложений в социальную квалиметрию как науку об измерении качества социальных услуг и социальной работы в целом. Как отмечает Л. В. Топчий, показатели эффективности должны основываться на доступных в настоящий период данных. «Они должны быть понятны как сотрудникам организации, так и широкой общественности. Показатели эффективности могут быть действенным средством в том случае, когда их разработка осуществляется министерствами субъектов РФ и муниципалитетами совместно. Разработанные предварительные показатели должны проходить экспертизу и проверку в пилотных регионах»².

Пензенская область стала регионом, на примере которого мы исследовали содержание деятельности нескольких учреждений образования и ряда учреждений социального обслуживания, занимающихся нестационарной и стационарной реабилитацией детей-инвалидов. Исходя из требований, обозначенных Л. В. Топчим, разработка параметров доступности образования для детей-инвалидов велась с учетом мнений и требований пензенской общественности. С помощью анкетного и экспертного опросов мы исследовали мнения и отношения студентов, родителей детей-инвалидов, педагогов и специалистов по социальной работе относительно доступности образования как фактора реабилитации и предмета межведомственного взаимодействия различных служб.

Пилотное исследование показало высокую степень беспокойственности пензенцев проблемой такого образования. Большинство респондентов неудовлетворительно оценило доступность образовательных услуг пензенским детям-инвалидам и выразило пожелание дальнейшего совершенствования мер, направленных на решение этой проблемы.

Несмотря на то, что работа над показателями доступности еще продолжится (предстоит более детальная апробация, внедрение и нормативно-правовое оформление), практическая ценность классификации параметров и индикаторов уже налицо. Она продиктована необходимостью оценки эффективности реабилитационных и иных социальных мероприятий как в области образования, так и в сфере социальной защиты. Например, в рамках областной целевой программы «Дети Пензенской области» и ее подпрограммы «Семья с детьми инвалидами» с помощью параметров можно в будущем осуществить отраслевой мониторинг действенности потраченных средств.

Закон Пензенской области «О государственном управлении в системе общего образования Пензенской области» может быть дополнен приложением (поправкой) применительно к статьям № 5, 9, 10, 11 в отношении детей, попавших в трудную жизненную ситуацию. На федеральном уровне Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 4 августа 2008 г. № 379н «Об утверждении форм индивидуальной программы реабилитации инвалида, индивидуальной программы реабилитации ребенка-инвалида, выдаваемых федеральными государственными учреждениями медико-социальной экспертизы, порядка их разработки и реализации» с помощью предлагаемых параметров может быть дополнен схемой реализации приказа относительно порядка разработки и реализации индивидуальной программы реабилитации ребенка-инвалида в условиях и средствами образовательных учреждений.

Доступность получения общего, профессионального и дополнительного образования для детей-инвалидов мы предлагаем измерять тремя параметрами, каждый из которых содержит соответствующие индикаторы.

Первый параметр «Доступность физической (архитектурной) среды» включает такие индикаторы, как количество и качество физических барьеров (вход в здание, лестницы, ширина дверных проемов и др.); количество и качество средств и приспособлений, позволяющих устранять или преодолевать выявленные барьеры (свойства полотна пандуса, его ширина и уклон, оборудованность пандуса перилами, наличие промежуточных площадок для проезда инвалидной коляски при перепаде уровней более 0,8 м, мобильные и

стационарные подъемники и лифты, наличие рельефных, точечных и цветовых индикаторов для информирования слепых и слабовидящих учащихся об основных элементах жизнедеятельности в здании и др.); индивидуальный и общественный транспорт, необходимый для проезда к учебному заведению, оборудованность транспорта местами для инвалидов, подъемниками и другими необходимыми приспособлениями; приспособленность мебели и туалетов под ограниченные возможности учащихся.

Второй параметр «Доступность информации, средств и методов обучения, индивидуальных учебных планов» включает доступ к Интернету и телефону (в том числе для получения информации об условиях обучения, классах, факультетах и их программах, о преподаваемых дисциплинах и специальностях, не выходя из дома); возможность получения консультаций по вопросам получения образования по телефону, через Интернет или по почте; соответствие информационно-образовательных интернет-ресурсов ГОСТ Р 52872-2007 «Интернет-ресурсы. Требования доступности для инвалидов по зрению»; составление и использование индивидуальных учебных планов обучения в пределах федеральных государственных образовательных стандартов для детей с нарушениями слуха, зрения, интеллекта, а также с задержкой психического развития, с нарушениями опорно-двигательного аппарата, речи и другими логопедическими проблемами, с психоневрологическими заболеваниями и другими медицинскими проблемами, в том числе наличие индивидуальных учебных планов надомного обучения и дистанционного обучения, наличие и использование специальных средств обучения; доступ к аттестации в форме экстерната в аккредитованных образовательных учреждениях соответствующего типа (для детей, получивших образование в неаккредитованных образовательных учреждениях, в форме семейного образования и самообразования).

Третий параметр «Доступность социальной интеграции ребенка и его семьи» включает межведомственное взаимодействие учреждений образования, здравоохранения и социального обслуживания (в форме комиссий, экспертиз, мобильных бригад и т. д.) в обеспечении прав и интересов несовершеннолетних и их семей; качество профессиональной подготовки коллектива педагогов и сотрудников обра-

зовательного учреждения в области концепции независимой жизни инвалидов и основ инклюзивного образования детей-инвалидов (прохождение учебного курса); качество индивидуальной социально-педагогической подготовки семьи ребенка-инвалида в области концепции независимой жизни инвалидов и основ инклюзивного образования детей-инвалидов (прохождение учебного курса); регулярность освещения проблем и достижений образования детей-инвалидов в местных и центральных СМИ (количество репортажей и публикаций); количество местных сообществ (общин, объединений жителей) и негосударственных некоммерческих организаций, поддерживающих доступ к образованию детей, попавших в трудную жизненную ситуацию, и степень активности этих сообществ и организаций в оказании помощи и поддержки детям-инвалидам и их семьям.

В ходе обеспечения ребенку доступа к образованию каждый индикатор должен оцениваться индивидуально с учетом потребностей, интересов конкретного ребенка и особенностей его заболевания, дефекта. Список индикаторов при необходимости может быть дополнен специалистами с учетом условий конкретного учреждения и ребенка-инвалида.

Доступность получения образования детьми-инвалидами с точки зрения социальных служб является целью и условием, которые следует достигать и обеспечивать посредством оказания определенных социальных услуг семье ребенка-инвалида. Поэтому к системе параметров доступности получения общего, профессионального и дополнительного образования для детей-инвалидов уместно применение критериев оценки качества услуг (закреплены Национальным стандартом РФ ГОСТ Р 52142-2003 «Социальное обслуживание населения. Качество социальных услуг. Общие положения» (принят Постановлением Госстандарта РФ от 24 ноября 2003 г. № 326-ст)).

Таким образом, названные индикаторы позволяют с количественной и качественной точек зрения провести диагностику доступности получения общего, профессионального и дополнительного образования для детей-инвалидов. Комплексная оценка всей совокупности индикаторов позволит в дальнейшем по каждому из трех параметров наладить конкретное управленческое межведомственное взаимодействие между государственными (муниципальными) структурами,

имеющими непосредственное отношение к организации помощи детям, имеющим проблемы здоровья.

Представленная трехчленная шкала оценки доступности образования носит количественно-качественный характер и позволяет оценить индивидуальную социальную диагностику и адаптационные меры применительно к конкретному характеру физического отклонения и реальным потребностям ребенка-инвалида. Эти параметры включают количественные показатели, которые можно оценить. Это позволяет использовать группу параметров и индикаторов как квалитетрический инструмент не только для индивидуальной работы с отдельным образовательным учреждением, но и для работы со всей региональной системой учреждений образования и социальной защиты.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке федерального агентства по образованию в рамках АВЦП «Развитие научного потенциала высшей школы 2009—2010 гг.» (проект № 3.2.1/4976).

² Топчий Л.В. Социальная квалитетрия, оценка качества и стандартизация социальных услуг: учеб. пособие. М.: Изд-во РГСУ, 2009. С. 63.

Поступила 11.03.10.

Н. В. ПРОКАЗИНА

РАЗВИТИЕ МАССОВОГО УРОВНЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В РЕГИОНЕ

Ключевые слова: социологическая культура, массовый уровень социологической культуры, поверхностный уровень социологической культуры, регион

Key words: social culture, social culture mass level, superficial level of sociological culture, region

Одна из основных внутренних потребностей общества состоит в знании о самом себе, характере социальных изменений, переживаемых этим обществом¹. Реализация этой потребности связана с уровнем развития социологической культуры.

Можно выделить индивидуальный, групповой и массовый уровни социологической культуры. Особую роль в реализации потребностей общества в знании о самом себе играет массовый уровень социологической культуры. Для его изучения в регионе нами были проведены два исследования «Представления о социологических исследованиях в общественном мнении» (январь 2010 в г. Орле, n = 1 152) и «Общественное мнение об общественном мнении» (январь 2010 в г. Орле, n = 1 229).

Массовый уровень социологической культуры можно охарактеризовать как поверхностный. Это обусловлено тем, что его анализ может быть осуществлен с учетом отношения к социологии как науке о деятельности социологов и значимости / незначимости социологических исследований. Анализ интереса, уровня доверия и оценки целесообразности проведения социологических исследований респондентов позволил построить модель поверхностного уровня социологической культуры. В модели отчетливо прослеживаются три

ПРОКАЗИНА Наталья Васильевна, доцент кафедры социологии и психологии управления Орловской региональной академии государственной службы, кандидат социологических наук.

типа культуры: культура «позитивной заинтересованности», культура «отрицания», культура «сомнения».

Культура «позитивной заинтересованности» характеризуется наличием интереса к социологическим исследованиям (56,2 %). Женщины проявляют большую заинтересованность, чем мужчины (57,8 и 42,2 % соответственно). Оценка заинтересованности с позиции уровня образования показывает, что чем выше уровень образования, тем больше заинтересованность (11,7 % — с общим средним образованием, 10,7 % — с начальным профессиональным, 32,7 % — с средним профессиональным, 44,9 % — с высшим). Наибольшая заинтересованность в социологических исследованиях прослеживается у лиц старшего возраста (32,2 %), а заинтересованность молодежи можно охарактеризовать как низкую (18,3 %). В возрастной группе от 30 до 60 лет у каждого четвертого сформирован интерес к социологическим исследованиям. Из числа респондентов, у которых информация о социологических исследованиях вызывает интерес, большинство убеждено, что результаты исследований отражают реальные мнения граждан (47,8 % — частично отражают, 37,1 % — отражают).

Убежденность в целесообразности проведения социологических исследований доминирует у тех, кто ими интересуется. Следует отметить, что при наличии заинтересованности в социологических исследованиях и признании целесообразности их проведения у 50 % опрошенных лишь четвертая часть убеждена в том, что результаты исследования отражают реальные мнения граждан, и почти половина убеждена в том, что результаты их отражают лишь частично.

Можно выделить две причины этой ситуации. Первая связана с отрывочными, поверхностными знаниями, а также суждениями о социологических исследованиях. Социология ассоциируется как определенный фон других событий и явлений. В результате население воспринимает социологию однобоко: как инициатора и организатора массовых опросов общественного мнения (в основном в отношении электоральных предпочтений). Прослеживается позитивное отношение к социологическим исследованиям в целом со стороны населения, с одной стороны, и упрощенное отношение к социологии — с другой.

Вторая причина обусловлена тем, что при недостаточном уровне социологического знания индивиду сложно выйти за рамки восприятия действительности с точки зрения личного опыта. Поэтому может возникнуть ситуация неуверенности в достоверности результатов социологического исследования.

Культура «отрицания» характеризуется полным отсутствием интереса к социологическим исследованиям (36,4 %). Имеет место убежденность в том, что результаты опросов не отражают реальные мнения граждан (20,6 %), а опросы общественного мнения не нужны (19 %). У представителей этого типа культуры преобладает отсутствие интереса к информации о социологических исследованиях. Во всех возрастных группах опрошенных около четверти населения не заинтересовано в информации о них.

Необходимо отметить, что в группе незаинтересованных в социологических исследованиях признают их частичное отражение реальных мнений граждан 42,2 %, а 10,1 % указывают на полное совпадение. Таким образом, даже в группе с низким уровнем заинтересованности в социологических исследованиях преобладает уверенность в отражении результатами опросов реальных мнений граждан. В группе респондентов, убежденных, что результаты не отражают действительные мнения граждан, 40,5 %, несмотря на это, признают необходимость проведения социологических исследований. Но большинство (50,2 %) считает, что опросы не нужны. Следует подчеркнуть, что мнение относительно целесообразности проведения социологических исследований преобладает и у тех, у кого низкий уровень заинтересованности в социологической информации: 46,8 % признают необходимость проведения социологических исследований, 39,7 % ее отрицают.

Таким образом, для носителей культуры «отрицания» характерна некоторая открытость к социологическим исследованиям, частичное признание их достоверности и целесообразности.

Культура «сомнения» характеризуется отсутствием интереса к социологической информации. Преобладающим фактором в этом типе культуры выступает затруднение при оценке достоверности результатов социологических исследований. Этот тип культуры характерен для очень незначительной группы регионального населения.

Анализ массового уровня социологической культуры в регионе показывает, что преобладает культура «позитивной заинтересованности». Значительная часть населения не только убеждена в необходимости проведения опросов общественного мнения, но и интересуется их результатами и доверяет им.

Анализ ответов на вопрос о целях проведения социологических исследований показывает, что треть респондентов убеждена в том, что их цель — узнать мнение простых людей для его использования при решении наболевших проблем (30,7 %). Примечательно, что вторая группа видит цель в получении данных об общественном мнении по какой-либо проблеме (27 %). Из этого следует, что население заинтересовано в том, чтобы его мнение учитывалось при решении наболевших проблем, а социологические исследования являются одним из инструментов их разрешения. Однако лишь незначительная часть убеждена в том, что целью социологических исследований является предоставление информации представителям органов государственной власти, предпринимателям для повышения эффективности их деятельности (12,1 %).

Таким образом, социологические исследования оцениваются населением как инструмент изучения общественного мнения, но не осознаются и не воспринимаются как составляющая управленческой и предпринимательской деятельности. Следует отметить, что надежда у респондентов на то, что благодаря социологическим исследованиям можно будет найти способ решения сложившихся в обществе проблем, существует.

Третье место в иерархии целей социологических исследований опрошенные отвели теоретической составляющей: изучить особенности, структуру и проблемы общества с целью научного познания (13,8 %). Незначительное число опрошенных выделяет такие цели, как выполнение определенного заказа с целью заработка (6,5 %), использование информации для оказания влияния на людей (5,8 %), получение информации о личной жизни и имуществе для использования в корыстных целях (2,8 %). Это свидетельствует о том, что социология в глазах населения на региональном уровне себя не дискредитировала. Анализ ответов на вопрос о деятельности социологов свидетельствует о том, что

социологи занимаются преимущественно изучением общества (34 %), общественного мнения (22,2 %), проведением социологических исследований по актуальным проблемам общества (16,2 %).

Профессиональная деятельность социологов в массовом сознании не связывается с властными структурами. Деятельность социологов по сбору информации для органов государственной власти отметили 10,8 % опрошенных. Несмотря на то, что всплеск интереса к социологическим исследованиям приходится на электоральный период, только 6,9 % опрошенных считают, что социологи занимаются проведением исследований по изучению электорального поведения. Деятельность социологов в массовом сознании слабо ассоциируется с преподавательской деятельностью (5,2 %), коммерческими исследованиями (1,7 %).

Таким образом, можно отметить достаточно благожелательное отношение населения к социологам и их исследованиям. Полученные результаты свидетельствуют о том, что для массового уровня социологической культуры на региональном уровне характерны доверие к социологическим исследованиям, надежда на влияние результатов опросов общественного мнения на повышение качества жизни. Следовательно, основными задачами социологов, связанными с развитием массового уровня социологической культуры, являются расширение информационной поддержки, активизация их деятельности по взаимодействию с властными структурами для включения результатов исследования в процессы принятия управленческих решений.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ См.: Здравомыслов А.Г. К вопросу о культуре социологического мышления // Социс. 2008. № 5. С. 7.

Поступила 22.03.10.

А. М. НАГИМОВА

ПРОБЛЕМЫ ИЗМЕРЕНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА

Ключевые слова: качество жизни, уровень жизни, условия жизнедеятельности населения, интегральные индикаторы, система показателей, компоненты качества жизни, индикативный метод управления

Key words: life quality, level of life, conditions for life activity of population, integrative indicators, system of indices, life quality components, indicative management method

Качество жизни населения страны, региона представляет собой не только научную, но и социально-экономическую проблему. В связи с этим возникает проблема прикладных исследований качества жизни населения для принятия управленческих решений по обеспечению устойчивого развития социально-экономических систем и создания благоприятных условий жизни граждан. Качество жизни населения страны, региона определяется множеством различных компонентов социально-экономической жизни. Показатели, измеряющие качество жизни, в наиболее полном объеме должны отражать реальные условия жизни граждан, т. е. они должны быть интегральными. Они позволяют не только оценить реальное состояние экономического и социального развития региона, но и управлять ими наиболее эффективным способом.

При измерении качества жизни используются три подхода: объективный (статистический или количественный), субъективный (качественный) и комбинированный (смешанный).

Объективный, или количественный подход, является наиболее распространенным среди всех методик исследо-

НАГИМОВА Айсылу Мирзарифовна, доцент, ведущий научный сотрудник отдела качественных исследований Центра перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан, кандидат психологических наук.

вания. При использовании этой методики качество жизни измеряется через параметры объективных условий и процессов жизнедеятельности, выражающихся в абсолютных и относительных статистических показателях. Данный подход имеет ряд преимуществ. Во-первых, это дешевизна применения. Изучение и анализ статистических данных — вполне доступный и дешевый способ исследования. Во-вторых, это доступность материалов. Практически все статистические показатели легко добываемы в органах государственной статистики и не требуют материальных и физических затрат. В-третьих, это возможность сопоставления данных с данными других регионов и стран.

Существуют и недостатки такого подхода. При использовании объективного метода полностью исключается человеческий фактор. Вместе с тем качество жизни — это прежде всего удовлетворенность человека условиями своего существования и соответствие объективных условий жизнедеятельности субъективным потребностям индивида. Несмотря на указанный недостаток, государственные органы управления довольно часто прибегают к использованию этого подхода для ведения мониторинга качества жизни населения своего региона. Это позволяет, с одной стороны, изучить социально-экономическую ситуацию в регионе (стране) для принятия адекватных управленческих решений на уровне региона и государства, с другой — провести сравнение социально-экономического развития региона (страны) с ситуацией в других регионах (странах). Если методика ООН по изучению индекса развития человеческого потенциала (ИЧРП) уже давно апробирована и используется в течение нескольких десятилетий, то в Российской Федерации отсутствует единая утвержденная и апробированная методика исследования. Кроме того, отсутствует нормативно установленная номенклатура показателей качества жизни и критериев их оценки как на уровне России, так и субъектов Федерации.

Второй подход заключается в изучении удовлетворенности населения основными составляющими качества жизни социологическими методами. Этот подход позволяет изучить мнение населения об условиях его существования, степени удовлетворенности уровнем жизни, полнотой и качеством потребляемых товаров и услуг. Качество жизни индивида

зависит от множества факторов: экономического благополучия, безопасности существования, условий психического и культурного развития личности, условий самосовершенствования личности. Потребности личности в каждом конкретном случае индивидуальны, и степень их удовлетворения также индивидуальна. Изучение мнения населения об удовлетворенности основными составляющими качества жизни методами массовых социологических опросов позволяет учитывать мнение людей разных социальных слоев, с разными доходами, уровнем образования и возраста. Кроме того, в отличие от статистических данных реальные оценки людей о состоянии качества жизни отражают не только уровень их потребления материальных, культурных и иных благ, но и степень их удовлетворенности качеством, полнотой и своевременностью предоставления этих благ. Несмотря на то, что этот метод имеет столь значительные преимущества, нельзя не отметить его некоторые недостатки. Во-первых, он является достаточно затратным. Обычно при проведении социологических исследований качества жизни населения используется метод анкетного опроса, и в зависимости от объемов генеральной совокупности опрашивается от нескольких сот до нескольких тысяч человек. Организация подобного рода полевых исследований требует значительных денежных и физических затрат. Во-вторых, организация исследования требует специальной подготовки не только организаторов исследования, но и всех исполнителей. В-третьих, несмотря на то, что данный метод позволяет довольно точно определить «температуру» социально-экономического самочувствия социума, однако он не может дать оценку реальных затрат на удовлетворение потребностей общества.

Третий подход включает в себя достоинства первых двух описанных выше подходов. Его суть заключается в использовании количественных (статистических) и качественных (добытых методами социологического опроса) данных.

При проведении исследования качества жизни населения региона нами был выбран комбинированный подход. Рассматривая материальное благосостояние населения, необходимо отметить, что социально-экономическая ситуация в стране, регионе выступает одним из важнейших его показателей. Республика Татарстан позиционируется как регион, имеющий довольно высокие темпы развития. Основными конкурент-

ными преимуществами Татарстана являются благоприятное экономико-географическое положение, развитая минерально-сырьевая база, высокий научно-технический и промышленный потенциал, высокий уровень развития человеческого капитала, развитая социальная инфраструктура, а также межнациональное и межконфессиональное согласие среди народов, населяющих республику. Об этом свидетельствует ряд фактов, определяющих позицию республики среди регионов РФ и ПФО. По объему промышленного производства в 2009 г. Республика Татарстан заняла 5-е место среди субъектов РФ, а по ПФО — 1-е, по объему выполненных работ в строительстве — 6-е место в РФ (1-е место в ПФО), по строительству жилья — 5-е место (2-е место в ПФО), по обороту розничной торговли в РФ — 9-е место (2-е место в ПФО)¹. Показательной является и динамика ВРП за последнее пятилетие: с 482,8 млрд руб. в 2005 г. объем ВРП вырос до 878,0 млрд руб. в 2009 г., хотя это несколько меньше показателя 2008 г. — 933,5 млрд руб.

Некоторое сокращение объема ВРП является результатом неблагоприятных экономических условий, связанных с глобальным финансовым кризисом. Однако антикризисные меры, предпринятые Правительством РТ, позволили сохранить основные показатели качества жизни населения, способствовали снижению социальной напряженности и привели к относительно быстрому восстановлению экономики. Такая ситуация адекватно отразилась на общественном мнении.

Нами проводилось социологическое исследование «Удовлетворенность основными составляющими качества жизни населения Республики Татарстан» в 2005, 2007, 2008 и 2009 гг. во всех административных районах республики. Объем выборочной совокупности составил 2 185 чел., что позволяет утверждать о высокой степени надежности полученных данных. Исследование проводилось с соблюдением методики, разработанной нами в 2005 г.

Так, согласно результатам исследований, по сравнению с предыдущими годами несколько уменьшилась доля респондентов, оценивающих социально-экономическую ситуацию как хорошую. Например, в 2008 г. более трети населения, участвовавшего в опросе (35,0 %), дали хорошую оценку социально-экономической ситуации, в 2007 г. доля таковых составила 29,3 %. Несмотря на то, что за последний год

в оценках населения больше стало пессимистических настроений, это все же выше показателя 2005 г., когда лишь 15,9 % опрошенных дали хорошую оценку.

Экономический спад и глобальный финансовый кризис отразились и на благосостоянии семьи, ее материальном положении. Финансовые трудности, испытываемые предприятиями и учреждениями в этот период, привели к экономической нестабильности и возникновению у населения чувства неуверенности в материальном благополучии. Именно так оценили материальное положение своей семьи более четверти населения (27,8 %). Они считают, что за прошедший год материальное положение их семей ухудшилось. Следует отметить, что доля респондентов, указавших на ухудшение материального положения, увеличилась более чем в два раза по сравнению с 2008 г. (12,2 %) и стала заметно больше показателей предыдущих лет (в 2007 г. — 13,2 %, в 2005 г. — 19,5 %). Почти вдвое сократилась доля считающих, что за прошедший год материальное благосостояние их семьи улучшилось, — 9,5 % (в 2008 г. — 19,4 %).

Стоимостная величина прожиточного минимума на душу населения в Республике Татарстан в 2009 г. составила 4 112 руб. в месяц и увеличилась по сравнению с аналогичным периодом 2008 г. на 9,3 % при росте потребительских цен на товары и услуги на 9,9 %². Плановмерно проводимая Правительством РФ политика по поддержке социально незащищенных слоев населения путем повышения размеров пенсий, пособий и иных социальных трансфертов, оказания адресной социальной помощи малоимущим привела к сохранению устойчивого материального положения этих категорий граждан. Это подтверждают статистические данные: среднедушевые денежные доходы населения в 2009 г. по сравнению с 2008 г. возросли на 8,9 % и составили 15 441,6 руб. При этом реальные денежные доходы снизились на 9,3 % и составили 99,3 %³. Данные статистики подтверждаются результатами нашего исследования. Так, по сравнению с 2008 г. доля тех, чьи доходы на одного человека больше прожиточного минимума, увеличилась на 10,9 % и составила 53,2 %. Это более чем в два раза больше показателей 2005 г. (24,8 %). Доля ответивших, что доходы на одного члена их семей меньше прожиточного минимума, сократилась по сравнению с 2008 г. на 6 % и составила 14,0 %.

Анализ результатов исследования позволяет утверждать, что доходы населения в денежном выражении устойчиво растут, несмотря на кризисные явления в экономике. Однако высокие темпы инфляции не способствуют росту реальных доходов населения. Экономическая нестабильность, вызванная глобальным финансовым кризисом, и развивающееся на этом фоне снижение реальных доходов населения приводят к ухудшению социального самочувствия граждан. Проведенные нами исследования констатируют некоторое снижение удовлетворенности населения основными компонентами качества жизни, особенно материальным положением семьи. По данным 2009 г., 41,8 % опрошенных выразили удовлетворенность материальным положением своей семьи, что несколько меньше показателей 2008 г. (44,7 %). Также следует отметить, что экономический кризис привел к росту неудовлетворенности материальным положением семьи — 43,4 % (в 2008 г. — 42,1 %).

Таким образом, проблема измерения и интерпретации качества жизни населения региона является сложным фактором, требующим комплексного подхода в анализе социально-экономических явлений. Проведенный анализ экономической ситуации и материального благополучия граждан убедительно доказывает, что статистические данные, хотя и отражают сущностные стороны социально-экономической жизни, однако не могут в полном объеме раскрыть специфику социального самочувствия граждан и, следовательно, не представляют адекватную картину состояния качества жизни населения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Социально-экономическое развитие Республики Татарстан в 2009 году. Казань, 2010. С. 5.

² Там же. С. 30.

³ Там же. С. 31.

Поступила 20.04.10.

А. Л. КУЗЕВАНОВА

ЦЕННОСТНЫЕ ПРИНЦИПЫ БИЗНЕС-ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕГИОНЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Ключевые слова: ценностная дифференциация, ценностные принципы, принципы полезности, самостоятельности, независимости и успешности

Key words: axiological differentiation, axiological principles, principle of practicality, self-sufficiency, independence and success

Изучение ценностных принципов бизнес-деятельности в Волгоградской области и их специфики осуществлялось нами на основе данных социологического исследования, проведенного нами же с применением метода анкетирования в январе—августе 2008 г. среди представителей бизнес-слоя г. Волгограда (N = 350, выборка — маршрутно-квотная по полу, возрасту, размеру бизнеса), а также на базе материалов глубинных интервью с 30 волгоградскими бизнесменами. Для сравнительного анализа были использованы данные, аналогичные по содержанию, выборке и методике проведения опросов представителей бизнес-сообщества г. Сочи и г. Москвы.

Спектр ценностных принципов бизнес-деятельности характеризует принцип полезности, являющийся отражением основного содержания этого вида экономической активности, в основе которого лежит направленность на получение результата, приносящего конкретную пользу, что в итоге удовлетворяет потребности и способствует реализации интересов субъекта бизнес-деятельности. Отвечая на вопрос о перспективах, которые открывает их профессиональная деятельность, 67 % участников опроса, проведенного в г. Волгограде, выбрали вариант «достижение конкретных целей». «В бизнесе все предельно просто: ставишь перед собой цели и прилагаешь все усилия, чтобы их достичь, — замечает

КУЗЕВАНОВА Ангелина Леонидовна, доцент кафедры экономики и управления Волгоградского института бизнеса, кандидат социологических наук (г. Волгоград).

владелец магазина бытовой техники (35 лет, 8 лет стажа в бизнесе). — *В итоге получаешь необходимый результат, приносишь пользу себе и людям... В нашем деле все строится по принципу „цель — результат — польза”... А как иначе? На том и стоим, так сказать». «Я всегда задаю себе вопрос „А насколько полезно для меня и моей компании то или иное мероприятие, акция, принятое решение?”*, — подчеркивает владелица магазина керамической плитки (49 лет, 20 лет в бизнесе). — *Без пользы, выгоды никуда... Бизнес — это не благотворительность. Это трезвый расчет, планирование... Либо ты действуешь по принятым в этом деле правилам, либо „вылетаешь” с рынка, остаешься ни с чем».*

Диапазон ценностей бизнес-деятельности представлен принципом самостоятельности и независимости. Именно самостоятельность в определении объема и содержания деятельности, по мнению 68 % опрошенных волгоградских бизнесменов, является одной из основных перспектив, открывающихся для тех, кто занимается бизнесом на профессиональной основе. *«Про меня можно сказать, что я женщина по имени „сама”, — считает владелица отдела по продаже тканей и фурнитуры (47 лет, 16 лет в бизнесе). — Чтобы начать бизнес, я продала квартиру, жила в съемной „двушке”... Я сама поднимала дело без каких-либо связей и друзей... Многие говорили, что у меня крыша поехала... Сейчас, слава Богу, все вошло в норму: есть квартира, развивается бизнес. Мне нравится, что я могу самостоятельно определять ассортимент закупок, налаживать контакты с поставщиками из Италии... Я работаю на дядю, ни от кого не завишу, полагаюсь только на себя. Даже немного горжусь этим».*

Для определения значимости принципа самостоятельности и независимости волгоградским бизнесменам было предложено оценить свои возможности в решении возникающих в процессе ведения бизнеса проблем. Большинство опрошенных (75 %) выразило уверенность в том, что поиск решения проблемных ситуаций, связанных с осуществлением бизнес-деятельности, является прерогативой самого бизнесмена, рассчитывающего исключительно на собственные силы. Анализ данных с учетом размера бизнеса показывает, что наиболее значим этот принцип для крупных бизнес-

менов: 89 % респондентов этой группы выбрали позицию, характеризующуюся ориентацией на проявление самостоятельности в деловой практике. По сравнению с малым и средним бизнесом среди субъектов крупномасштабной бизнес-деятельности в семь раз меньше тех, кто рассчитывает на государственную поддержку.

В процессе организации, осуществления и развития бизнес-деятельности бизнесмены придерживаются принципа успешности, благодаря реализации которого достигаются поставленные цели. 80 % респондентов считают, что именно нацеленность на успех способствует эффективному ведению дел в бизнесе. Отметим, что среди крупных бизнесменов процент тех, кто разделяет эту точку зрения, оказался максимальным (92 %). *«Надо верить в успех того, что ты делаешь», — комментирует свою позицию один из крупных волгоградских бизнесменов (43 года, 15 лет стажа бизнес-деятельности), — иначе твоя неуверенность перейдет к сотрудникам. В США установка на успех — первое правило в бизнесе. Меня такой пример вдохновляет. Как говорится, мысль материальна. Если ты уверен в успехе дела, то всегда сможешь добиться своего».*

Реализация принципа успешности предполагает наличие определенных представлений бизнесмена о характеристиках успеха в бизнесе. По данным нашего исследования, у большинства представителей волгоградского бизнеса успех ассоциируется с высокими личными доходами (72 %) и ростом масштаба бизнес-деятельности (70 %). В понимании основного содержания успеха в бизнесе обнаружилось определенные различия между московскими, сочинскими и волгоградскими бизнесменами. Позиции представителей бизнес-слоя г. Сочи и г. Волгограда в целом совпали и предусматривают рассмотрение в качестве атрибутов успешного бизнеса рост дохода и масштабов деятельности, уверенность в завтрашнем дне. *«Успех в бизнесе чувствуешь, когда доходы растут», — отмечает волгоградский владелец магазина хозяйственных товаров. — Вот, дай Бог, второй магазин открою в другом районе города. Это тоже показатель. А если я могу быть уверенным, что завтра мой бизнес не прикроют и что моя семья не останется без куска хлеба, то это тоже большой успех».* Столичные бизнесмены, согласившись с мнением представителей двух других

групп респондентов по первым двум позициям, на третье место по значимости поставили «деятельность, приносящую удовлетворение».

При анализе данных опроса волгоградских бизнесменов с учетом стажа работы в бизнесе выяснилось, что практически совпали позиции бизнесменов, занимающихся этим видом профессиональной деятельности 15—20 лет и более. Для участников опроса, принадлежащих к этим группам, главными основаниями успешной бизнес-деятельности являются хорошее финансовое и кадровое обеспечение организации, а также наличие доверительных отношений с партнерами и целевой аудиторией. Сходство взглядов при определении трех ключевых основ коммерческого успеха обнаружилось среди представителей бизнес-сообщества, чей профессиональный стаж составляет 10—14 и 5—9 лет: респонденты этих групп видят непосредственную связь между успешным бизнесом и хорошей финансовой базой, эффективным управлением, соответствующим кадровым потенциалом. В определенной степени специфичной оказалась позиция бизнесменов, организовавших свое дело менее 5 лет назад: в списке главных оснований успешного бизнеса они указали не только финансовую базу и эффективный менеджмент, но и использование инновационного подхода. *«Без новшеств в торговле сегодня не обойтись, — отмечает владелец автосалона (36 лет, 4 года в бизнесе). — Конкуренция настолько велика, что только успевай вертеться. Чувствую, что ослабевают наши позиции на рынке, сразу устраиваю с сотрудниками мозговой штурм, напрягаю пиар-отдел, менеджеров. По-моему, так японцы делают, нам в институте об этом на лекциях говорили. Придумываем новые рекламные ходы, новые виды услуг, новые варианты выгодных предложений клиентам. Застой, отсутствие новых идей — это прямая дорога к банкротству».*

Важным для нашего исследования было и выявление основного содержания ценностных принципов, которых придерживаются волгоградские бизнесмены в отношении сотрудников своих организаций. Как отмечалось выше, 65 % участников опроса выразили уверенность в том, что хороший кадровый потенциал является основой их успешной бизнес-деятельности. Материалы глубинных интервью подтвердили результаты массового опроса. Осознание значимости роли

персонала в деле успешного развития бизнеса стимулирует бизнесменов к соблюдению этических норм во взаимодействии с наемными работниками. Большинство опрошенных бизнесменов заявило о своем стремлении придерживаться принципов уважительного отношения к сотрудникам и их правам, содействия развитию и личностному росту кадров, справедливости в материальном и моральном стимулировании работников. *«У нас сотрудники получают весь оклад в „белом” виде, отпуск им гарантирован, — утверждает владелец гипермаркета (45 лет, 16 лет в бизнесе). — Хороший, здоровый сотрудник лучше, чем плохой и больной. Ежегодно проводим акцию „Бросай курить”. Работник пишет заявление, и если в течение 2 месяцев он не курит, то получает к зарплате бонус — три тысячи рублей. Раз в месяц чествуем именинников. Если есть благодарности от покупателей, то дарим подарки, премируем. Все по справедливости. Я стараюсь всем по возможности уделить внимание. С кем встречаюсь, то с тем за руку здороваюсь. Вижу, что на людей это оказывает влияние».* *«Я про сотрудников все знаю, — рассуждает владелица магазина строительных материалов (37 лет, 7 лет стажа в бизнесе). — У кого какие проблемы дома, у кого здоровье подкачало. Пытаюсь войти в положение. Если я к своим людям отношусь с уважением, то и они с отдачей работают. Но считаю, что и справедливость должна быть как в наказаниях, так и в поощрениях. Прогулял рабочий день — получи штраф, больше нормы заказов оформил — получил премию».*

Анализ материалов глубинных интервью показывает, что большинство волгоградских бизнесменов строит свои взаимоотношения с клиентами, опираясь на принцип максимально лояльного к ним отношения. В числе основных оказались следующие приоритеты: соблюдение требований потребителей в процессе торговли, стремление к высокому уровню обслуживания клиентов, уважение их человеческого достоинства и нацеленность на компромисс в разрешении конфликтных ситуаций. В основе такой линии поведения лежат не столько альтруистические мотивы, а сколько прагматические соображения, связанные с осознанием значимости позитивного отношения покупателей для процветания бизнеса. *«Мы предлагаем нашим покупателям лучшие*

цены и широкий ассортимент товаров, — подчеркивает владелица супермаркета (38 лет, 11 лет в бизнесе). — Если покупатель доволен, то продажи растут, наши дела идут в гору. Хотим, чтобы люди жили лучше, богаче, сохраняя свои деньги. Я сама давно в торговле, и меня всегда обижает сложившийся стереотип, согласно которому торговля — дело нечестное. Я вместе со своим коллективом хочу доказать обратное».

Для изучения этических принципов бизнес-деятельности участникам исследования в г. Волгограде был задан ряд вопросов, один из которых был связан с выявлением позиции опрашиваемых по поводу действий, идущих в разрез с правовыми и этическими нормами, принятыми в обществе. Результаты опроса свидетельствуют о том, что в деловой практике 74 % респондентов имели место случаи уклонения от уплаты налогов, каждый второй бизнесмен подкупал должностных лиц, каждый третий в интересах дела предоставлял партнерам ложную информацию. Анализ данных с учетом размера бизнеса показал, что представители как мелкого и среднего, так и крупного бизнеса в большинстве своем не платят налоги в полном объеме. 57 и 62 % занятых в малом и среднем бизнесе давали взятки государственным чиновникам, несколько меньше таких оказалось в группе крупных бизнесменов (44 %). Вводили в заблуждение своих партнеров по бизнесу 45 % представителей мелкого бизнеса и 36 % тех, масштаб бизнес-деятельности которых является крупным. В деловой практике каждого пятого мелкого бизнесмена имела место подделка документов, среди занятых в крупном бизнесе таких оказалось почти в два раза меньше (11 %).

Как показывает анализ полученной информации, фактор половой принадлежности оказывает значительное влияние на формирование этических принципов бизнес-деятельности. Если 90 % мужчин признали, что уклонялись от уплаты налогов, то среди женщин число сторонников такой позиции оказалось на 30 % меньше. Если 79 % бизнесменов мужского пола поощряли взяточничество чиновников, то среди женщин, занимающихся бизнесом, такую линию поведения выбрали 47 % опрошенных.

Для выяснения основного содержания этических принципов бизнес-деятельности в волгоградском регионе участни-

кам опроса было предложено выступить в роли экспертов и ответить на вопрос о том, возможно ли в нынешних условиях заниматься бизнесом, не нарушая правовых и этических норм, не имея связей с преступной средой. 76 % респондентов признали, что профессиональная деятельность бизнесменов не обходится сегодня без нарушения норм права. 47 % опрошенных уверены, что невозможно вести дела в бизнесе, не подкупая должностных лиц. В числе негативных обстоятельств, сопровождающих деятельность представителя бизнес-сообщества, 30 % участников опроса указали нарушения правил этики бизнеса. *«Бизнес делается ради прибыли, — считает один из волгоградских бизнесменов (42 года, 12 лет стажа в бизнесе). — А какая может быть прибыль, если будешь все налоги платить? И как на лапу не дать, если тебе какая-нибудь бумажка нужна, разрешение или справка? Не дашь — „промаринуют“, устроят проверки. Иной раз и обманываем ради дела. Знаю, плохо это, нечестно. Я вообще верующий человек. Но хочешь жить — умей вертеться».*

В отношении нарушения правовых норм мнения представителей малого, среднего и крупного бизнеса совпали: в каждой группе более 70 % опрошенных согласились с приведенным в анкете утверждением. Каждый второй мелкий и средний бизнесмен не видит альтернативы такому способу решения проблем в бизнесе, как подкуп чиновников. Среди крупных бизнесменов, разделяющих такую точку зрения, оказалось несколько меньше — 40 %. Существенная разница в процентных показателях обнаружилась при сравнении ответов занятых в малом и крупном бизнесе по вопросу о нарушении правил этики и возможности связей с криминалом: в группе респондентов, масштаб деятельности которых является крупным, в два раза меньше тех, кто считает невозможным ведение дел в бизнесе без нарушения закона и вступления в контакт с криминальным миром.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать некоторые выводы. Как показывают данные, диапазон ценностных принципов бизнес-деятельности в волгоградском регионе характеризуется реализацией принципов полезности, самостоятельности, независимости, успешности. Анализ материалов глубинных интервью показывает, что взаимодействие с деловыми партнерами основывается на соблюдении

принципа взаимопользовности, что большинство волгоградских бизнесменов строит свои взаимоотношения с клиентами, опираясь на принцип максимально лояльного к ним отношения. В основе выбранной бизнесменами модели поведения по отношению к персоналу и клиентам лежит не столько альтруистическая, сколько прагматическая мотивация, связанная с осознанием значимости роли кадрового потенциала и позитивного отношения покупателей для процветания бизнеса. Результаты нашего исследования свидетельствуют о том, что этические принципы бизнес-деятельности далеки от высоких стандартов: в деловой практике большинства опрошенных имели место случаи уклонения от уплаты налогов, каждый второй бизнесмен подкупал должностных лиц, каждый третий в интересах дела предоставлял партнерам ложную информацию. В ходе формирования и реализации ценностных принципов бизнес-деятельности в волгоградском регионе наблюдается процесс ценностной дифференциации, обусловленный влиянием факторов, связанных с масштабом профессиональной деятельности бизнесмена, его половой принадлежностью, стажем работы в сфере бизнеса.

Поступила 22.07.10.

В. П. БАБИНЦЕВ

Т. И. МОРОЗОВА

САМООРГАНИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖИ В ОБЩЕСТВЕ РИСКА КАК ПРОБЛЕМА СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕФЛЕКСИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ¹

Ключевые слова: молодежь, самоорганизация, общество риска, социокультурная рефлексия, межличностные отношения, субкультура, ценности, ценностная ориентация

Key words: youth, self-organisation, risk society, socio-cultural reflection, interpersonal relations, sub-culture, valuables, axiological orientation

Вывод о том, что радикальные изменения в современном российском обществе особенно глубоко затронули молодежь, стал в последнее время общим местом в социологии и вряд ли нуждается в дополнительном обосновании. Однако характер уже свершившихся и продолжающих осуществляться перемен в статусе этой социальной группы требует всестороннего анализа и интерпретации с учетом новейших эмпирических данных и концепций, разработанных в рамках западной и российской общественно-политической мысли.

БАБИНЦЕВ Валентин Павлович, заведующий кафедрой социальных технологий Белгородского государственного университета, доктор философских наук, профессор.

МОРОЗОВА Татьяна Ивановна, доцент кафедры социальных технологий Белгородского государственного университета, кандидат социологических наук.

Мы предлагаем свой взгляд на то, как и в какой мере социальная модернизация оказала влияние на самоорганизацию молодежи, в основном опираясь на данные социологических исследований, проведенных Центром социальных технологий Белгородского государственного университета в 2006—2008 гг. в Белгородской области.

В 2006 г. было проведено исследование «Социальное аутсайдерство молодежи в Белгородской области: причины, механизмы и социальные следствия». Сбор информации осуществлялся методом анкетного опроса молодежи (N = 499 респондентов). В 2008 г. проведено исследование «Самоорганизация и атомизация молодежи как противоположные формы социокультурной рефлексии». Сбор информации осуществлялся методом анкетного опроса молодежи (N = 700). Кроме того, был проведен опрос экспертов (N = 31), направленный на анализ мнений специалистов сферы молодежной политики, ученых о доминирующих в молодежной среде практиках адаптации к социальной среде, о наиболее существенных доминантах общественного сознания молодежи. Самоорганизацию мы рассматриваем как одну из важнейших характеристик молодежного сознания и поведения. В широком значении самоорганизация молодежи представляет собой процесс упорядочивания внутренних и внешних связей молодежи как особой социально-демографической группы, ее отдельных подструктур и личностей под влиянием изменений молодежной среды и социального окружения. Самоорганизация проявляется как многоуровневый и многовекторный процесс, который допустимо разделить на несколько составляющих.

Во-первых, она проявляется как формирование системы связей между молодежью и различными социальными институтами (в условиях России — в первую очередь между молодежью и государством). Это направление самоорганизации позволяет молодежи обрести статус субъектности. Отметим в связи с этим, что под социальной субъектностью в отечественной социологии понимается «способность общества, социальных групп, человека выступать в качестве активного начала (деятеля, творца) социальной реальности. Эта активность проявляется в воспроизводстве и обновлении общественных отношений, в социальном конструировании и проектировании реальности, включая ее ценностно-норматив-

ную сферу, в различных формах социальной деятельности. Она находит отражение и закрепляется различными формами социальной идентификации»². Во-вторых, самоорганизация выражается в упорядочивании межличностных отношений между молодыми людьми, которые носят по преимуществу неформальный характер. В-третьих, в качестве отдельного направления самоорганизации целесообразно выделить процедуры создания молодежных объединений формального и неформального типов. В-четвертых, самоорганизация проявляется как саморегулирование личности конкретного молодого человека, упорядочивание его диспозиции, определение жизненной стратегии. Последнее направление, возможно, является наиболее важным, поскольку именно на диспозиционном уровне формируются основные интенции личности, проявляющиеся впоследствии в его действиях. Самоорганизационные процессы определяют динамику молодежной среды, трансформируя ее в постоянно развивающуюся структуру — субъект взаимодействия с социальной средой и социальными институтами.

Таким образом, самоорганизация молодежи представляет собой крайне сложное явление, которое, по нашему мнению, не может быть адекватно понято вне проблемы социокультурной рефлексии, выступающей как процесс осмысления молодым индивидом, группами молодежи и молодежью в целом социальной реальности в процессе накопления жизненного опыта. Однако анализ этого аспекта проблемы требует некоторых предварительных замечаний.

Для общества постмодерна, в которое, несомненно, вступает (добровольно или вынужденно) Россия, типично особое отношение к рефлексивности. Во-первых, потребность в рефлексивности становится универсальной и, как отмечает М. С. Арчер, «впервые в человеческой истории рефлексивный императив и, кроме того, распространяется на принципиально новые реалии: жизненно важные структуры обретают транснациональное расположение, а культурная система расширяет рефлексивные возможности, посредством перехода от разнообразия до стимулирования еще большего разнообразия»³. Во-вторых, рефлексия принимает разнообразные формы, часто весьма удивительным образом сочетающие в себе элементы традиционных культурных форм с весьма причудливыми образованиями, не-

редко отражающими болезненные состояния человеческой психики. В-третьих, современная рефлексивность все чаще институционализируется в виде альтернативных субкультур, которые сосуществуют и взаимодействуют, несмотря на порой взаимоисключающие целевые установки, принципы организации и ожидания участников.

Таким образом, проблема рефлексии крайне актуальна. Особенно она усиливается в обществе риска, типичного для современной России. Общество риска представляет собой социум, в котором разрушены устойчивые связи и отношения, а «воспроизводство жизненных средств (условий жизни), физических и духовных сил человека приобретает не социально направленный, а преимущественно случайный характер, вытесняясь производством самого риска»⁴. В таком обществе способность к рефлексивному поведению становится необходимым (хотя и не достаточным) условием минимизации риска. Поскольку именно молодежь относится к числу групп, страдающих от повышенной неопределенности (в частности, из-за того, что она обладает сравнительно меньшим количеством устойчивых связей, сложившихся форм взаимодействия), рефлексивное восприятие реальности необходимо ей в первую очередь.

Однако остается открытым вопрос о том, в какой мере рефлексия характерна для большинства молодых людей. Мы полагаем, что сложившаяся в молодежной среде ситуация характеризуется более или менее ясно выраженным противоречием между объективной потребностью в восприятии мира и неспособностью к адекватной оценке самого себя, окружения и социальных контрагентов. Безусловно, это утверждение относится далеко не ко всем молодым людям. Более того, для части молодежи, особенно для той, которая принадлежит к сравнительно высокообразованным когортам, рефлексия все же характерна. При этом мы считаем возможным определить доминирующую в этой среде форму рефлексии как социокультурную. Она представляет собой присущие молодым людям формы и способы критической оценки окружающей действительности и самооценки, базирующиеся на специфической интерпретации традиционных и современных ценностей и смыслов, воплощающиеся в комплексе взглядов, образов, мифов и символов, используемых для адаптации к сложившемуся социокультурному пространству или, что значительно реже, для его модификации.

В данном случае саморефлексия является вполне естественной защитной реакцией на социальную нестабильность, попыткой в меру имеющихся возможностей сконструировать собственную модель социокультурного пространства путем приватизации его отдельных составляющих. Подобная рефлексия становится типичной для молодежных субкультур. При этом представители субкультур обычно приватизируют символы, мифы, территорию, средства модификации физического и духовного состояния человека (наркотики, некоторые виды музыкальной культуры, какие-либо специфические практики), даже сверстников. Рефлексивные практики в данном случае используются для моделирования эксклюзивной, замкнутой на сравнительно небольшую группу молодых людей псевдореальности. В результате складывается весьма любопытная ситуация: рефлексия, задачей которой, казалось бы, должна быть рационализация социальной среды и внутреннего мира человека, выступает основанием для имитации действительности.

Если прежде рефлексивность обычно понималась как свойство отдельной личности, то современная действительность требует расширенной интерпретации этого явления. Рефлексия приобретает коллективный (групповой) характер, проявляясь либо в качестве соглашательства (конформизма, оппортунизма), либо в виде стихийного протеста.

В настоящее время в молодежной среде преобладает первая форма, но ее преобладание не означает доминирования конформистского и коллективистского рефлексирования в будущем. Рефлексия, проявляющаяся как примирение с реальностью, характерна для относительно благополучных периодов, своего рода «тучных лет», к числу которых можно отнести последние годы новейшей российской истории. Но, скорее всего, в кризисных условиях произойдет радикальная смена доминирующей формы рефлексии. Она все более будет выражаться в виде индивидуального протеста, в отдельных случаях — экстремизма.

Подобная модификация будет стимулироваться когнитивно-ценностным диссонансом, проявившимся в молодежном сознании уже в 1990-е гг. Суть этого явления заключается в существенном расхождении, во-первых, между ценностями большинства молодых людей и ориентирами, предлагаемыми нестабильным обществом в качестве универсальных норм поведения, и, во-вторых, в несовпадении ценностей, при-

рода которых имеет не только рациональный, но и эмоциональный характер, и рационально фундированных целей. Формирование когнитивно-ценностного диссонанса является одним из наглядных проявлений «рождения уникального явления — парадоксального человека» — процесса, который, очевидно, наиболее полно описан Ж. Т. Тощенко⁵.

Как и любое противоречие, данный диссонанс имеет некоторые позитивные следствия, выступая потенциальным источником саморазвития личности. Однако подобная потенциальная возможность, к сожалению, довольно редко реализуется на практике, поскольку необходимым условием конструктивного разрешения противоречия является наличие у личности воли к самосовершенствованию и хотя бы минимальной способности к саморегуляции. В реальной жизни воли и способности к саморегуляции обычно не хватает, и естественным результатом диссонанса становятся различные формы социальной дезадаптации.

Молодежная саморефлексия содержит ярко выраженный элемент игры. Игра все чаще становится для молодежи наиболее притягательным и доступным видом духовного пространства, в котором реализуются рефлексивные практики. При этом существенно изменяется игровое поведение, что максимально упрощает процесс взаимной адаптации игровой деятельности и рефлексивного поведения. Развивается играизация — удобный и признаваемый референтной средой стиль повседневного рефлексирования. Ее предпочтение определяется тем, что «играизация есть деятельность, лишенная прямой практической целесообразности, в ней все осуществляется „понарошку“». Игра, напротив, прагматична, что проявляется в следовании узко прагматическим интересам, соображениям выигрыша, выгоды, пользы⁶.

Играизация позволяет молодым людям имитировать рефлексивность, одновременно удовлетворяя потребность в самооценке, не выходя за рамки социально одобряемых форм поведения. Компенсирующая функция играизации, не до конца осознаваемая большинством молодежи, учитывается представителями различных общественно-политических сил, стимулирующих создание квазиигровых молодежных объединений. При этом для различных целевых групп в молодежной среде предлагаются свои специфические «игры». В зависимости от специфики личностных диспозиций объекта

воздействия они могут принимать различный характер. Но во всех случаях «взрослые» игры для молодежи реализуются в условиях достаточно жесткого контроля за участниками, трансформирующего формальные молодежные структуры в так называемые «рыбные садки» — места фильтрации будущей элиты (или контрэлиты).

Саморефлексия как способ приватизации социокультурного пространства связана с тем, что практикующие ее молодые люди конструируют особый мир ценностей и смыслов, который обычно возводится к какой-либо матрице. В неформальных структурах она чаще всего представлена феноменами массовой культуры (шоу-бизнес, литература, социальная мифология); в формальных организациях — идеологией, репрезентируемой политическим лидером; в автономных моделях поведения — мифами, ориентированными на мистику, религию, паранауку. Общим для этих матриц является то, что они являются «праксеоориентированными», максимально упрощенными (примитивизированными) и приспособленными для утилитарного использования. Все это делает подобные матрицы временными, подчиняющимися закономерностям формирования и эволюции моды.

Играизация во многом является «асимметричным» ответом молодежи на системную имитацию реальности, которая становится все более характерной для публичной жизни в России.

Особенности рефлексивных практик современной молодежи в российских регионах определяют специфические черты всех форм ее самоорганизации. В частности, это довольно отчетливо проявляется во взаимодействии молодежи практически со всеми социальными институтами, особенно с государством. Взаимодействие с ним основывается на, казалось бы, несовместимых позициях. Молодые люди констатируют довольно высокий уровень собственной социальной адаптации. Так, в ходе исследования «Самоорганизация и атомизация молодежи как противоположные формы социокультурной рефлексии» большинство респондентов (80,6 %) заявило, что оно полностью или в основном удовлетворено жизнью. Противоположное мнение высказывают только 14,57 % участников опроса. Только меньшая часть региональной молодежи критически относится к обществу. По данным исследования 2008 г., более четверти респон-

дентов (28,86 %) не удовлетворяет общество, в котором они живут. Но о том, что удовлетворяет, заявляет почти половина опрошенных (45,43 %). Довольно большая часть респондентов не смогла ответить на данный вопрос, что, по нашему мнению, не свидетельствует в пользу одобрения сложившегося социума.

Примечательно, что претензии молодежи к социуму носят преимущественно «экзистенциальный характер». К числу основных «раздражающих» их в современном обществе факторов молодые люди относят «отсутствие справедливости» (18,7 %), «резкое деление на богатых и бедных» (18,7 %), «нестабильность, отсутствие уверенности в будущем» (17,3 %). Довольно многих (15,0 %) не устраивает «правовой беспредел».

Однако нельзя не заметить, что подобные претензии высказывает меньшинство опрошенных. Казалось бы, удовлетворенное ситуацией большинство должно позитивно воспринимать общественные институты, но в действительности исследования фиксируют низкий уровень доверия к государственным органам, должностным лицам и общественным формированиям. Ведущим институтом, которому доверяет относительное большинство респондентов, является Президент Российской Федерации (29,1 %), на втором месте по уровню доверия находится церковь (11,4 %), затем следуют губернатор Белгородской области (8,1 %), суд, прокуратура (6,7 %), глава администрации муниципального образования, на территории которого проживает молодой человек (6,6 %), молодежные организации (5,3 %), средства массовой информации (4,0 %), органы безопасности (3,9 %), Государственная Дума (3,1 %), областная дума (2,9 %), милиция (2,6 %), профсоюзы (1,6 %), политические партии (1,4 %).

Однако состояние недоверия и даже отчужденности от социальных институтов не побуждает молодых людей к осмысленным действиям по преобразованию не удовлетворяющих их социальных структур. Протест молодежи в данном случае носит неосознанный характер, эмоционально окрашенное восприятие социальных институтов доминирует над рефлексивными формами отношения к ним.

Существенно, что отчуждение от социальных институтов не трансформируется у большей части молодежи в неприятие референтной среды. Исследование показывает,

что молодым людям свойственно относиться к окружающим с дружелюбием. Это чувство чаще всего испытывают 65,9 % респондентов. Остальные чувства, в том числе и негативные, регистрируются значительно реже: равнодушные — 15,3 %, сочувствие — 4,4 %, враждебность — 1,9 %, зависть — 0,6 %.

Полученные данные позволяют, на наш взгляд, утверждать, что самоорганизационные процессы в молодежной среде наиболее успешно протекают на микроуровне. По мере движения «вверх» по ступеням социальной иерархии они становятся все более проблематичными. С одной стороны, это, безусловно, связано с неприятием значительной частью молодых людей общественно-политических реалий. В основе неприятия их молодежью обычно лежит не столько ощущение собственного аутсайдерства, рассматриваемого в его социально-экономическом измерении (бедность, неравный доступ к ресурсам), сколько отрицание утверждаемых и тиражируемых государством и другими социальными институтами социокультурных моделей. С другой стороны, заметное отчуждение от общественно-политической жизни, связанное с нежеланием и нередко с неспособностью участвовать в ней, определяется ограниченностью рефлексивных практик. Преобладание эмоционального отношения к действительности еще позволяет конструировать сравнительно комфортную микросреду, хотя и на этом уровне молодые люди сталкиваются со значительными проблемами. Но на макроуровне эмоционального восприятия реальности недостаточно. Здесь максимально востребована рациональная рефлексия. Однако навыки подобной рефлексии у молодых людей чаще всего отсутствуют.

Одним из следствий этого является низкая готовность молодых людей к созданию объединений. Исследование «Самоорганизация и атомизация молодежи как противоположные формы социокультурной рефлексии» показало, что формирование молодежных организаций, движений не рассматривается молодыми людьми как эффективный способ защиты молодежью своих прав, реализации интересов. Из перечня предложенных вариантов его выбрали лишь 12,6 % опрошенных. Традиционные формы гражданского участия, информирования власти об интересах молодежи пользуются еще меньшей поддержкой: участие в политических парти-

ях — 5,3 %, обращение в органы государственной власти — 5,9 %, обращение в средства массовой информации — 7,3 %. 15,14 % респондентов были более категоричны, ответив, что не видят таких способов. Но большая часть респондентов (39,7 %) назвала в качестве наиболее эффективного способа индивидуальную активность, использование своих личных и семейных ресурсов.

Молодежь довольно хорошо информирована о деятельности ряда молодежных организаций. Но при этом поддержка их идеологии, целей среди молодежи выражена крайне слабо. Максимальная доля респондентов, считающих, что организация выражает их интересы (8,6 %), относится к «Молодой гвардии» партии «Единая Россия». На втором месте по уровню поддержки стоит движение «Наши» (4,4 %). Характерно, что на третьем месте находятся 4,0 % сочувствующих — движение с националистическими, близкими к экстремистским лозунгами «Движение против нелегальной иммиграции». Всем остальным организациям сочувствуют не более 3 % молодых людей.

Во многом низкий уровень поддержки молодежных организаций самой молодежью объясняется распространенным среди молодых людей мнением о том, что их деятельность никак не соотносится с действительными интересами молодежи. Это мнение является следствием несамостоятельности, высокой степени «управляемости» большинства так называемых «молодежных объединений». Но мы полагаем, что в значительной степени данное обстоятельство обусловлено и своеобразием молодежной саморефлексии. Рефлексивные практики все более индивидуализируются и даже «атомизируются».

При этом «атомизация» молодежи представляет собой следующий шаг по пути, ведущему в направлении от коллективизма и внутригрупповой солидарности к индивидуализму и эгоцентризму. Под «атомизацией» следует понимать сосредоточенность сознания молодого человека на узко эгоистические, максимально упрощенные интересы, акцент в жизнедеятельности на утилитарные стереотипные практики и, как следствие, сведение межличностных контактов к чисто формальным взаимоотношениям и связям. Существует возможность считать «атомизацию» всего лишь одним из проявлений индивидуализации молодежи. Одна-

ко, по нашему мнению, эти понятия не вполне совпадают. Индивидуализация во многих случаях не препятствует, а часто способствует развитию личности, проявлению ее разнообразных способностей. «Атомизация» в качестве необходимой предпосылки предполагает упрощение, примитивизацию поведенческих реакций. Сознание и поведение молодых людей отныне становится не просто утилитарно-практическим, если использовать терминологию эпохи современных информационно-компьютерных технологий, отформатированным по одному образцу.

Рефлексия, выраженная в форме «атомизации», предполагает построение индивидуальной модели социокультурного пространства путем его своеобразного «свертывания». Обычно такая стратегия реализуется вследствие гиперболизации конфликта с окружением, его переноса на социум в целом. При этом конфликт, который может иметь различные источники, приобретает в сознании субъекта ценностно-ролевой характер и, как следствие этого, ярко выраженную тенденцию к эскалации. Но во многих случаях «атомизация» является результатом завышенной самооценки собственных возможностей, не сопровождаемая при этом негативным отношением к окружающим.

«Атомизированная» рефлексией модель сознания и поведения молодежи, как это ни странно, более или менее непротиворечиво соотносится с существованием формализованных структур, обычно выступающих в виде молодежных организаций (самостоятельных или движущихся в фарватере «взрослых» политических партий), молодежных движений. Культурная рефлексия в данном случае укладывается в рамки заранее определенной схемы, фактически навязанной извне и обычно подкрепленной значительными ресурсами. Однако для части молодежи такой вариант рефлексивного поведения оказывается наиболее приемлемым, поскольку разрешает довольно сложную проблему интеллектуального поиска адекватного образа и стиля жизни. Таким образом, снимается необходимость инновационного действия и решения, которые, по-видимому, для большинства молодежи не являются значимыми как в ценностном, так и в дескриптивном плане. Сложность проблемы рефлексии определяется тем, что, испытывая некую потребность к самооценке и самоанализу, многие молодые люди не способны само-

стоятельно и рационально реализовать ее в силу низкого уровня образования и общего развития. Общественно-политизированные модели рефлексии в данном случае оказываются незаменимыми для представителей этой категории молодежи. В основе таких моделей обычно лежат вера в лидера, нивелирование индивидуальной ответственности, идеологизация и прагматический расчет.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ и Правительства Белгородской области № 08-03-55309 а/Ц.

² Ковалева А.И., Луков В.А. Социология молодежи: теоретические вопросы. М.: Социум, 1999. С. 150.

³ Цит. по: Кравченко С.А. К итогам VII конференции Европейской социологической ассоциации: тематические, теоретические и методологические новации // Социс. 2008. № 2. С. 4—9.

⁴ Зубок Ю., Чупров В. Социальная регуляция в условиях неопределенности. М., 2008. С. 49.

⁵ См.: Тощенко Ж.Т. Фантомы общественного сознания и поведения // Социол. исслед. 2004. № 12. С. 4.

⁶ Социология молодежи. Энцикл. словарь. М., 2008. С. 139.

Поступила 01.06.09.

А. А. ЗИНИН

РЕСУРСНЫЕ СТРАТЕГИИ И ПРИТЯЗАНИЯ МОЛОДЕЖИ РЕГИОНА

Ключевые слова: ресурсы, ресурсные стратегии, жизненные стратегии, ресурсные притязания, ценностные ориентации, жизненный успех, стратегии поведения, уровень жизни

Key words: resources, resource strategies, life strategies, resource ambitions, axiological orientations, life success, behaviour strategies, level of life

В результате трансформации российского общества радикальным образом изменились социокультурные условия жизни людей. Прежде всего преобразовались институциональная и социально-групповая структуры, сформировались новые политические и экономические институты, углубилось социальное неравенство, появились новые социальные группы. Социальные изменения в значительной степени затрагивают поколение молодых людей, перед которыми стоит проблема жизненного самоопределения. От того, каким образом решает эту задачу российская молодежь, зависит настоящее и будущее российского общества.

Сегодня наиболее определяющим в социуме стали не профессиональные качества, моральные или ценностные установки, а уровень благосостояния, статус человека в обществе, многочисленные «нужные» связи, правильная протекция и т. д. Все это предопределило изменение «ресурсных стратегий» молодежи, которые обуславливают собой совокупность действий (линия поведения), направленных на осуществление поставленных целей, используя при этом определенный ресурс. В зависимости от материального положения, ценностных установок, традиций в семье, «связей» и т. п. молодому человеку открываются различные

ЗИНИН Александр Алексеевич, научный сотрудник отдела — социопарк «Регионология» Научного центра социально-экономического мониторинга Республики Мордовия.

стратегии поведения, с помощью которых он может либо добиться впечатляющего успеха, либо всю жизнь посвятить монотонной работе без перспектив профессионального и карьерного роста.

В январе 2010 г. нами был проведен социологический опрос «Ресурсные стратегии молодежи в региональном социуме». Он проводился среди старшеклассников и студентов ссузов и вузов. Объем выборочной совокупности составил 576 чел. Среди них 384 чел. — студенты, 192 чел. — старшеклассники. Основные гипотезы исследования заключались в том, что, во-первых, несмотря на существование определенной специфики в процессе реализации ресурсных стратегий старшеклассников, имеются отличительные особенности их реализации; во-вторых, студенты ссузов и вузов по-разному реализуют свои ресурсные стратегии, которые существенно отличаются от притязаний старшеклассников.

В процессе анализа полученных данных, на наш взгляд, первая гипотеза подтвердилась. У старшеклассников существуют различия в реализации ресурсных стратегий с учетом материального положения их родителей. Двумерное распределение по среднедушевому доходу на одного члена семьи при ответе на вопрос «Какая сумма необходима Вам для достойного уровня жизни в месяц?» показало, что в семьях, в которых уровень дохода ниже прожиточного минимума, ниже и ресурсные притязания детей (вариант «До 5 000 руб.» указали 29,5 % школьников). В то же время с ростом среднедушевого дохода растет и потребность в материальном достатке, что, вероятно, обусловлено установками старшеклассников на достижение максимально возможных целей (табл. 1).

В связи с этим примечательно распределение ответов на этот же вопрос у студентов. Здесь тоже наблюдается увеличение ресурсных притязаний с ростом благосостояния семьи. Показательным в этом плане является распределение по первому варианту ответа: в каждом столбце его величина неизменно снижается (табл. 2).

Такая тенденция, по нашему мнению, обусловлена процессом социализации молодого человека, который заканчивается именно в вузе (ссузе). В этих учебных заведениях у молодежи формируется свое представление о жизни, появляется возможность самореализации. Однако у этого

процесса есть и обратная сторона. Как правило, у студентов преобладает стремление к максимализму, их амбиции бывают слишком завышенными. Поскольку вопрос «Какая сумма необходима Вам для достойного уровня жизни в месяц?» был открытым, то при обработке данных мы неоднократно сталкивались с вариантами в 500 тыс. руб., 1 млн. руб., что также характеризует максимализм материальных притязаний студенчества, а также подтверждает вторую гипотезу о различиях в ресурсных притязаниях между студентами и старшеклассниками.

Таблица 1

Ответ на вопрос «Какая сумма необходима Вам для достойного уровня жизни в месяц?» (среди старшеклассников), %

Вариант ответа	Среднедушевой доход семьи			
	До 4 299 руб.	От 4 300 до 8 599 руб.	От 8 600 до 12 899 руб.	От 12 900 руб. и выше
До 5 000 руб.	29,5	26,2	14,3	—
От 5 001 до 10 000 руб.	15,9	33,3	14,3	—
От 10 001 до 15 000 руб.	15,9	19	—	16,7
От 15 001 до 20 000 руб.	11,4	2,4	14,3	66,7
От 20 001 до 30 000 руб.	4,5	2,4	42,9	—
От 30 001 руб. и выше	22,7	16,7	14,3	16,7

Таблица 2

Ответ на вопрос «Какая сумма необходима Вам для достойного уровня жизни в месяц?» (среди студентов), %

Вариант ответа	Среднедушевой доход семьи			
	До 4 299 руб.	От 4 300 до 8 599 руб.	От 8 600 до 12 899 руб.	От 12 900 руб. и выше
До 5 000 руб.	21,4	11,1	7,4	9,4
От 5 001 до 10 000 руб.	45,6	28,3	22,2	31,3
От 10 001 до 15 000 руб.	16,5	22,2	11,1	12,5
От 15 001 до 20 000 руб.	4,9	19,2	18,5	3,1
От 20 001 до 30 000 руб.	2,9	10,1	22,2	15,6
От 30 001 руб. и выше	8,7	9,1	18,5	28,1

В подтверждение ресурсной обеспеченности жизненных стратегий можно также привести двумерное распределение по среднедушевому доходу на одного члена семьи при ответе

на вопрос «Какой смысл Вы вкладываете в словосочетание „хорошо жить” в первую очередь?». Старшеклассники и студенты вузов и ссузов наряду с традиционными ценностями («создать семью», «любить и быть любимым») также отметили «быть материально обеспеченным» и «иметь престижную должность». В то же время, как показывают социологические опросы, еще 20—25 лет назад типичный советский выпускник школы или учащийся вуза хотел бы в будущем руководить небольшим коллективом внутри предприятия, иметь квартиру, где комнат на одну меньше, чем членов семьи, владеть небольшим деревянным домом или даже не иметь дачного участка, а также ездить на «жигулях» или вовсе не иметь машины. Сегодняшний уровень притязаний молодежи демонстрирует куда более высокие запросы¹.

Современные школьники и студенты не придают большого значения так называемым «связям» с влиятельными знакомыми, что также может быть отчасти обусловлено юношеским максимализмом, некоторой идеализацией вопросов трудоустройства или же установками на получение хотя бы какого-то среднего профессионального или высшего образования при наличии уже подготовленного рабочего места для молодого человека. Подтверждением этого тезиса является распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, является ли сегодня полученное образование гарантией жизненного успеха?». Чуть более половины (53,1 %) из опрошенных студентов и 66,7 % старшеклассников согласны с утверждением, что залогом жизненного успеха является полученное образование (рисунок).

Таким образом, анализ результатов исследования показал, что рост ресурсных стратегий и притязаний молодежи является следствием глубоких изменений начала 90-х гг. XX в. в социально-культурных, экономических и политических основах жизни общества. Эти изменения породили общее настроение социального оптимизма в отношении возможностей нового общественного строя, который должен был прийти на смену социализму. Представления о новом общественном строе формировались под влиянием «принципа удовольствия», их важнейшей составной частью были и значительно больший объем разнообразных жизненных благ, и логически дополняющая его легкость их достижения. Проведенное социологическое исследование показало,

что эта тенденция продолжается, происходит постепенная трансформация системы ценностей и притязаний в материальную сферу. Благополучие у молодежи стало ассоциироваться не только с общепризнанными ценностями (семья, здоровье, любовь и т. д.), но и с ресурсными установками (быть материально обеспеченным, хорошо зарабатывать, занимать высокую должность).

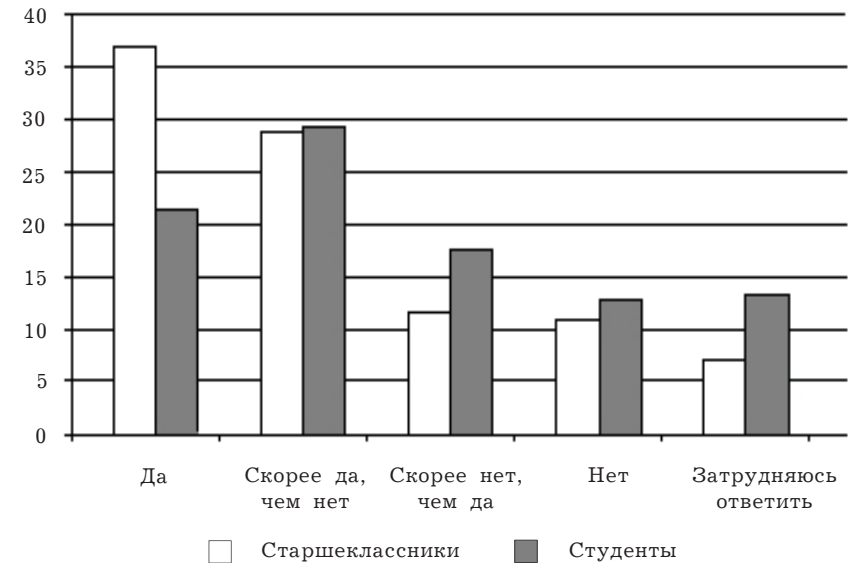

Рисунок. Одномерное распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, является ли сегодня полученное образование гарантией жизненного успеха?»

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ См.: Магун В.С., Энговатов М.В. Динамика притязаний и изменение ресурсных стратегий молодежи: 1985—2005 годы // Россия реформирующаяся. Ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. Вып. 6. М.: Институт социологии РАН, 2007. С. 199.

Поступила 27.04.10.

Н. П. КАСАТКИНА

СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ РЕГИОНА

Ключевые слова: профессиональное образование, профессия, сфера деятельности, образовательное учреждение, престиж профессии, социальные ориентации, профессиональные ориентации, образовательные ориентации

Key words: professional education, profession, sphere of activity, educational institution, prestige of profession, social orientations, professional orientations, educational orientations

Исследования социально-профессиональных ориентаций молодежи в последние годы приобретает большую научно-практическую значимость, особенно в контексте дисбаланса профессиональной структуры подготовки кадров и потребностей рынка труда¹. Подобные проблемы весьма актуальны на региональном уровне. Например, в структуре кадровой потребности Республики Мордовия преобладают рабочие профессии, а среди специалистов с высшим образованием наиболее востребованы специалисты аграрного, машиностроительного, строительного и технического профиля. В то же время экономические и юридические специальности сохраняют популярность среди молодежи. Складывающееся таким образом противоречие между потребностями рынка труда и потребностями учащейся молодежи повышает актуальность изучения проблем, связанных с социальными аспектами формирования профессиональных ориентаций этой социальной группы.

Понятие «социально-профессиональная ориентация молодежи» введено в научный оборот М. Н. Руткевичем и широко использовалось в исследованиях, посвященных

КАСАТКИНА Наталья Петровна, старший научный сотрудник сектора региональных систем образования НИИ регионологии Мордовского государственного университета.

планам молодежи на будущее, особенно в связи с выбором дальнейшего пути после завершения неполного либо полного среднего образования². Структура и сущность этого понятия определяется соотношением двух составляющих его элементов: социальная ориентация и профессиональная ориентация.

Социальная ориентация детально рассмотрена отечественными социологами и понимается в широком и узком смыслах. По мнению Ф. Р. Филлипова, в широком смысле социальная ориентация означает определение индивидом своего места в «социальном пространстве», т. е. относительно существующих в обществе классов, социальных групп, социальных институтов и т. д. В более узком смысле социальная ориентация есть осознание индивидом своего социального происхождения и будущей «социальной позиции», т. е. места и роли в той социальной группе, в которую он намерен войти, а также определение путей достижения этой цели³. Похожей является точка зрения М. Н. Руткевича. Он определяет социальную ориентацию как в широком смысле (поиск своего места в обществе), так и в узком (стремление пополнить определенный социальный слой и приобрести профессию)⁴. Как видно из определений, социальная ориентация имеет двойственный характер и является не только осознанием настоящего и будущего социального статуса, но и представляет собой действие личности в соответствии с определенными целями⁵. Ориентация на определенное социальное положение и отражение возможностей его достижения формируют жизненные планы молодежи. М. Н. Руткевич и Л. Я. Рубина отмечают, что в понятии «жизненные планы молодежи» органически сочетаются социальная и профессиональная ориентация⁶.

Вместе с тем социальная ориентация — это более широкое, включающее профессиональную ориентацию, понятие. Профессиональная ориентация представляет собой направленность, устойчивый комплекс установок в отношении различных сторон той или иной профессиональной деятельности⁷. По словам Ф. Р. Филиппова, социальная ориентация предшествует профессиональной и является ее основой. Выбор будущего социального положения, характера труда предшествует выбору конкретной профессии⁸.

Основополагающая роль социальной ориентации заключается в том, что профессиональная структура общества является частью ее социальной структуры. Характер их взаимосвязи определяется тем, что профессиональная структура объединяет все многообразие профессий и различных трудовых позиций, связывая систему общественных отношений с трудовой деятельностью общества. Особенность профессиональной структуры состоит в том, что она является проекцией социальной структуры на процессы труда, поскольку она определяет связи между людьми, устанавливающиеся в ходе этих процессов⁹.

Отражением в общественном сознании существующей иерархии социальных позиций работников является престиж профессий. Ф. К. Канников и О. В. Трунькина, исследуя ориентации учащейся молодежи на инженерную профессию, в содержании социального престижа профессий выделяют несколько основных аспектов, составляющих ядро системы детерминации профессиональных ориентаций. Из них в качестве наиболее важных выделяются содержательность и творческие возможности профессии; социальные и стратификационные возможности профессии (оплата, уровень доходов и т. д.); ретроспективные, актуальные и перспективные аспекты профессии¹⁰.

В структуре понятия «социально-профессиональная ориентация», кроме перечисленных элементов, важнейшей составляющей является образовательная ориентация. Профессиональное самоопределение учащейся молодежи, по словам М. Х. Титмы, осуществляется посредством предпочтений в системе образования. Поэтому значимость образования — это относительно самостоятельный субъективный критерий предпочтения сферы профессиональной подготовки¹¹. Ценностные представления об образовании классифицируются в зависимости от выполняемых им функций. Образование выступает легитимным способом достижения множества целей. В структуре терминальных ценностей образование является ценностью само по себе и связано с получением знаний, удовлетворением когнитивных потребностей, духовным самосовершенствованием и т. д. Образование рассматривается и как процесс деятельности. Обучение в конкретном учебном заведении может привлекать качеством образования, средой, в которой проходит учеба.

Для изучения социально-профессиональных и образовательных ориентаций, представлений о престижности профессий учащейся молодежи нами было проведено социологическое исследование «Профессионально-образовательные стратегии выпускников 11-х классов школ Республики Мордовия». Исследование проводилось методом анкетного опроса. Объем выборки составил 520 чел. при генеральной совокупности в 4 580 чел. и вероятности превышения пятипроцентной ошибки выборки в 4,0 %. Была использована многоступенчатая гнездовая выборка по типам общеобразовательных учреждений и типам населенных пунктов.

Согласно исследованию, в ближайшие жизненные планы абсолютного большинства учащихся, заканчивающих 11-й класс, входит продолжение образования в профессиональных образовательных учреждениях. Данные исследования подтверждают ориентацию большинства учащихся на получение образования в вузе (91,3 %). Подобная направленность образовательной ориентации связана с представлениями выпускников об образовании, обеспечивающем наилучшие возможности в жизни. Полученные в ходе исследования данные показывают, что многие выпускники (45 %) в качестве такового рассматривают высшее образование. Причем из всех трех уровней высшего профессионального образования в качестве наиболее перспективного выделяется уровень специалитета (26,6 %), на бакалавриат и магистратуру указали 6 и 12 % респондентов соответственно.

Наряду с этим число считающих, что уровень магистратуры дает наилучшие возможности в жизни, превышает количество аналогичных ответов относительно послевузовского образования (аспирантура, адъюнктура, ординатура и т. д.) (8,3 %). Возможно, это связано с низким уровнем информированности о послевузовском образовании, поскольку его получение опосредовано получением диплома о высшем образовании. С другой стороны, недооценка послевузовского образования как источника наилучших возможностей в жизни свидетельствует о низком престиже науки, научно-исследовательской деятельности у молодежи.

Данные исследования позволяют констатировать также установку на получение второго высшего образования. Эта тенденция была выявлена в исследованиях российского высшего образования, проведенных еще в начале

2000-х гг., например, Независимым институтом социальной политики, Государственным университетом — Высшей Школой Экономики. Согласно этим исследованиям, рост количества образовательных программ второго высшего и численности обучающихся позволил говорить о «буме второго высшего образования»¹². Наше исследование показало, что более 30 % опрошенных считают, что получение двух высших образований обеспечит наилучшие возможности в жизни.

Кроме устойчивой ориентации выпускников на получение высшего образования, данные исследования подтвердили более низкий престиж учебных заведений, обучающихся рабочим профессиям. О том, что эти довузовские уровни профессионального образования обеспечивают наилучшие возможности в жизни, заявили только 5,5 % респондентов. Всего 4,8 % планировали поступить в учебные заведения среднего и начального профессионального образования. Следует отметить, что среди отвечавших высока доля тех, кто затруднился ответить на этот вопрос (10 %). Это позволяет сделать вывод о том, что практически у каждого десятого выпускника нет четких представлений о роли образования как ресурса обеспечения лучших жизненных шансов.

Ориентации одиннадцатиклассников относительно выбора конкретного учебного заведения отражают востребованность региональных вузов, особенно государственных. Большинство учащихся планировало обучение в Мордовском государственном университете или Мордовском государственном педагогическом институте. Безусловный приоритет принадлежит университету — крупнейшему вузу республики, куда планировали поступать 78,9 % опрошенных выпускников. Другие вузы, расположенные на территории Мордовии, пользовались меньшей популярностью, особенно те из них, в которых обучение ведется исключительно на платной основе.

Выбор учебного заведения обусловлен комплексом мотивов. Определяющую роль здесь играет уверенность респондентов в том, что в этом учебном заведении дают хорошее, качественное образование. Частота выбора этой альтернативы значительно превышает другие и составляет 64,5 %. Высокая значимость этого мотива свидетельствует об ориентации выпускников получить не формальное подтверждение диплома о высшем образовании или профессии, а реальное

желание пополнить свой образовательный капитал. Немаловажную роль играют специфика учебного заведения, набор предоставляемых образовательных программ, поскольку практически каждый пятый выпускник выбирает учебное заведение потому, что обучение определенной специальности ведется только в нем. Таким образом, образовательный потенциал учебного заведения, его положительный имидж в общественном мнении и распространенность позитивной информации о нем являются важными условиями выбора. Последние особенно важны, так как на такой мотив, как «слышал о нем много хорошего», указали 29,9 % опрошенных. «Совет знакомых, родственников» отметили 21,4 %.

Факторы доступности и престижа учебного заведения составляют следующую по важности группу мотивов выбора места учебы: «реальная возможность поступить в это учебное заведение» — 35,1 %, «престиж получения образования в нем» — 30,5 %. Рассматривая более подробно роль различных факторов доступности поступления в учебные заведения, можно заключить, что территориальный и материальный факторы не расцениваются будущими абитуриентами в качестве значимых барьеров. Так, территориальный фактор (удобное место расположения учебного заведения) как мотив его выбора отметили 13,3 % респондентов, а мотив, связанный с оценкой возможностей родителей оплатить учебу только в этом учебном заведении, отметили 6 % опрошенных.

Низкая значимость материального фактора косвенно подтверждает осознание необходимости платить за образование и в связи с этим готовиться к предстоящим материальным затратам. Однако, независимо от уровня доходов семей опрошенных, большинство из них ориентируется в основном на возможность обучения за счет бюджетного места, а обучение за плату рассматривают как «запасной» вариант. Основная часть выпускников (83,1 %) планировала поступать на бюджетную очную форму обучения. В случае неудачи большинства (62,2 %) согласно было стать студентами коммерческой формы обучения.

Возвращаясь к анализу «престижа получения образования именно в этом учебном заведении», можно предположить, что более трети опрошенных рассчитывают на высокий уровень мобильности в связи с получением образования. В условиях ограниченности регионального рынка труда пре-

стижность полученного образования может стать одним из конкурентных преимуществ молодого специалиста. Кроме того, престиж учебного заведения может иметь важное значение при трудоустройстве за пределами региона.

Таким образом, образовательные ориентации выпускников одиннадцатых классов вполне очевидны. Это получение высшего образования в крупном региональном вузе и желательность за счет бюджетных средств.

Большинство (84,2 %) одиннадцатиклассников окончательно определилось с выбором профессии. Вместе с тем из них только 36,5 % ответили «да», остальные 47,7 % выбрали неоднозначную альтернативу «скорее да, чем нет», предполагающую некую степень неопределенности. Совсем не определились с выбором профессии 5,2 %, а альтернативу «скорее нет, чем да» выбрали 10,6 % респондентов.

Спектр привлекательных для выпускников профессий соответствует устоявшимся в последние годы профессиональным предпочтениям молодежи. Лидируют профессии гуманитарного профиля, из которых наиболее предпочтительными стали юридические и экономические специальности. При ответе на открытый вопрос анкеты «Какая профессия Вас привлекает больше всего?» наиболее часто упоминались экономические (96 чел.), юридические (64 чел.), медицинские (38 чел.), инженерные (30 чел.) профессии. Профессию психолога отметили 28 чел., профессии сферы архитектуры и строительства — 24 чел., профессии, связанные с программированием и компьютерами, — 22 чел. Для ответов характерно также и то, что многие перечисляют в качестве привлекательных сразу несколько профессий совершенно из разных областей деятельности (например, модельер, менеджер, экономист, юрист или инженер, адвокат, программист). Это свидетельствует о неустойчивости и несформированности профессиональных ориентаций.

Привлекательность выбираемой профессии для многих определяется ее соответствием способностям, интересам, чертам характера (48,7 %). Вместе с тем знают все о требованиях, предъявляемых этой профессией к способностям и личным качествам, только 36,7 % опрошенных, не знают совсем — 9,8 %, имеют самое общее представление — 53,6 %. Другими определяющими привлекательность профессии факторами являются направленность труда (работа с тех-

никой, информацией, людьми и т. д.) (41,4 %), оплата труда (41,4 %) и престижность профессии (39 %).

Низкий уровень знаний о профессиях связан с тем, что основным источником информации, повлиявшим на формирование представлений о них, являются рассказы родителей, друзей, знакомых (64,5 %). В связи с этим 72,1 % учащихся при выборе профессии будут прислушиваться к советам отца и матери, хотя решать будут сами. Другими наиболее значимыми источниками информации являются Интернет (39,3 %) и телевидение (33,3 %), роль которых в профессиональном самоопределении молодежи не является однозначной. Более трети опрошенных получили информацию о профессии, наблюдая за трудовой деятельностью специалистов на их рабочем месте, а 18,6 % пробовали свои силы в этой профессиональной деятельности. Сравнительно меньше респондентов отметило такие источники информации, как дни открытых дверей в вузах, колледжах, техникумах и т. д. (25,4 %); информация от представителей учебных заведений, приглашающих на обучение (20,2 %). Вместе с тем источники, характеризующие роль профессионального образования по формированию профессиональных ориентаций, являются гораздо более значимыми, чем занятия по профессиональной ориентации в общеобразовательной школе (8,3 %). Роль печатной продукции, содержащей информацию о профессиях, не пользуется популярностью у молодежи. Так, в качестве основных источников информации печатные СМИ указали 15,9 % опрошенных, специальные брошюры — 15,3 %, рекламные плакаты — 3,7 %.

Таким образом, анализ информационной базы, формирующей представления о мире профессий, показывает ведущую роль семьи, близкого окружения и визуальных средств массовой информации. Институт образования в этом процессе играет второстепенную роль.

Особенности профессионально-образовательных ориентаций выпускников общеобразовательных школ отражают цели, которые они перед собой ставят, желая получить профессиональное образование. Главной целью, что естественно, является получение профессии (66,9 %). Данные исследования подтверждают прагматизм целей учащейся молодежи. Многие хотят получить профессиональное образование ради хорошей зарплаты (56,5 %) и престижной работы (40,3 %),

т. е. доход и престиж являются главными мотивами в получении профессионального образования. В меньшей степени респонденты ставят своей целью реализацию своих способностей (36 %), хотя и исходят при выборе профессии из соображений соответствия ее своим способностям, склонностям и т. д., и меньше всего они ставят перед собой цель стать культурным человеком (7,1 %), что свидетельствует о низкой ценности культуры в сознании молодежи.

Анализ представлений выпускников о престижных и доходных сферах деятельности показал, что юридическую деятельность в качестве престижной респонденты отмечали чаще всего. В десятку наиболее упоминаемых сфер деятельности входят, как правило, непроизводственные (исключением составляют строительство и архитектура), связанные с управлением, экономикой, а также сферы, предполагающие творческие профессии. Рабочие и сельскохозяйственные профессии заняли последние места по числу респондентов, считающих их престижными.

Престижность профессии, по мнению выпускников, определяется в основном способностью приносить высокий доход (70,6 %). Однако, согласно полученным данным, указанные в качестве престижных профессии не оказываются самыми доходными. Так, юридическую деятельность доходной посчитали на 21,4 % меньше опрошенных, посчитавших ее престижной, а рабочие профессии — доходной на 24,6 % больше, чем тех, кто считал их престижными. Такое распределение ответов свидетельствует о том, что доходность профессии в структуре представлений о ее социальном престиже играет далеко не главную роль.

Обобщая полученные данные относительно профессиональных и образовательных ориентаций выпускников одиннадцатых классов, можно сделать вывод о характере их социальных ориентаций. Большинство учащихся ориентировано на повышение социального статуса и пополнение тех социально-профессиональных слоев общества, статус которых характеризуется высоким уровнем образования, престижа и дохода, умственным характером трудовой деятельности. Большинство учащихся выбирает профессии, статус которых выше статуса профессий их родителей: большинство учащихся из семей, в которых родители являются рядовыми работниками (отцы у 39,4 %, матери у 34,9 %). Необходимо

отметить, что не всегда подобные ориентации соответствуют уровню ресурсной обеспеченности семьи (материальный, культурный, образовательный, социальный капитал), что в итоге может привести к проблемам с успешной профессиональной самореализацией.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Соломатина О. Перезагрузка кадров. URL: <http://mon.gov.ru/press/smi/64621> (дата обращения: 24.01.2010).

² Социологическая энциклопедия. М.: Мысль, 2003. С. 479.

³ См.: Филиппов Ф.Р. Социология образования. М.: Изд-во «Наука», 1980. С. 106.

⁴ См.: Руткевич М.Н. Социальная ориентация выпускников основной школы // Социс. 1994. № 10. С. 30—31.

⁵ См.: Высшая школа как фактор изменения социальной структуры развитого социалистического общества. М.: Изд-во «Наука», 1978. С. 23.

⁶ См.: Руткевич М.Н., Рубина Л.Я. Общественные потребности, система образования, молодежь. М.: Политиздат, 1988. С. 141.

⁷ См.: Исследование образовательных и профессиональных ориентаций: возможности и ограничения качественных методов. URL: http://www.sociomarket.narod.ru/diss/Statiya_Research_1.doc (дата обращения: 29.03.2010).

⁸ См.: Филиппов Ф.Р. Социология образования. С. 180.

⁹ См.: Подмарков В.Г. Человек в мире профессий // Вопросы философии. 1972. № 8. С. 60.

¹⁰ См.: Каников Ф.К., Трунькина О.В. Ориентация учащейся молодежи на инженерную профессию // Социс. 2004. № 11. С. 112.

¹¹ См.: Титма М.Х. Выбор профессии как социальная проблема (на материалах конкретных исследований в ЭССР). М.: «Мысль», 1975. С. 161.

¹² См.: Клячко Т.Л. Мифы, легенды и реальность российского высшего образования. Демоскоп Weekly от 30 августа — 12 сентября 2004 г. № 167—168.

Поступила 26.05.10.

Р. А. САЙФУТДИНОВ

ПРОБЛЕМА ТИПОЛОГИИ АРМЕЙСКОЙ СУБКУЛЬТУРЫ

Ключевые слова: культура, российская армия, субкультура, армейская субкультура, военнослужащие

Key words: culture, Russian Army, sub-culture, Army sub-culture, military people

Субкультурная тематика достаточно давно интересует представителей различных сфер современного гуманитарного знания. Еще Э. Тоффлер писал, что «мы живем во время субкультурного взрыва»¹. Отметим, что в условиях осознания мультикультурности современного мира концепция субкультур все в большей степени используется как средство описания разнообразия, а не различий. Иными словами, под субкультурой понимаются не только антагонистичные, маргинальные группы и образцы их поведения, изгнанные из «официальной» культуры, но и включенные, интегрированные в социум формы, к которым, несомненно, относятся и армейская субкультура. Ее носителями являются военнослужащие срочной службы, а также находящиеся в запасе (это доказывают массовые праздники в честь защитников Отечества, воздушно-десантных войск, военно-морского флота, пограничных войск).

Армия и ее проблемы стали привлекать значительно большее внимание отечественных исследователей в постсоветское время, поскольку исчезли существующие до того идеологические барьеры и политические предрассудки. Значительно больше стало работ, касающихся военной культуры общества в целом и различных ее аспектов².

Цивилизационные изменения, происходящие с Россией в последние десятилетия, коснулись и ее вооруженных сил,

САЙФУТДИНОВ Рафаэль Амирович, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Ульяновского высшего военно-технического училища.

несмотря на присущую им консервативность. Реформы изменили ее задачи, характеристики, роль в обществе, характер службы военнослужащих, их мотивации, систему ценностей. Институты формирующегося гражданского общества сделали армию более открытой, в связи с чем государство в 90-е гг. XX в. было вынуждено анонсировать проведение политики ее профессионализации и гуманизации.

Одним из проявлений такой политики стало заявление, сделанное министром обороны РФ А. Э. Сердюковым в апреле 2010 г. на встрече с представителями правозащитных организаций, на которой он обозначил вероятность скорого появления таких новаций, как прекращение использования солдат не по прямым воинским обязанностям, увеличение рекреативной составляющей в распорядке дня и недели, разрешение ношения гражданской формы одежды военнослужащим срочной службы в увольнении, расширение практики призыва в родные регионы, возможность ежедневного использования мобильной связи, а со временем и Интернета³. Возникает необходимость оценки изменений, которые эти преобразования внесут в быт и жизнь людей в погонах.

Определение сущности современной российской армейской субкультуры, для которой характерна специфическая картина мира, определяющая нормативно-ценностные установки и поведение военнослужащих, представляется важным для ее последующей типологизации. Анализ современной отечественной культурологической, социологической, социально-философской, лингвистической литературы, посвященной армии, войне, военнослужащим, показывает, что категориальный аппарат, касающийся этой проблематики, нуждается в уточнении.

Т. Б. Щепанская считает возможным и необходимым выделение субкультур не только по интересам, времяпровождению, формам социальной или художественной активности, но и по профессиональному признаку, понимая под профессиональной субкультурой «комплекс традиций: обычного права, стереотипов поведения, особенностей образа жизни, форм повседневного дискурса, символики и атрибутов, — сложившийся в данной профессиональной среде»⁴. Однако, на наш взгляд, использование такой дефиниции по отношению к армейской субкультуре современной России не совсем корректно, так как российская армия

пока является по своему составу профессиональной только частично (офицерский корпус, отчасти контрактники). Условия кризиса не способствуют профессионализации армии. В. И. Бажуков определяет военную культуру как систему «ценностно-нормативных, духовно-идеологических и знаково-символических элементов, обеспечивающих мотивацию и регуляцию военной деятельности различных субъектов»⁵. Е. Н. Романова пишет о субкультуре военнослужащих, которая включает образ жизни, набор ценностей и норм, язык, ритуалы, символы, материальную и художественную культуру, искусство⁶. С. Н. Ермоченко, говоря о воинской культуре социума, определяет ее как «систему исторически сложившихся, относительно устойчивых отношений между деятельными субъектами, которая призвана поддерживать в обществе такие важнейшие символические конструкции, как патриотизм, честь, служение, долг, подвижничество, преданность»⁷.

При определении понятия «армейская субкультура» важным представляется указание А. Я. Флиера на то, что в основе профессиональной культуры лежат не столько социально-бытовые элементы образа жизни (как в этнической культуре), а некоторые принципы социального сознания и поведения, диктуемые особенностями технологии деятельности по правилам той или иной профессии, зафиксированные в учебниках и навыках профессиональной подготовки. Сюда же входят элементы социальной этики, целей и социальной ответственности за последствия данной деятельности, профессиональные традиции, статусные роли, профессиональный язык и т. п.⁸

Исследователь украинской и российской армейской субкультуры А. В. Проноза определяет ее как «совокупность различных поведенческих фактов армейской жизни (обычаев, традиций, ритуалов, системы рангов военнослужащих и т. д.), характерных художественно-изобразительных форм (карманные блокноты, „дембельские“ альбомы, песенники, татуировки на теле и др.); своеобразных вербальных форм, прозаических (жаргон, анекдоты, афоризмы, „крылатые“ высказывания) и поэтических (стихотворения, песни, четверостишья, поздравления)»⁹. При таком подходе субкультурные элементы органично вписываются в существующую официальную систему взаимоотношений между военнослужащими и дополняют ее.

Проанализировав эти и другие подходы, мы считаем, что *армейская культура — это субкультура организационной, формальной, маскулинной, преимущественно молодежной группы людей, включающая в себя представления, ценности, нормы доминирующей в обществе культуры и групповые представления, ценности, нормы, особенности образа жизни, стереотипы поведения, язык, культурные символы и коды в их специфическом сочетании, обусловленном целями и характером воинской деятельности, относительно устойчивые на протяжении времени жизнедеятельности группы.*

Исходя из общепринятой парадигмы выделения в культуре духовной и материальной составляющей, сложившейся в отечественной науке много десятилетий назад, к первой можно отнести идеи, убеждения, взгляды, верования и другие элементы общественного сознания, в которых выражаются признанные в обществе и армии образцы отношения к войне и военному делу и которые оказывают на социальные общности и отдельных индивидов определяющее воздействие. Материальная сторона армейской субкультуры представляет собой единство физических, технических и организационных элементов, включающих технику и вооружение, форму, атрибутику, военные городки и казармы, другие сооружения и т. д.

Армейская субкультура имеет общественный, наиндивидуальный характер, в определенной степени подавляет личность. Она способствует реализации важных социальных функций в сфере взаимодействия вооруженных сил и общества: нормативной, социализации, адаптации личности, информационно-коммуникативной. Она должна в идеале содействовать воспитанию патриотизма, гражданственности не только военнослужащих, но и всего общества. Специфическим отличием армейской субкультуры от других является то, что она тесно связана с действиями власти, централизована, более структурирована. При этом она подвержена процессу культурного самоуправления на основе общественного мнения, суждений экспертов и т. д., причем иногда даже стихийных факторов.

Важным признаком армейской культуры является ее национальный характер, поэтому показательно, что армейская культура российского общества имеет не только универ-

сальные, но и особенные, уникальные черты по сравнению с другими странами. Такая субкультура не существует в отрыве от общенациональной культуры, постоянно взаимодействует с ней и испытывает на себе ее влияние. Точно также военная корпорация не функционирует в отрыве от общества, она является его органичной частью, а потому в культурных особенностях молодежной армейской субкультуры отражаются социальные условия существования этой социальной группы.

Средоточием каждой субкультуры является свое представление о картине мира. В структуре каждой субкультуры обнаруживаются культурные атрибуты, символы и коды, традиции, нормы, табу, элементы творчества, особый язык (сленг, жаргон, фольклор). Так, на современном этапе можно обнаружить в этом явлении «субсубкультуры» официальную («уставную») и неформальную (например, «дедовщина»); отдельные рода и виды войск; разные социальные воинские статусы (офицерская, курсантская и солдатская, в последней выделяются «рекрутская» и «дембельская»). Официальные ритуалы (принятие присяги, присвоение очередного воинского звания) дополняются неофициальными, такими как стодневка, «50 на 50», различные «переводы» из одной страты военнослужащих срочной службы в другую. Какую сторону армейской жизни мы бы ни взяли, она обязательно будет иметь неформальное выражение и дополнение. Процессы дифференциации культурной жизни, происходящие в обществе, приводят к появлению все большего разнообразия и в армии (так сейчас среди солдат можно встретить и бывших «эмо», «готов», «скинхедов», других неформалов; не прекратилось влияние тюремной субкультуры).

Противоречивость бытия армейской субкультуры в условиях гражданского общества состоит еще и в том, что она является ареной столкновения двух противоположных социальных норм. Первые основаны на жестком регулировании социальных взаимодействий, вторые исходят из признания у человека фундаментальных прав и свобод. При этом армейская субкультура находится в тесной связи и взаимодействии с национальной культурой.

Таким образом, к типологическим характеристикам российской армейской субкультуры относятся маскулинность, акцентированные проявления мужественности (вне

зависимости от пола военнослужащих) и связанные с ними жесткость официальных и неофициальных санкций и т. д.; директивность, «вертикализация» отношений, подчинение, субординация; формализация взаимоотношений в процессе воинской деятельности; относительная закрытость для внешнего мира («гражданки»); ритуализированность; корпоративность; бинарность, одновременное сосуществование и подчас противостояние официальной и неофициальной традиции (уставной культуре противостоит неформальная, неуставная); идеологизация деятельности военнослужащих, вплоть до сакрализации (показательно, что церковь в последнее время начинает различными способами активно осваивать армейскую паству); важное значение таких архетипов, как «Отечество», «Россия», «Патриотизм»; наличие некоторых общих черт с тюремной лагерной субкультурой.

Точное терминологическое определение и выявление типологических характеристик армейской субкультуры, на наш взгляд, необходимо не только для ее теоретического анализа, но и для построения определенных алгоритмов практических действий, направленных на выявление ее проблем и качественное улучшение ситуации в современной российской армии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Тоффлер Э. Шок будущего. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. С. 336.

² См.: Агранат Д.Л. Курсантская казарма как сфера военного быта: опыт социологического анализа // Молодежные субкультуры Москвы / сост. Д.В. Громов, отв. ред. М.Ю. Мартынова. М.: ИЭА РАН, 2009. С. 49—69; Банников К.Л. Антропология экстремальных групп. Доминантные отношения военнослужащих срочной службы Российской Армии. М.: ИЭА РАН, 2002. 400 с.; Бойко Б.Л. Языковая картина мира армейской субкультуры (на материале немецкой и русской военной лексики) // Вестн. Военного ун-та. 2008. № 4. С. 96—10; Головин В.В., Лурье М.Л., Кулешов Е.В. Субкультура солдат срочной службы // Современный городской фольклор. М.: РГГУ, 2003. С. 186—230; Кравченко А.И. Социология девиантности. URL: <http://lib.socio.msu.ru/1/library> (дата обращения: 25.01.2009); Осокин А. Субкультура неуставных взаимоотношений // Основы безопасности жизнедеятельности. 2006. № 5. С. 15—25; Панченко С.Л. Неформальные отношения в армейской среде как фактор преступности военнослужащих: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2007. 25 с.; Проноза А.В. Солдатские рифмы — характерный элемент армейской субкультуры //

Социс. 1999. № 9. С. 129—131; Райкова И.Н. Фольклор современных солдат: идейно-художественное своеобразие и отношение к детскому фольклору // Мир детства и традиционная культура: сб. науч. тр. и материалов / сост. С.Г. Айвазян. М.: Изд-во Гос. респ. центра рус. фольклора, 1994. С. 73—101; Романова Е.Н. Военная культура и ее основные характеристики // Вестн. Самар. гос. ун-та. 2008. № 1. С. 213—219; Юдин Б.Г. Субкультура закрытых коллективов как объект научного исследования // Философские науки. 2008. № 6. С. 5—11.

³ См.: Гаврилов Ю. Сон, гражданка, выходной: Анатолий Сердюков рассказал правозащитникам о гуманизации призывной службы // Рос. газ. Федер. выпуск. № 5164 от 22 апреля 2010 г. URL: <http://www.rg.ru/2010/04/22/serdyukov.html> (дата обращения: 15.05.2010).

⁴ Щепанская Т.В. Антропология профессий // Журн. социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI. № 1. С. 142.

⁵ Бажуков В.И. Эвристические возможности антропологического подхода к исследованию военной культуры: автореф. дис. ... д-ра культурологии. М., 2009. С. 5—6.

⁶ Романова Е.Н. Военная культура и ее основные характеристики. С. 213.

⁷ Ермоченко С.Н. Духовные основы воинской культуры // Патриотическое воспитание в Саратовской области: сб. докладов и выступлений участников областной науч.-практ. конф. 14 декабря 2007 г. Саратов, 2007. С. 9.

⁸ Флиер А.Я. Культурология для культурологов: учеб. пособие. М.: Академ. проект, 2000. С. 163.

⁹ Проноза А.В. Солдатские рифмы — характерный элемент армейской субкультуры // Социс. 1999. № 9. С. 129.

Поступила 28.06.10.

В. И. ГАЗЕТОВ

ФЕМИНИЗАЦИЯ АРМИИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Ключевые слова: феминизация армии, кадровый потенциал, военнослужащие женского пола, мотивы выбора профессии военнослужащего женщинами, включения женщин в армию в различных странах

Key words: feminisation of army, personnel potential, female service member, motives for the choice of serviceman profession by women, allotment of women into the army in different countries

На современном этапе развития Вооруженных сил Российской Федерации до сих пор отсутствует однозначный взгляд на феминизацию армии. Вопрос совместимости женщин и военной службы актуализирует потребность социологической рефлексии зарубежного опыта, выявление проблем и задач, стоящих перед Вооруженными силами России.

Существует ряд социальных факторов, влияющих на феминизацию армии. Во-первых, это сложная демографическая ситуация в стране, сокращение числа военнослужащих, проходящих военную службу по призыву. Так, при сохранении нынешних демографических тенденций через 10 лет мужской призывной контингент в России уменьшится вдвое по сравнению с уровнем 2006 г., а к 2010 г. молодых мужчин в возрасте 18—19 лет в России будет меньше трети от их числа 2000 г.¹

Во-вторых, отказ государства от призывной системы и переход к добровольному способу комплектования Вооруженных сил обуславливают необходимость роста численности военнослужащих женского пола, что позволит поддерживать кадровый потенциал Вооруженных сил. Например, в 2009 г. в Рязанское высшее воздушно-десантное командное

ГАЗЕТОВ Владимир Иванович, профессор кафедры социологии и культуры Московского государственного университета приборостроения и информатики, кандидат исторических наук.

училище в качестве эксперимента были приняты 20 девушек. Девушки-выпускницы Рязанского десантного училища, безусловно, не будут входить в разведгруппы. Планируется, что выпускницы училища в основном будут служить в обеспечивающих подразделениях, в том числе руководить группами подготовки и укладки парашютов.

В-третьих, профессионализация Вооруженных сил России повышает значение военнослужащих женского пола. Изложенная министром обороны РФ А. Э. Сердюковым позиция определяет тенденции использования в армии женщин-военнослужащих. Они четко выполняют свои функции, у них ответственное отношение к делу. По специальностям, которые не являются исключительно военными (например, юрист, финансист, психолог, экономист), не должно быть кадровых ограничений².

Однако п. 3 ст. 42 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» вносит ограничения на право женщин служить в армии: в перечне воинских должностей определяются воинские должности, которые могут замещаться военнослужащими женского пола. Так, замещаться военнослужащими женского пола, согласно их нынешнему официально-правовому статусу, могут только 66 % всех имеющих в Вооруженных силах РФ должностей офицеров и около 18 % рядового (сержантского) состава, прапорщиков и мичманов (с учетом военно-учетной специальности).

В сухопутных войсках США женщинам разрешается замещать 280 из 305 военных специальностей, что составляет 91,8 %, в ВВС не допускается замещать ими только 4 должности из 230 (98,3 %), а в ВМС труд лиц слабого пола также используется практически по всем военно-учетным специальностям (82,4 %)³.

Статистика свидетельствует о том, что за последние 10 лет в российской армии почти вдвое увеличилось число военнослужащих-женщин — с 50 до 95 тыс. (это примерно 8,5 % от ее штатной численности в 1 млн 130 тыс. чел.). Если брать все силовые ведомства, в которых служат около 4 млн чел. в погонах, то женщин в процентном отношении там еще больше — 12,5 % (около 500 тыс. чел.)⁴. Выполняемые ими функции преимущественно административные, обслуживающие, инструкторские, медицинские. В системе высшего военного образования возросло число курсантов

женского пола. Так, в 2007 г. в Военном университете из них сформированы учебные группы по специальностям «военный психолог», «переводчик». Принято решение о создании пансионатов государственных воспитанниц, в которых будет обеспечиваться подготовка по предметам кадетского профиля.

Исследования мотивов выбора профессии военнослужащего женщинами в качестве основной позволяет выделить четыре группы⁵.

Первая — военнослужащие женского пола «инновационного» типа, основная часть которых самореализовала свой личностный потенциал в профессиональной и семейно-бытовой сферах (1,2 %). В эту группу входит большинство женщин-офицеров, которым присвоено воинское звание майора, а также звания рангами выше; женщины, проходящие военную службу на самых высокооплачиваемых должностях в нише воинской профессионализации. Им свойственны высокая степень удовлетворенности своими деловыми качествами, высокая военно-профессиональная самооценка, оптимальная согласованность воинских и семейных обязанностей и выраженной половая идентификация брачного партнера.

Вторая группа — профессионально-ориентированные. Основными движущими мотивами представителей этой группы являются признание в профессиональной среде своих достижений и творческая самореализация (6 %). Они отличаются тем, что в структуре направленности личности содержательная сторона их профессиональной деятельности превалирует над вещественно-материальной. Наиболее полно они реализуют свой личностный потенциал именно в работе и представлены в феминизированных сферах воинской деятельности: подразделения связи, штабная, медицинская и тыловая служба. Среди них около трети замужних и более половины незамужних женщин.

Третью группу составляют работающие по необходимости. Они работают в армии не ради самореализации, а по принципу «выбирать не приходится». В основном это матери-одиночки, разведенные и жены материально неблагополучных мужей (67 %). Эффективность работы этой группы в плане инициативы достаточно низка, так как материальное стимулирование их деятельности практически отсутствует, а денежное содержание не зависит от объема выполненной

работы. Личностная ориентация этой категории направлена в основном на межличностное общение в женской профессиональной среде.

Четвертая группа — семейно-ориентированные. К этой группе относятся треть замужних и менее половины незамужних, предпочитающих основное время своей жизни посвящать семье. Незамужние этой группы не отличаются высокими результатами профессиональной деятельности, так как один из главных мотивов их жизни — создание благополучной семьи. В отличие от них замужние женщины со стажем работы 10 лет и более, как правило, стремятся к повышению своей профессиональной квалификации и профессионального статуса.

Следует отметить тенденцию постепенного расширения сферы участия военнослужащих женского пола в воинских отношениях. Анализ процесса привлечения женщин на военную службу в странах-членах НАТО, начавшегося более 40 лет назад, позволяет достаточно четко выделить основные тенденции его развития: постоянное расширение круга военных специальностей, по которым стали использоваться женщины-военнослужащие в вооруженных силах; профессиональный рост женщин-военнослужащих, обусловивший их продвижение по службе; участие женщин-военнослужащих в международных миротворческих акциях и контртеррористических операциях.

С точки зрения численности женщин в ВС государства-члены НАТО условно подразделяются на четыре группы: наивысшая абсолютная численность женщин в ВС (США, Франция, Великобритания); доля женщин-военнослужащих составляет от 5 до 7 тыс. чел. (Греция, Канада, Испания); невысокая общая численность женщин при высокой их доли в ВС — от 7 до 10 % (Бельгия, Венгрия, Нидерланды, Португалия); невысокая общая численность женщин-военнослужащих и столь же невысокая их общая доля в ВС — от 0,05 до 1,5 тыс. чел. (Дания, Люксембург, Норвегия, Польша, Турция, Чехия).

В армии США служит наибольшее число военнослужащих женского пола — около 200 тыс. чел., или 11 % от общей численности личного состава, при этом существуют определенные ограничения, связанные с участием женщин в боевых действиях и других операциях, в которых возни-

кает риск для жизни⁶. Француженки служат в сухопутных войсках, ВВС, жандармерии и медицинских частях наравне с мужчинами. Ограничения касаются лишь использования женщин в таких областях, как служба на подводных лодках, спецназ жандармерии, иностранный легион. В Канаде в 1989 г. женщины получили возможность служить практически во всех подразделениях вооруженных сил. Исключением была служба на подводных лодках, но в марте 2001 г. и это ограничение было снято. Женщины Германии получили право служить в армии в 1975 г., однако фактически военная служба, ограниченная вспомогательными подразделениями (медицинскими и музыкальными), началась лишь спустя полтора десятка лет. С 2000 г. женщинам Германии разрешено обучаться любым военным специальностям и служить в любых родах войск⁷.

В Италии военнослужащие женского пола представлены во всех родах войск, они даже служат в боевых подразделениях амфибийного полка сухопутных войск и т. д. Исключением является служба на подводных лодках, надводных кораблях (судах) малого водоизмещения, в штурмовых подразделениях полка морской пехоты и подразделениях командования боевых пловцов и диверсантов. В настоящее время более 150 военнослужащих женского пола находятся в составе национальных контингентов вооруженных сил за рубежом, в том числе 40 — в Афганистане, 35 — Косово, 20 — Боснии и Герцеговине, 15 — Ливане⁸.

Не совсем обычный путь обеспечения равноправия женщин и мужчин в армии избрали Пакистан и Турция, полностью открыв женщинам доступ в боевые подразделения. В Пакистане это решение уже реализовано путем создания специальных женских батальонов командос. В Турции предполагается готовить из женщин спецназовцев для борьбы с курскими повстанцами. Такое нетрадиционное решение аргументируется наличием у женщин «особой беспощадности»⁹.

Таким образом, включение женщин в армию в различных странах определенно говорит о том, что используется взаимный опыт, применяются самые эффективные формы и методы привлечения женщин на военную службу с учетом их физиологических и морально-психологических особенностей. Это позволяет сохранить наиболее квалифицированные кадры

в вооруженных силах. Феминизация армии в различных странах мира закономерна, она обусловлена и потребностями армии, и ростом влияния женщин в обществе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Павлова В.Г. О роли женщин в армии. URL: <http://www.mil.ru/849/13812/54036/index.shtml> (дата обращения: 15.01.2010).

² См.: Гаврилов Ю. Наступление на штаты // Рос. газ. 2009. № 4907. 12 мая.

³ См.: Цуциев С.А. Гигиенические проблемы военной службы женщин в Вооруженных Силах Российской Федерации. СПб., 2002. С. 17.

⁴ См.: В Российской армии за последние 10 лет вдвое увеличилось количество военнослужащих-женщин. URL: http://www.newsru.com/russia/06mar2007/army_woman.html (дата обращения: 21.01.2010).

⁵ См.: Павлова В.Г. О роли женщин в армии ...

⁶ См.: Кузнецов С. Женщины-военнослужащие в странах НАТО // Зарубежное военное обозрение. 1990. № 5. С. 13—15.

⁷ См.: Савенкова И.Ю. Красавицы в погонах: место женщин-военнослужащих в российской армии // Красная звезда. 2007. 20 февр.

⁸ См.: Рогов В. Прохождение женщинами военной службы в ВС Италии // Зарубежное военное обозрение. 2007. № 9.

⁹ См.: Шелепов А., Пешков В. Женщины на военной службе: реалии и перспективы // Ориентир. 2008. № 3. С. 42—45.

Поступила 07.06.10.

О. А. ПОЛУХИНА

ПОТРЕБЛЕНИЕ ИТ-УСЛУГ В РЕГИОНЕ

Ключевые слова: информационные технологии, региональный ИТ-рынок, региональный рынок ИТ-услуг, ИТ-затраты, Республика Бурятия

Key words: information technologies, regional IT-market, regional market of IT-services, IT-expenses, the Republic of Buryatia

Высокая положительная динамика за последние годы российского рынка информационных технологий (ИТ) привлекает к нему повышенное внимание. В настоящее время доля ИТ-услуг составляет не менее четверти всего российского ИТ-рынка, а среднегодовые темпы роста в 2005—2008 гг. составили по оценкам аналитиков более 25 % — рекордный показатель для ИТ-рынка. Наиболее быстрорастущими сегментами за последние три года стали консалтинг и аутсорсинг, хотя их объемы в абсолютном выражении пока не достигли уровня реального спроса. Для российского рынка ИТ-услуг характерен динамичный рост. Он в 3—4 раза интенсивнее по сравнению, например, со стабильным рынком США. Доминирующее значение российского рынка ИТ-услуг заключается не в его величине, а в том, что показатели динамики этого сегмента определяют потенциал роста всего российского ИТ-рынка.

Объем российского рынка ИТ-услуг в 2008 г. достиг 5,22 млрд долл., что на 261 % превышает аналогичный показатель 2002 г. В 2008 г. около одной трети доходов (31,9 %) рынка ИТ-услуг обеспечивала системная и сетевая интеграция. Значимы также доли сегментов разработки заказного программного обеспечения (ПО) (28,6 %), установки и поддержки оборудования и ПО (17,9 %). Незначительна

ПОЛУХИНА Оксана Андреевна, преподаватель кафедры макроэкономики, экономической информатики и статистики Восточно-Сибирского государственного технологического университета.

доля продаж ИТ-консалтинга и аутсорсинга. В целом данные характеризуют незрелость рынка российского ИТ-услуг и в то же время значительный потенциал информационных технологий в качестве инструмента решения бизнес-задач¹.

Сам по себе сегмент ИТ-услуг растет быстрее ИТ-рынка в целом. Основным фактором такой динамики развития ИТ-рынка служит «фактор нефти», который практически полностью определяет экономическое и социальное благополучие современной России. Именно этот и никакой другой фактор позволял российским высокотехнологичным организациям, особенно ИТ-компаниям, предоставлять свои услуги прочим агентам экономики.

Уровень проникновения ИТ в экономику регионов непрерывно повышается, но в настоящее время региональный ИТ-рынок еще далек от насыщения. Это объясняется тем, что не все потребности компаний региона в сфере ИТ решены. Чтобы экономика стабильно развивалась, компаниям необходима качественная опора в виде современных ИТ-решений. Поведение регионов РФ на рынке ИТ-услуг в значительной мере определяется уровнем их экономического развития. Структура спроса регионов на ИТ-услуги в настоящее время остается неэластичной в связи со слабой конкуренцией в регионах и стабильным доминированием Москвы как основного потребителя ИТ-услуг. Для высокодоходных регионов типичны завышенные расходы на ИТ-услуги, тогда как предприятия с низкими доходами в регионах России рассчитывают только на свои силы.

Спрос на ИТ-услуги в регионах определяется тремя основными факторами: общим уровнем экономического развития, участием региона в реализации государственных федеральных программ и проектов (например, «Электронная Россия, 2002—2010 гг.»), структурой экономики региона и насыщенностью спроса на сервисы ИТ-консультантов и интеграторов. Если в стабильных условиях основным фактором спроса является общий уровень развития экономики региона, то в условиях кризиса все более заметным становится влияние других факторов. Спрос на ИТ-услуги все больше отражает отраслевую структуру региональных экономик, а также общее развитие их уже созданной ИТ-инфраструктуры².

С учетом географической распределенности ИТ-проектов стабилизация этого рынка произойдет через три-четыре года. В настоящее время основные потребители ИТ-услуг сосредоточены в центральном регионе, региональные проекты зачастую иницируются из Москвы или Санкт-Петербурга, хотя в регионах появляется все больше специалистов, способных самостоятельно реализовать крупные проекты и предоставлять качественные ИТ-услуги. Что касается Бурятии, то сейчас здесь отмечается большой спрос на ИТ-решения со стороны региональных органов государственного управления, торгово-розничных компаний, банков, телекоммуникационных компаний. По поводу компаний среднего и малого бизнеса — ими информационные технологии пока еще не очень востребованы.

Наибольшие затраты на ИТ-услуги были сконцентрированы в г. Москве (31,1 %), Уральском (17,5 %) и Приволжском (16,6 %) федеральных округах. И это неудивительно, так как именно эти регионы являются центрами машиностроения, нефтегазодобычи, обрабатывающих производств. Что касается Москвы, то здесь сосредоточены штаб-квартиры практически всех ключевых сырьевых монополий. Кроме того, Москве нет равных по размеру сферы услуг и розничной торговли с сильными предприятиями всех обслуживающих отраслей (бытовые, финансовые услуги, торговля, индустрия развлечений и т. д.). При этом следует отметить, что в 2008 г. по сравнению с 2007 г. произошло некоторое снижение доли столицы на фоне других регионов — с 41,5 до 31,1 %.

В целом по России и Сибирскому федеральному округу за период 2006—2008 гг. наблюдался рост затрат, связанных с информационными технологиями в абсолютном и относительном выражениях. Наибольший скачок произошел в 2008 г. в Республике Бурятия (ИТ-затраты увеличились в 2 раза) с 1,4 до 3,2 млрд руб., несмотря на снижение в этом году темпов роста ВРП на душу населения, хотя еще в 2006 г. для ИТ-затрат было характерно снижение (на 1,4 % — в Республике Бурятия и на 53,8 % — в Иркутской области). Этот скачок на российском рынке, особенно на рынке Бурятии, обусловлен стабилизацией экономической ситуации, а также реализацией национальных проектов «Электронная Россия». В 2007 г. затратам на ИТ-услуги также был присущ рост (Россия — 122,5 %, Сибирский

федеральный округ — 152,4 %). К этому виду ИТ-затрат наиболее интенсивно прибегала Республика Бурятия, ее темпы роста в 2007 г. по сравнению с 2006 г. составили 417 % (увеличение с 0,07 до 0,3 млрд руб.). Такой бурный рост вызван тем, что предприятия Бурятии только начали предъявлять спрос на такой вид услуг, т. е. рынок начинает только формироваться. Иркутская область в 2007 г. имела тот же уровень ИТ-затрат, что и Бурятия, но ее темпы роста в 2007 г. составили всего 103,6 %. Однако в 2008 г. темпы роста затрат на ИТ-услуги на рынке Бурятии уменьшились до 175,8 %, а на рынке Иркутской области, наоборот, выросли до 222,5 %. Дело в том, что сегмент ИТ-услуг представляет собой сервисную отрасль, которая оказывает услуги различным секторам экономики. Поэтому динамика рынка ИТ-услуг качественно повторяет динамику ВРП с некоторым отставанием по времени, который в период 2006—2008 гг. рос.

В 2008 г. наибольшую долю в ИТ-затратах в России и регионах Сибирского федерального округа занимали расходы на приобретение вычислительной техники и оплату услуг связи (более 25 %). Причем расходы, связанные с оплатой услуг связи, занимают наибольший удельный вес в структуре ИТ-расходов в Республике Бурятия и Иркутской области (29,6 и 28,5 % соответственно). В свою очередь высокая доля расходов на приобретение вычислительной техники (особенно в Забайкальском крае — 57,6 %) свидетельствует о низком уровне информатизации регионов. В данном случае информатизация осуществляется в основном за счет расширения компьютерного парка, а не за счет создания и внедрения информационных систем. Высокий уровень расходов, связанных с оплатой услуг связи (более 33 %), по всему Сибирскому федеральному округу говорит о высоких тарифах на использование интернет-технологий и мобильной связи. Невысокая же доля затрат на ИТ-услуги в Республике Бурятия (16,5 %) по сравнению с другими регионами Сибирского федерального округа и России связана с начальным этапом формирования отрасли в регионе, а также с завышенными затратами на ИТ-услуги, вызванными недостаточной конкуренцией внутри рынка ИТ-услуг.

Несмотря на негативные факторы, влияющие на развитие ИТ-рынка в Бурятии, он становится более насыщенным, а

ежегодный рост составляет порядка 20 %. Это означает, что республиканский рынок ИТ-услуг имеет потенциал развития.

В настоящее время ИТ-рынок Бурятии пока формируется. Для него характерен ряд черт.

Во-первых, это высокий потенциал роста. С точки зрения потенциала роста рынка информационных технологий Бурятия значительно отстает от других регионов СФО. Это связано с отсутствием больших промышленных компаний добывающего, обрабатывающего и других секторов. Но активный рост частных организаций и поддержка со стороны местных властей положительно сказываются на перспективах успешного предложения ИТ-решений. Пока насыщение ИТ-рынка скорее имеет количественный, а не качественный рост³.

Во-вторых, это недостаточное количество специализированных компаний для создания конкурентной среды на внутреннем рынке. ИТ-рынок Бурятии представлен в основном либо небольшими компаниями, ориентирующимися на ИТ-поддержку, либо филиалами из других регионов. Отсутствие большого количества корпораций влечет за собой то, что основными клиентами ИТ-услуг являются малые и средние предприятия, мало интересующиеся ERP-системами. В этом сегменте пользуются спросом локальные вычислительные сети, подключенные к Интернету, CRM и узко специализированное программное обеспечение для автоматизации документо-оборота и бухгалтерии.

В-третьих, это низкий уровень прозрачности рынка. ИТ-рынок Бурятии в основном представлен региональными представительствами, внутренними службами или предприятиями, основной деятельностью которых не является предоставление ИТ-услуг. Это затрудняет исследование рынка ИТ-услуг. Помимо указанной проблемы, существует и методологическая, связанная с отображением информации в статистических сборниках.

В-четвертых, это низкий уровень использования информационных технологий предприятиями Бурятии, который проявляется в низком уровне вовлеченности в ИТ-сферу аграрного и промышленного секторов экономики, низком уровне компьютеризации региона (на 100 чел. — 29 компьютеров), а также низкой вовлеченности компаний Бурятии в сферу ИТ в связи с незрелостью бизнес-процессов.

В условиях кризиса наблюдается значительное падение рынка ИТ-услуг. Однако даже в условиях кризиса нельзя отказаться от финансирования информационных технологий, так как существующая инфраструктура требует постоянной поддержки и оптимизации.

Анализ сложившейся ситуации и тенденций развития позволяет прогнозировать некоторые изменения в структуре ИТ-рынка Бурятии. В сегменте консалтинга и аутсорсинга ИТ будет формироваться значительный потенциал роста. Ускорение в развитии сегмента ИТ-услуг будет обусловлено стремлением заказчиков минимизировать свои затраты за счет оптимизации бизнес-процессов. Вполне вероятно также незначительное развитие сегмента ИТ-услуг относительно падения доли доходности от продаж оборудования и программного обеспечения.

С одной стороны, с повышением общего уровня развития компаний Бурятии произойдет переориентация республиканских компаний на более дорогостоящие ИТ-решения (в среднесрочной перспективе), с другой — сегмент ИТ-услуг (консалтинга и аутсорсинга) в условиях кризиса имеет значительный потенциал развития, так как именно такая форма бизнеса является менее затратной для заказчиков.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Антохонова И.В., Полухина О.А. Статистический анализ структуры российского рынка ИТ-услуг // Ежегодный сб. МЭСИ. М., 2009. С. 11.

² См.: Карачаровский В.В. Рынок ИТ-услуг: консалтинг, интеграция, аутсорсинг, 2009// CNews Analytics: интернет-издание о высоких технологиях. URL: <http://www.cnews.ru/reviews/free/itservice2008/articles/region.shtml> (дата обращения: 11.01.2010).

³ См.: Куц И. Цифровой регион: ИТ-рынок Челябинской области// Connect. Мир связи: бизнес-журнал об информационных технологиях. URL: <http://www.connect.ru/article.asp?id=9141> (дата обращения: 15.01.2010).

Поступила 12.04.10.

И. О. НАДТОЧИЙ

НАУЧНАЯ ЭТИКА В СВЕТЕ ФИЛОСОФИИ: ОПЫТ ВОРОНЕЖСКОЙ ШКОЛЫ ЭТИКИ

Ключевые слова: этика, образование, наука, религия, философия, русская философия, философская этика

Key words: ethics, education, science, religion, philosophy, Russian philosophy, philosophic ethics

Проблемы образования волнуют сегодня не только профессиональное сообщество педагогов. Это предмет заботы и размышления широкого круга гуманитариев различных специальностей. Общемировые тенденции гуманитарной науки таковы, что идет интенсивный поиск возможностей *интеграции этического знания в сферу образования*. Р. Г. Апресян полагает, что «нравственное и этическое содержание должно проникать в самые разные части учебного плана. В идеале, этика должна реально стать частью социально-гуманитарного образования»¹. Важность этики для образования, культуры, социальной жизни осознается научным сообществом, результатом чего стало создание крупных этических организаций под эгидой ЮНЕСКО. Это является свидетельством повышения социального и культурного статуса этики.

Западноевропейская философия в XX в. сделала значительный поворот в сторону этики. Достаточно показательным является мнение Й. Хейзинги: «Общая оценка культуры как высокой или низкой определяется, по-видимому, в глубине своей не интеллектуальным и не эстетическим мериллом, а этическим и духовным. Культура может называться высокой, если даже она не создала техники или скульптуры, но ее так не назовут, если ей не хватает милосердия»².

Таким образом, актуальность повышения уровня этического самосознания в образовании и культуре представляется очевидной. При этом возникает одна методологическая

НАДТОЧИЙ Игорь Олегович, заведующий кафедрой философии Воронежской государственной лесотехнической академии, кандидат философских наук, доцент.

сложность, когда речь заходит об интеграции этического знания в современный образовательный процесс. Эту ситуацию можно охарактеризовать в терминах *этической эклектики*, поскольку мировоззренческий плюрализм в культуре обернулся не только *аксиологическим релятивизмом* и *нигилизмом*, но и действительно важным вопросом о мировоззренческих критериях, на которых основывается построение той или иной этической теории.

В этом контексте следует поделить опыт теоретического обоснования необходимости преподавания именно философской этики в программе вузовского курса. Это теоретическое и практическое обоснование сложилось в рамках *воронежской школы философской этики*³. Здесь сформировался определенный стиль мышления, определенный взгляд на *онтологическую взаимосвязь этики и философии*, в основании которого находятся фундаментальные установки отечественной нравственной философии.

Ежегодно в Воронежском государственном университете и Воронежской государственной лесотехнической академии проводятся научно-практические конференции, защищаются диссертации, выпускаются коллективные сборники и монографии. В разные годы в работе конференций принимали участие современные философы-этики и историки русской философии из разных регионов.

Главный теоретический постулат воронежской региональной школы заключается в том, что *философская этика радикально отличается от научной и религиозной*. Думается, что этот опыт может быть широко использован в практике современного вузовского преподавания этики, поскольку преодолевает крайности сциентистско-позитивистского и радикально религиозного отношения к этике, философии, к жизни человека в целом.

Основная проблема здесь заключается в том, что, несмотря на высокий уровень духовно-культурного универсализма, заключенного в этике, в этическом мировосприятии в целом, в ходе исторического развития этического знания четко выделяются *научная, религиозная и философская этика*. Их критерии, основания и картины мира существенно различаются. Оставим в стороне религиозную этику и обратим внимание на научную этику, поскольку именно она является доминирующей в современном преподавании этики.

Когда говорят о *соотношении этики и науки*, то, как правило, речь идет о трех вещах: во-первых, ставится вопрос о том, является ли сама этика наукой или нет; во-вторых, ставится вопрос об этической нейтральности науки; в-третьих, говорится о проблемах этики той или иной науки, т. е. о профессиональной этике.

Относительно того, является ли этика наукой, можно сказать, что она является (или не является) наукой в той мере, в какой является (или не является) наукой сама философия. Это вопрос неоднозначный, всегда вызывавший бурные дискуссии сторонников и противников, считать ли философию наукой или нет. С нашей точки зрения, философия — не наука, и в этом ее интеллектуальная, духовная и культурная самобытность. В любом случае полагание философии наукой лишает философию нечто существенного, бытийно-глубинного, что отличает ее от других форм духовной деятельности (от науки, религии, искусства). О философии в ее существовании достаточно полно и определенно высказался М. Хайдеггер: «Философия не происходит от мифа. Она происходит лишь из мышления в мышление. Но мышление есть мышление бытия. Мышление не производит, коль скоро существует бытие. Однако падение мышления в науку и в веру — вот злая судьба бытия»⁴. Это определение свидетельствует о самостоятельном, независимом от науки и религии предметном поле философии.

Относительно *этической нейтральности науки* довольно веские аргументы высказал П. А. Сорокин: «Всякая этическая оценка науке как науке чужда. Чужда потому, что оценка не связана сущим (бытие определенного факта ничуть не мешает признать его морально-отрицательным); потому что логическая необходимость и этическая необходимость — две вещи разные; потому, наконец, что этическая необходимость субъективна и логически не доказуема, и обратно, логически правильное утверждение может быть признано „вредным“, „безнравственным“, этически ложным и недопустимым»⁵.

Однако есть *научная этика* как особая духовная практика, которой придерживается большинство людей, не имеющих никакого профессионального отношения к науке. Наука и этика, как заметил Л. И. Шестов, глубоко переплетены: «мораль научна — наука моральна». Это особенность и научного, и философского мышления современной

эпохи. Наука в морали получает свою оправданность, а мораль в науке — свою достоверность. «Нравственность и наука — родные сестры, родившиеся от одного общего отца, именуемого законом или нормою»⁶. Но это возможно лишь в том случае, если этику строить по типу науки, т. е. полагать знание блага эмпирического мира известным и определяющим.

Ситуация трансформации этики в науку, теорию, оторванную от реальной жизни с ее духовно-нравственными запросами А. А. Гусейнов объясняет тем, что «...философия передала свои этические полномочия сперва теологии, потом науке, ограничив себя по преимуществу познавательными задачами — общей теорией, методологией, логикой, техникой мысли. Она как бы сняла с себя ответственность за рай. Это значит: она стала понимать себя как мысль, но не как жизнь. Она оторвала мысль от жизни»⁷. Этика превращается из *практической мудрости* в *теорию жизни*, что можно назвать *научной этикой*. Именно в таком виде этика и стала академической дисциплиной в образовательном процессе современной высшей школы.

Этика становится наукой (первоначально философской), когда происходит разделение философии на различные части (логику, физику, этику), с дальнейшей дифференциацией на конкретные науки (политику, поэтику, риторику, экономику и т. д.). Прежде чем стать наукой, этика была «практической философией», т. е. таким умозрением, которое ставит на первое место достижение правильной, истинной, подлинной жизни.

Диоген Лаэртский так описывал древнейшее состояние философии, ставшее классическим: «Одни философы называются физиками, за изучение природы; другие — этиками, за рассуждение о нравах; третьи — диалектиками, за хитросплетение речей. Физика, этика и диалектика суть три части философии; физика учит о мире и обо всем, что в нем содержится; этика — о жизни и о свойствах человека; диалектика же заботится о доводах и для физики, и для этики»⁸. Диалектика обеспечивает логическую форму верного рассуждения о жизни, само же этическое содержание истинной жизни она не затрагивает. Это исключительно внутренний вопрос философии, затрагивающей смысло-жизненные глубины человеческого духа.

Однако в ходе развития западноевропейской философии рационалистическая традиция, т. е. логическое обоснование и оправдание метафизики и этики, стала определяющей. Во многом это было связано со схоластической интенцией найти рациональные доказательства Бытия Божьего, что задало философии служебную роль по отношению к теологии. Философия потеряла пространство своего автономного бытия, став по-преимуществу *ancilla theologiae*.

В эпоху господства *позитивистской парадигмы* (не только в философии и науке, но в целом в культуре) философия окончательно теряет свою функцию практической жизненной мудрости, становясь системой рациональной аргументации для подтверждения истинности «научной картины мира». Обслуживание философией нужд науки приводит к *абсолютизации самой науки*. Возникает идея научного прогресса, имеющего исключительно социально-эмпирическое, а не онтологическое измерение.

Об этом убедительно говорит М. Хайдеггер. Он пишет: «Употребляя сегодня слово „наука“, мы имеем в виду нечто в принципе иное, чем *doctrina* и *scientia* Средневековья или „эпистеме“ греков. Греческая наука никогда не была точной, а именно поэтому, что по своему существу не могла быть точной и не нуждалась в том, чтобы быть точной. Поэтому вообще не имеет смысла говорить, что современная наука точнее античной. Так же нельзя сказать, будто галилеевское учение о свободном падении тел истинно, а учение Аристотеля о стремлении легких тел вверх ложно; ибо греческое восприятие сущности тела, места и соотношения обоих покоится на другом истолковании истины сущего и обуславливает соответственно другой способ видения и изучения природных процессов. Никому не придет в голову утверждать, что шекспировская поэзия пошла дальше эсхиловской. Но еще невыносимее говорить, будто новоевропейское восприятие сущего вернее греческого. Если мы хотим потому понять существо современной науки, нам надо сначала избавиться от привычки отличать новую науку от старой только по уровню, с точки зрения прогресса»⁹.

А. Ф. Лосев показал механизм *превращения «чистой науки» в «реальную науку»*, в результате которого она стала богословием материализма. Чистая наука, наука как таковая, нуждается лишь в гипотезе и замене одной гипотезы на

другую. Реальная наука, которая «...всегда несет на себе многочисленные свойства, зависящие от данной исторической эпохи, от лиц, реально ее создающих, от всей фактической обстановки»¹⁰, в итоге *гипостазирует* свои категории, подменяя живую, таинственную и непостижимую реальность бездушной научной схемой.

В результате мы имеем дело не с реальностью как таковой, а с реальностью, отраженной в научном сознании, отфильтрованной через сито априорно-апостериорных постулатов, чей коэффициент искажения прямо пропорционален неустраняемому субъективизму научного мышления как мышления в конечном счете человеческого.

В недрах абсолютизированной науки появляется научная философия и формируется научная этика, которая строится по тем же принципам, по которым строится наука. Научная этика — это этика, построенная по принципу науки, т. е. сообразно тем нормам, принципам, канонам, которые характерны именно для науки. Основным для науки является *знание фактов этого мира* и построение на этой основе системы мироистолкования. Если этика строится по типу науки, то для нее главным является *знание блага этого мира* и методы его достижения.

Таким образом, научная этика — это не этика науки, не этические принципы, которых должен придерживаться ученый в своей профессиональной деятельности; научная этика в нашем понимании вырабатывает всеобщие принципы жизни, основывающиеся на научных (физиологических, материалистических, натуралистических), т. е. *посюсторонних* представлениях о жизни. Это система ценностей, отрицающая метафизику как принцип и объяснение мира, метафизику и как философию, и как теологию. Это этика здравого смысла и обыденного создания, для которой определяющим является прагматизм, утилитаризм и гедонизм.

В. И. Несмелов высказал свои соображения относительно отличия положительной науки от философии: «Что же такое человек? Положительная наука, на основании всех своих опытов и экспериментов, не может решить этой великой загадки философии. Она может говорить только о костях и жилах, о мускулах и нервах, т. е. в направлении философского вопроса она может рассматривать человека лишь в качестве добычи для могильных червей... Следовательно,

звучие вопросы о том, чего следует желать человеку *во имя его человечности* и как ему следует жить *по истине его человечности*, в пределах положительной науки не могут даже и ставиться; потому что в этих пределах ведома одна только животность, говорить же о человечности, по всем данным современной науки, серьезным людям не полагается. И все-таки серьезные люди всегда говорили о конечных вопросах мысли и жизни, ставили и решали эти вопросы и деятельно создавали философию как специальную науку о человеке»¹¹. Наивно предполагать, что вопросы, волновавшие Экклезиаста, Иова, Царя Давида, Сократа, Августина, Ницше, Достоевского и других мыслителей, являются ненаучными. И наоборот, обладая эти люди самыми передовыми и совершенными научными знаниями, разве это могло как-то повлиять на суть их вопросов, которые получили статус «вечных» и «проклятых», не решать которые человек не может в силу того, что он человек.

В этом смысле неправомерно критиковать чистую науку как науку, но стоит самым серьезным образом возразить на претензии науки стать мировоззрением, иначе это вторжение в ту интимную духовную глубину человека, о которой знает лишь философия, искусство и религия. Поэтому некорректно говорить об особой научной этике, могущей предложить «правильные» ответы на вечные вопросы человеческого духа. Следует говорить прежде о человеке и его нравственном состоянии безотносительно к тому, какая у него профессия, какое мировоззрение. Профессиональная этика — не совсем правильное название, поскольку если профессиональная, то уже не этика, а служебные обязанности, а если этика — то универсальная, но не профессиональная.

В традиции русской философии проблемы нравственной философии, взаимодействия веры и разума, науки и религии всегда были в центре внимания. Отечественной философии не был присущ католический восторг перед возможностями научного познания. Наука здесь не отрицается, но занимает совершенно определенное (отнюдь не главенствующее) место в иерархии духовных ценностей. Можно упомянуть Н. Ф. Федорова с его критикой современной сциентизированной культуры («замкнутого сословия» ученых), потерявшей высшую цель научного познания; Ф. М. Достоевского, ужасавшегося абсурдностью мира, созданного научным детерминизмом;

В. С. Соловьева с его критикой позитивистского мышления; невысокую оценку С. Н. Булгакова научного «метода неверия»; В. В. Зеньковского, указавшего на недоступность для науки идеи фундаментальной поврежденности мира, и, соответственно, исключаящую категорию «болезнь» при изучении природы; критику Н. А. Бердяевым «объективированного» познания, достигающего в науке наивысшей степени; трактовку Л. И. Шестова научного знания как духовного падения человека и невозможность для разума осилить тайны библейской веры; раскрытие А. Ф. Лосевым мифологичности и догматичности классической науки; попытку М. М. Бахтина преодолеть засилье гносеологизма в современной культуре и т. д.

О подлинной науке высказал много глубоких мыслей И. А. Ильин, строго разделяя «*трезвую, разумную науку*» и «*заносчивую и скудоумную полунауку*». Философу принадлежит ряд принципиальных положений, очерчивающих границы компетенции научного познания и указывающих на истинный смысл деятельности ученого. И. А. Ильин определял умонастроение истинного ученого следующим образом: «Всю свою жизнь ученый стоит перед великой тайной видимого и невидимого мира, перед бесконечной глубиной и сложностью Богом созданного Предмета — и созерцает эту живую тайну и глубину и старается воспринять ее и исследовать»¹². Он формулирует кредо *честной науки*: «Мир полон чудес Божьих — вот древняя мудрость, которая не увянет во веки веков. Никакие научные исследования не отнимут у нее ничего; они только возобновят и подтвердят ее с новой силою. Так было, так и будет. Никакое наблюдение не лишит богосозданного чуда его глубины и значительности; никакое мышление и познание и объяснение не погасит его необъясненной таинственности»¹³.

Таким образом, подлинная наука заключается в том, чтобы через научные открытия раскрывать больший объем таинственности и непостижимости мироздания и тем самым человека делать более философски вовлеченным в процесс его метафизического постижения. Это как раз то, что испытал Г. Ионас, когда по-философски прикоснулся к биологии, которая, по его словам, позволила открыться «чуду царства живого, его развитию, богатству его образов, способов функционирования, эшелонированности — всей

этой пребывающей посреди неорганической природы авантуре органического существования, ранимого и бесконечно изобретательного, удерживающего баланс меж бытием и небытием в состоянии равновесия»¹⁴. Это научное удивление не равно философскому, ибо наука стремится найти однозначно-непротиворечивый ответ, создав систему точного знания, в то время как философия только ставит вопросы, стимулируя человеческий дух на вечное вопрошание, что делает его человеком.

Научная этика хочет найти ответ, философская только вопрошает, научная этика знает, что такое благо, что хорошо и что плохо, философская — не знает, по крайней мере, сомневается. Научная этика стремится к точности и однозначности, философская останавливается на непостижимости мироздания и человеческого бытия в нем, ей в большей степени присуща образность и символизм, иногда молчание. Научная этика снимает нравственную напряженность, философская обостряет. Научная этика рассуждает всегда во втором и третьем лице, философская всегда переживает, это размышление в первом лице. Научная этика анализирует страсти, исследует добродетели и пороки, выявляя их происхождение, структуру, свойства, и предлагает способы обуздания излишеств и преодоления крайностей.

С этой точки зрения строить *этику на научной основе* не совсем правомерно, поскольку наука сама по себе есть инструмент, средство для достижения определенных целей, задаваемых внутренними критериями самой науки. Наука ничего не может сообщить о *ценности* или *цели мира*, о его духовной значимости и смысле. Проблема с научной этикой начинается тогда, когда наука начинает претендовать на мировоззренческую роль, т. е. когда наука стремится выполнить функции философии и религии. Именно здесь происходит непримиримый конфликт двух картин мира — научной, описывающей свою «научную» реальность, и человеческой, связанной с глубинными вопросами человеческого духа о смысле жизни и смерти.

На эти вопросы наука ответить не может, она не может даже их поставить. Поэтому только философия, вернув свое исконное назначение, может приблизить человека к тому уровню и пределу, с которого и начинается подлинное человеческое бытие. И этика, если в ее задачу входит из-

начальное проявление смыслового и духовно-нравственного содержания жизни, должна, на наш взгляд, существовать лишь в качестве философской этики. И только лишь в таком качестве она будет наиболее продуктивна в современном процессе образования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Апресян Р.Г. Этика в высшем образовании // Сектор этики Института философии РАН. URL: [hptt://ethicscenter.ru/ed/kaunas/apr1.html](http://ethicscenter.ru/ed/kaunas/apr1.html) (дата обращения: 22.01.2010).

² Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М.: Прогресс, 1992. С. 259.

³ См.: Варава В.В., Фетисов В.П. Этика и русская философия // Вопросы Философии. 2007. № 8. С. 167—171; Варава В.В. Единство и многообразие русской философии // Вопросы философии. 2009. № 2. С. 167—171.

⁴ Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге: сборник. М.: Высш. шк., 1991. С. 52.

⁵ Сорокин П.А. О русской общественной мысли. СПб.: Алетейя, 2000. С. 68.

⁶ Шестов Л.И. Апофеоз беспочвенности. М.: Фолио, 2001. С. 326.

⁷ Интервью с академиком РАН Абдусаламом Абдулкеримовичем Гусейновым // Философия и этика: сб. науч. тр. К 70-летию академика А.А. Гусейнова. М.: Альфа-М, 2009. С. 26.

⁸ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1986. С. 59—60.

⁹ Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 42.

¹⁰ Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М.: Правда, С. 413.

¹¹ Несмелов В.И. Наука о человеке // Русская религиозная антропология. Т. I: Антол. / сост. Н.К. Гаврюшин. М.: Моск. филос. фонд, 1997. С. 214—215.

¹² Ильин И.А. Путь к очевидности // Ильин И.А. Собр. соч.: в 10 т. М.: Рус. кн., 1994. Т. 3. С. 467.

¹³ Там же. С. 547.

¹⁴ Йонас Г. Наука как персональный опыт // Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации. М.: Айрис-пресс, 2004. С. 28.

Поступила 04.05.10.

О. Е. НАСАКИН

КУЛЬТУРА И ТВОРЧЕСТВО В ДУХОВНОЙ ТРАДИЦИИ РОССИИ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Ключевые слова: творчество, ценность, традиция, Россия, общество, социум, мировоззрение, духовность, ориентир, человек, прогресс, цивилизация

Key words: creative work, valuables, tradition, Russia, society, socium, ideology, spirituality, orientating point, person, progress, civilisation

Современный россиянин чувствует себя неуютно в мире, с которым нет духовной связи. Ощущение изгнанника или путника, потерявшего дорогу, все более наполняет его жизнь. Однако вне поля зрения ученых остается тот факт, что ценностная установка на человека солидарного, а не эгоистического, атомарного имеет в России глубокие корни, сформировалась исторически, поддерживалась религиозными особенностями православия и не была разрушена за годы советской власти. Она, а также другие ценностные ориентиры и нормы, вошедшие в культурную традицию России, не могут не учитываться при разработке идеологии «честного бизнеса», необходимость которой бесспорна, в противном случае частнопредпринимательская активность вырождается в «экономический беспредел» и спекуляцию. Не подражание или слепое заимствование у Запада, а собственные культурные традиции, социальный опыт предшественников, духовный, нравственный потенциал народа способны стать источниками не просто социальной активности, а творчества.

Без критического, глубокого анализа нельзя принимать в качестве безусловной задачи общества задачу формирования творческой личности. Прежде это касается социальных институтов, связанных с процессом становления личности (семья, школа, вуз). Необходимо не просто продеклари-

НАСАКИН Олег Евгеньевич, аспирант кафедры философии для гуманитарных специальностей Мордовского государственного университета.

ровать, но и всесторонне обосновать ценность творчества, индивидуально-личностного начала в социальном развитии, в том числе и традицией многовекового развития России, отразившейся в богатстве ее духовной, в том числе философской культуры.

Творчество, понятое как родовая, сущностная характеристика человека, реализуется посредством универсальной активности, в процессе которой изменяется окружающий человека мир, создаются новые, социально-значимые вещи, предметы, ценности, а также преобразуется природная и социальная действительность, не удовлетворяющая человека. Одновременно в процессе такой деятельности происходит обновление самого человека, реализация его способностей и дарований, утверждение в мире его «самости», своеобразия, самобытности. Следовательно, творчество — это такой способ бытия человека, который связан не только с преобразованием, обновлением внешнего мира, созиданием в нем ценностей, но и с «деланием себя», развитием своего духовного мира (хотя более правильным было бы говорить о преображении творчеством всего человека в единстве его духовных и телесных качеств).

Есть два весомых аргумента, ставящих под сомнение при таком истолковании творчества его оценку как безусловного блага, пройти мимо которых нельзя. Необходимо принять во внимание критическую установку на творчество, проанализировать аргументы «против» и на этой основе отрефлексировать (конкретизировать, дополнить, уточнить и т. п.) предложенное выше определение творчества.

Поскольку в основе творчества лежит активная, преобразовательная деятельность человека, то обоснование творчества как ценности выступает проявлением технократической мировоззренческой установки, негативные последствия которой в природной сфере хорошо известны. Научно-технический прогресс эпохи индустриализации, который преимущественно и сформировал эту мировоззренческую ориентацию, основан на отношении к природе как к материалу для преобразований: природа — поле для активной человеческой деятельности, неисчерпаемый источник ресурсов, не Храм, а мастерская для человека-творца. Если учесть, что ценностная ориентация на покорение и подчинение природы, на переделку и переустройство мира сегодня превращает в

материал для манипуляций и сам человеческий организм, то мнение о грозящей нам экологической катастрофе не будет казаться сильно преувеличенным. Отсюда делается вывод, что поскольку творчество технологично, то оно антиэкологично. Человечество, чтобы выжить, должно войти в XXI в. не с лозунгом творческого переустройства несовершенного мира, не с пафосом свободной самореализации, а с чувством трезвой умеренности, мудрой нетребовательности, с пафосом самоограничения и т. д. Творческому подходу к миру противопоставляется экологический как наиболее притягательный и предпочтительный, дающий человечеству шанс для дальнейшей истории.

За противопоставлением творчества экологии стоит искусственное, ничем теоретически не оправданное, но исторически проявившееся, а к настоящему времени уже исчерпавшее себя. Имеет место размежевание двух типов отношения человека к миру: преобразовательного, зачастую отождествляемого с творческим, и созерцательного, охранительного, которое если и не противопоставляется творчеству, то и с сутью его тоже не связывается. Для философской концепции творчества важно понимание органического единства двух типов отношения к миру: преобразовательного и созерцательного, которые в единстве и образуют то, что называется творческим бытием человека (или творчеством как способом бытия человека в мире). А для семьи, школы, вуза актуальной будет задача формирования в человеке не только деятельного, волевого начала, но и начала созерцательного, охранительного, предполагающего. Важным является и воспитание экологической культуры. Творческая личность — это личность с развитым экологическим сознанием, экологически ориентированная в делах и поступках. Экологический императив «то, что хорошо природе, хорошо и для человека» должен стать ценностным ориентиром творчества.

Аргумент, ставящий под сомнение оценку творчества как блага, связан с пониманием этого явления не просто как одного из свойств, качеств человека, а как его родовой, сущностной характеристики. Такая постановка вопроса перерастает в рассмотрение творчества в качестве высшей ценности, оправдывающей человеческое бытие, придающей ему смысл. Творчество как призвание, предназначение че-

ловека — не является ли такая установка на творчество его фетишизацией? Не превращается ли творчество при таком подходе в самооценную, продуцирующую демонов и «сверхчеловеков»?

Хорошо известна точка зрения антропоцентризма с его претензией на то, что человек господин и властелин мира, призванный улучшить, исправлять его. Эпоха Возрождения, в которой антропоцентрическое мировоззрение проявило себя наиболее ярко, отвергая Бога, всякую сверхчеловеческую святость, обожествляет человека, признает высшей святостью. Творческое начало отнимается у Бога и передается человеку. Не в укорененности в Космосе, как человек античности, не в союзе с Богом, как человек Средневековья, а в себе самом человек Возрождения ищет поры своему существованию.

Отдавая дань гуманистическому пафосу эпохи Возрождения, нельзя не видеть оборотной стороны возрожденческого титанизма — крайнего индивидуализма, эгоцентризма, доходящего до аморализма и духовного авантюризма. Яростное самораскрытие личности, пафос возрожденческой свободы, активное творческое начало обернулись разгулом страстей, своеволием, распушенностью, цинизмом, жестокостью, т. е. пренебрежением моралью. Такое приобретение западноевропейской культуры, как идея «сверхчеловека», стоящего «по ту сторону добра и зла», корнями своими уходит в Ренессанс. Ф. Ницше выступил с открытой проповедью демонического начала в человеке. Его сверхчеловек носит в себе все, что есть в реальности страшного и загадочного. Но, как считает Ницше, «только при этом условии в человеке может быть величие...»¹. Он взывал к звериному в человеке, восславил зло как высшее благо. Обрушив критику на добрых и справедливых за то, что они ненавидят творящих, Ницше призвал созидателей к переоценке ценностей, дал им право создавать новые ценности. «...Кто должен быть творцом в добре и зле, поистине, тот должен быть сперва разрушителем, разбивающим ценности. Так принадлежит высшее зло к высшему благу: а это благо есть творческое»². И если Ф. Ницше с упоением и даже восторгом пишет о «сверхчеловеке», то Ф. М. Достоевский, устами Раскольникова задав вопрос «Тварь ли я дрожащая, или право имею...?», ужаснулся той пропасти, к

которой подошел его герой, и всю свою жизнь искал пути ее преодоления.

Н. А. Бердяев поставил задачу не просто проанализировать творчество, а жизнь человека оправдать творчеством, религиозно обосновать его творческое призвание, приравняв творчество к святости³. Такого рода установку критически оценил и не принял С. Н. Булгаков, посчитав этот сюжет нехристианским, а бердяевскую мысль о творчестве — демонической. Бердяев упрекает ортодоксальное христианство в ветхозаветности, ограниченности его религией Закона и Искупления. Необходимо, с его точки зрения, новое религиозное сознание с откровением творчества, где благодать будет дана человеку не от Бога, сверху, а от самого человека. Но именно здесь и почувствовал опасность человекобожия С. Н. Булгаков. Однако это не значит, что он и близкие ему по духу философы (П. А. Флоренский, И. А. Ильин, Н. О. Лосский) отрицали творчество человека.

С точки зрения С. Н. Булгакова, творчество есть атрибутивное качество Бога и призвание человека в мире, не творчество в его метафизическом, изначальном, онтологическом смысле, а служение, послушание на пути к Богу. Но человек идет по этому пути и обретает благодать как существо, обладающее свободой воли и ведомое любовью к Богу, и потому — творческое. Иными словами, понимание человеческого призвания как послушания не отвергает творчества человека, но делает его вторичным. Творчество человека, освященное высшей мировоззренческой идеей (идеей Бога), оказывается богочеловеческим сотворчеством. И хотя Н. А. Бердяев резко критиковал гуманистическую антропологию с ее идеей утвердить правду о человеке без правды о Боге, однако считал, что безбожный гуманизм бесчеловечен⁴. В то же время он высоко оценил Ф. Ницше, посчитав его «предтечей новой религиозной антропологии». Думается, не без влияния Ницше творчество в трактовке Н. А. Бердяева начинает тяготеть к беспредельному, безосновному, безграничному, бездонному, грозит превратиться в самооценную, не нуждающуюся ни в чем. «...Бог ждет от человека такого откровения свободы, в котором открыться должно не предвиденное самим Богом»⁵. Этот тезис Н. А. Бердяева не мог не насторожить С. Н. Булгакова и других философов, предостерегавших против перерождения творческого начала в демоническое.

Творчеству только тогда перестает грозить опасность трансформации из ценности в самоценность, производящую демонов и сверхчеловеков, когда оно обретает содержательность, определенность. Творчество не может быть последним камнем в фундаменте человеческого бытия, высшей и безусловной ценностью. Имея отношение к сущности человека и определяя его призвание (или образ жизни на пути к призванию, понятому как послушание), творчество само нуждается в определенности. Без высшей цели и позитивного содержания творчество превращается в ничто, в небытие (его просто нет как творчества, есть его имитации, подделки, превращенные формы и т. п.). Наличие высшей идеи, в коей творчество находит свое содержание, основу, опору, является необходимым условием его как ценности. Утеря этой опоры обессиливает творчество и в итоге уходит в разрушение, небытие.

Для религиозной концепции творчества высшей идеей является идея Бога. Отпадение творчества от Бога — это лишение его содержательности, превращение в формальное действие и подпадание под власть демонического начала. С учетом более широкого мировоззренческого горизонта можно сказать, что творчество как ценность обязательно предполагает ценностные ориентиры, их иерархию.

Таким образом, творчество, рассматриваемое как родовая, сущностная характеристика человека, его призвание, не может быть признано безусловной ценностью, но только ценностью, обусловленной мировоззренческой системой ориентации, их определенной иерархией. В этой системе ценностных ориентаций творчество приобретает содержательность и конституируется как ценность. Мировоззренческое оснащение творчества человека возможно если и не единственно как религиозное, то по степени глубины и выверенности оно, несомненно, должно быть сродни религиозному.

На этом пути необходимо вовлечь в культурный обиход, сделать реальным фактором, влияющим на наши духовные искания, исихастскую традицию, имеющую глубокие корни в русской культуре, рассматривающую творчество в русле православной системы ценностей. Учение отцов Церкви, идеи Г. Паламы и Г. Синаита, получившие развитие в исихастской традиции на Руси (И. Волоцкий, Н. Сорский, С. Радонежский, П. Величковский, Т. Задонский, С. Саровский),

могут стать той методологической, мировоззренческой базой, которая позволит не только обосновать ценность индивидуально-личностного, творчески-активного начала в бытии, но и увидеть принципиальные различия его истолкования в рамках двух типов гуманизма: западно-европейского, внецерковно направленного гуманизма с его упразднением Бога и обожествлением человека-творца, и церковно-персоналистского исихазма с его идеей богочеловеческого творчества. Сказанное следует рассматривать как заявку на дальнейшее научное исследование проблемы творчества. Практические рекомендации по формированию творческой личности только тогда обретут социальную значимость, когда будут вписаны в культурную матрицу России, будут вытекать из духовных, в том числе православных традиций, которые нельзя рассматривать только с сугубо богословской точки зрения. Они вошли в ткань и плоть национальной культуры и важны для выработки духовных ориентиров верующих и неверующих россиян. Поэтому исследование вопроса о творчестве в православной религии о том, как его понимали отцы Церкви, и то направление русской философии, которое ставило задачи развития христианского мировоззрения, очень важны для решения современных проблем. Патриотическое, национальное начало живительно для творчества, активной, созидательной деятельности людей. При таком наполнении оно поистине становится духовным деянием и в этом своем качестве способно эффективно содействовать обновлению России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Ницше Ф. Соч.: в 2-х т. М.: Мысль, 1990. Т. 2. С. 766.

² Там же. С. 83.

³ См.: Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества / вступ. ст., сост., подгот. текста, примеч. Л.В. Полякова. М.: Правда, 1989. 607 с.

⁴ Там же. С. 319—322.

⁵ Там же. С. 381.

Поступила 30.06.10.

О. В. ДОЛЯ **ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ
ВОПРОСЫ ВОСПИТАНИЯ
И ОБРАЗОВАНИЯ В РАБОТАХ
Н. И. ПИРОГОВА**

Ключевые слова: индивидуализирование, жизненное начало, вера, человек, амбивалентность человека, целостность, Абсолют, эманация

Key words: individualisation, atman, belief, person, ambivalence of a person, integrity, Absolute, emanation

В 2010 г. исполняется 200 лет со дня рождения выдающегося русского врача, общественного деятеля и мыслителя Н. И. Пирогова, имя которого ни в коем случае нельзя отнести к числу забытых. Н. И. Пирогову посвятили свои труды многие видные представители медицинской науки, художники, скульпторы, писатели, поэты, общественные деятели. Его имя носят улицы многих городов, медицинские учебные заведения, больницы и поликлиники в нашей стране и за ее пределами. Многочисленные памятники Пирогову находятся в Москве, Санкт-Петербурге, Виннице, Одессе, Севастополе, Тарту, Софии. Присвоение имени величайшего русского врача лучшим медицинским центрам продолжается и в XXI в. Так, в 2001 г. именем Н. И. Пирогова была названа одна из самых известных больниц в г. Софии — «Многопрофильная больница активного лечения и срочной медицины». В 2002 г. в Москве образован Национальный Медико-хирургический центр им. Н. И. Пирогова (НМХЦ), созданный в лучших традициях отечественной медицины.

Но деятельность этого человека не ограничивалась лишь медицинской практикой, а была поистине многогранной. «Пирогов, — писал известный русский педагог П. Ф. Каптерев, — ознаменовал себя на различных поприщах. Крупнейшими факторами его общественно-ученой деятельности были следующие: организация преподавания госпитальной хирургии и анатомического института при медико-хирур-

ДОЛЯ Ольга Валентиновна, соискатель кафедры истории русской философии Московского государственного университета, доктор медицинских наук.

гической академии в Петрограде, причем пришлось вести энергичную борьбу с административным „военно-ученым болотом“; организация первой в России общины (крестовоздвиженской) сестер попечения о раненых и больных в Севастополе... энергичная работа на нескольких других театрах военных действий и, наконец, оживленная административно-педагогическая и реформаторская деятельность в качестве попечителя одесского и киевского учебных округов»¹.

Объясняя причины своего обращения к вопросам педагогики, Н. И. Пирогов отмечал, что в середине XIX в. в России у многих появилось убеждение, что «по прежнему шаблону нельзя воспитывать, если государство желает иметь людей, а не обезьян и кукол». В 1856 г., ссылаясь на необходимость воспитания своих подрастающих сыновей, на свой 20-летний опыт работы со студентами, а также находясь под влиянием умонастроений в обществе, он опубликовал статью «Вопросы жизни», в которой подверг резкой критике «нелепости тогда всеобщего почти сословно-специального воспитания и страшный разлад между школой и жизнью». Статья оказала сильное воздействие на читателей, ознаменовав начало научно-педагогической деятельности ученого.

Речь шла, во-первых, о невозможности существования педагогики без ее антропологического обоснования; во-вторых, об изучении человека как воспитуемого для согласования педагогики с природой человека; в-третьих, о соотношении вопросов образования и воспитания с пониманием природы и назначения человека. Все это означает, что основой педагогического образования должна быть антропология в обширном смысле слова, т. е. наука о человеке должна служить фундаментом педагогики. Действительно, как можно решать многоплановые задачи воспитания и образования, не зная о том, «что такое самый предмет, который мы хотим воспитывать, и чего мы хотим достичь воспитанием, каков наш идеал человека»².

Н. И. Пирогов, рассматривая в своих работах разные аспекты воспитательного и образовательного процесса, неизменно подходил к ним с позиций антропологии. По его мнению, мыслители прошлого были убеждены, что воспитание человека следует начинать с колыбели, если мы желаем коренного изменения нравов, влечений и убеждений общества. В связи с этим он уделял большое внимание

проблемам воспитания ребенка в семье, так как будущие нравственные качества человека чрезвычайно рано обнаруживаются в ребенке.

Н. И. Пирогов ставил вопрос о взаимодействии школы и семьи, их ответственности за воспитание детей. Любя свою семью, в которой родился и рос, он в то же время признавался, что его родители (а это именно мать) имели «более чем странное понятие о целях образования», считая его необходимым в высшей степени для сыновей и вредным для дочерей, о чем впоследствии «горько раскаивались». А ведь родители и родственники являются естественными воспитателями детей, поэтому небрежность и их неумелость всегда отзываются самым печальным образом. Это обстоятельство обязывает родителей серьезнее взглянуть на свою роль в воспитании детей, а школа, по словам Пирогова, должна обращать внимание на нерадение и беззаботность родителей, бессмысленно радующихся, что «пристроили» детей, и рассматривающих школу как некое исправительное заведение.

Между тем успех работы школы во многом обуславливается уровнем дошкольного развития ребенка. В этом контексте Н. И. Пирогов описывает те стороны воспитания, которые имеют определяющее значение в дошкольные годы жизни детей. Это касается, в частности, обучения вниманию. Его он считал основной предпосылкой получения знания: не тот хороший наставник, кто, обладая знаниями, излагает отчетливо и добросовестно свой предмет ученикам, а тот, кто умеет хорошо развивать внимание у своих учеников.

Но более, чем наглядность, мыслитель ценил слово, считая, что «впечатление, произведенное словом», отличается большей цельностью и связностью. Особенно велика, по его мнению, роль родного языка. Он вспоминал: «К чести нашей домашней педагогики я должен сказать, что занятия с первым моим учителем начались с отечественного языка». Придавая, как мы видим, большое значение вниманию, памяти, наглядности в соединении со словом, родной речью, Н. И. Пирогов рассматривал их «все-таки не более, как внешние». Но он считал, что, применяя их искусно, «мы можем с ними проникать и внутрь»³, т. е. использовать в процессе нравственного воспитания.

Аксиоматика Н. И. Пирогова, являющаяся стержнем его теоретических и практических шагов по воспитанию этого

«внутреннего человека», также антропологична по своему характеру. Поэтому здесь уместно говорить об антропологических основаниях теории и практики воспитания и образования, которые разрабатывал и отстаивал ученый. Каковы же его аксиомы воспитания и образования?

Критикуя современную ему систему образования и воспитания в стране, Н. И. Пирогов противопоставил ей свой взгляд на вопросы воспитания, которое должно готовить к самостоятельной жизни высоконравственное молодое поколение с широким умственным кругозором. Он считал, что преждевременная специализация детей суживает их кругозор и тормозит нравственное развитие, в то время «как ценность цивилизации определяется стойкостью человека, стоящего в ее центре, его нравственным достоинством и направлением его деятельности»⁴. Увлечение узкоспециальными предметами приводит к пренебрежению воспитания человека. «Эту необходимость развития прежде всего и более всего гуманности в человеке, человека в человеке выставил резко и сильно Н. И. Пирогов в своей статье „Вопросы жизни“», — писал К. Д. Ушинский⁵.

Н. И. Пирогов склоняется к мысли о том, что в руках дельного педагога и древние, и новые языки, а также другие учебные дисциплины не останутся бесполезными для воспитания человека. Речь идет о том, что понятие «гуманное образование» означает развитие человеческого духа. Идея гуманного воспитания своей актуальности не потеряла: в условиях современного наступления технократизма во всех сферах жизни общества вопрос воспитания гуманного, ответственного, деятельного человека стоит очень остро. В настоящее время значительно возрастает ответственность человека за сохранение природы, мира и жизни на Земле, что требует формирования у людей новых качеств⁶. Этот вопрос не может быть решен в ходе спонтанных кампаний в сфере образования по его гуманизации и гуманитаризации, которые то затухают, то разгораются с новой силой. Он требует постоянного внимания со стороны общества, его решение относится к числу стратегических, а не тактических задач.

Н. И. Пирогов сделал особый акцент на самовоспитании индивида. Он связывает его с естественным развитием сознания, разума, воли, интуиции, которые внутренне присущи самой природе человека. Ученый называл «благодетель-

тельной для нас иллюзией» нашу убежденность в свободе нашей воли, мысли и совести, ибо без этого убеждения нравственная жизнь была бы невозможной. Воля не равнозначна желанию. В нормальном состоянии она всегда сильнее желания, активна и управляет нашими действиями. Мысль не может проявляться вне законов мышления, не рискуя превратиться в бессмыслие. Что касается совести, то она требует от нас того, что мы считаем нравственным, а если поступаем вопреки исповедуемым нами законам совести, то потому, что она сделалась несвободной. Пирогов говорит еще об одной иллюзии нашей жизни, зависящей от непоследовательности нашего ума и фантазии. Ум наш, в принципе последовательный, «на практике почти всегда непоследователен», так как «мы не можем умствовать так, чтобы действовал один чистый разум; умствуя, мы в то же время внимаем, помним, воображаем, жалуем и нередко еще (в практической жизни) волнуемся и увлекаемся той или другой страстью»⁷.

Признавая право личности на уважение тайны духовного бытия, Пирогов между тем считал, что не следует быть «цинически откровенным» перед самим собой, потому что можно очернить и «то, что искренно хотелось бы оставить чистым», ибо «у нас у всех на дне души довольно грязи; если, опустившись на это дно, ее взбаламутить, то потом сам не отличишь чистого от грязного». Но если цинизм и душевная нечисть были мотивами какого-либо действия, повлиявшего на всю жизнь, тогда следует «заглянуть в ретирады» (отступления) души, чтобы суметь их преодолеть⁸.

Анализируя эти размышления, В. В. Зеньковский отмечал: «Очень интересны мысли Пирогова по вопросам философской антропологии. Очень глубоко ощущал он то, что Достоевский называл „подпольем“, — ту закрытую сферу души, где лежат корни различных стремлений. Пирогов даже чуть-чуть приближается к той позиции в антропологии, которую уже в XX в. с такой остротой выразил Klages [Людвиг Клагес (1872—1956) — немецкий философ, развивал идеи „философии жизни“]. Изначальное единство души и тела расчленяется, по Клагесу, деструктивной деятельностью духа. Функция духа заключается в вечном противопоставлении душе. Эта идея развита в его работе „Дух как противник души“ (1929—1932)], — о том, что душа много *теряет* от осознания своих внутренних движений»⁹.

Необходимость обращения индивида к своему внутреннему миру Н. И. Пирогов связывает с тем, что воспитание предполагает подчинение материальных интересов духовным. «Научите детей с ранних лет подчинять материальную сторону нравственной», — призывал он. Однако эта идея нравственного воспитания находится в разладе с направлением общества, в жизни которого «мы находим резко выраженное, материальное, почти торговое стремление, основанием которому служит идея о счастье и наслаждении в жизни здешней»¹⁰. Когда же человек убеждается в существовании такого разлада, он впадает в одну из трех крайностей: либо становится чужд нравственному воспитанию, увлекаясь материальным стремлением общества; либо вступает с обществом во враждебные отношения; либо отдается произволу — во всех случаях нравственная участь человека незавидная.

Между тем цель разумного воспитания заключается в постепенном формировании ясного понимания бытия, окружающего мира, преимущественно общественного, т. е. того, в котором человеку придется действовать. Последовательным результатом такого понимания должно быть преобразование добрых начал, инстинктов детской природы в сознательное стремление к идеалам правды и добра. Наконец, в задачу воспитания как итог того и другого должно входить формирование нравственных убеждений, твердой воли, воспитание чувства собственного достоинства.

В работах ученого достаточно четко определены границы образования и воспитания, но из этого не следует, что они не связаны между собой. Пирогов подчеркивает, что они идут рядом, взаимодействуя и помогая друг другу в жизни общества. Жизнь требует знаний, а школа преподносит их в системном виде во взаимосвязи и полноте. Однако Н. И. Пирогов отмечал, что наука всецело не восполняет жизни человека. Одно дело — знания, а другое — практическое их применение. Знание само по себе не гарантирует добросовестного его применения. Строители могут хорошо знать, как построить дом, но ради выгоды использовать второсортные материалы. В результате постройка окажется некачественной, а то и просто опасной. Врач с бесспорными знаниями может недостаточно вникнуть в состояние больного, и пациент может пострадать. Опытный юрист ради корысти может «подсказать» преступнику, как обойти закон.

Важной аксиомой теоретической педагогики Н. И. Пирогова была идея целостности душевной жизни человека, обуславливающая его практическую деятельность. На реализацию этой идеи должны быть направлены образование и воспитание. Как отмечал К. Д. Ушинский, Пирогов жил тогда, когда «разрозненность души человеческой достигла пределов». Опираясь на знание человека, русский ученый стремился использовать его для определения пути и средств формирования целостной личности. Мы должны, писал он, все стремиться к приведению нашей жизни в «гармоническое целое», подчеркивая, что такая высокая цель — не утопия. Пирогов критически воспринимал те системы воспитания, которые отличались односторонним и формальным подходом. Не отвергая педагогику И. Г. Песталоцци, Ф. Фребеля и ряда других западных ученых, он считал, что искусственные методы, предложенные ими, при всем их положительном значении, все же пригодны скорее для какой-либо односторонней цели. «Главная сила искусственного, строго систематического воспитания есть более отрицательная; как бы рано оно ни начиналось, действуя однообразно и односторонне на различнейшие индивидуальности, оно может многое, конечно и худое, уничтожить; но развить что-либо в нравственном отношении может оно только извне»¹¹. А ведь «разных сторон нашего нравственного бытия немало», поэтому, например, заставить, по Фребелю, четырех-пятилетних детей играть в определенный час так, а в другой час иначе означает систематически отрицательное воздействие на свободу такого поведения ребенка, которое по существу и цели требует наибольшей свободы. Пирогов отмечает при этом, что общества, «приготавливающие себя к социальному перерождению, не могут не увлекаться воспитанием, обещающим сделать из людей манекенов свободы. Главная немощь духа есть именно односторонность его стремлений на пути прогресса»¹².

Педагогические идеи Н. И. Пирогова по достоинству были оценены и получили развитие в трудах многих русских мыслителей конца XIX — начала XX в. Характерным примером этого являются работы В. В. Розанова, который считал, что наряду с К. Д. Ушинским, В. Я. Стоюниным в России «был замечательнейшим педагогом Н. И. Пирогов»¹³. С его именем он связывает многие прогрессивные начинания

в сфере российской системы образования. «Пирогов, — отмечал В. В. Розанов, — писал „Вопросы жизни“: вот новая литература, — нашего уже времени!! Начались воскресные школы; стали созидаться, то украдкой, то насильно „женские курсы“ всех родов»¹⁴. По его мнению, Пирогов был прав, отвергая огромные больницы и огромные школы, считая, что в последних и пороков больше.

В своих работах Розанов указывает на то, что общим философским направлением русской литературы является учительско-просветительское. Работы Н. И. Пирогова по проблемам педагогики в этом отношении являются наглядным примером. Педагогические идеи Розанова перекликаются с идеями великого хирурга. Воспитание для Розанова, как и для Пирогова, слитно, неотъемлемо от образования. Связь с идеями Пирогова обнаруживается и в анализе принципов образования, которые он выделяет.

Во-первых, это принцип индивидуальности, заключающийся в сохранении черт, особенностей ученика и учителя в их взаимодействии. «Это лучшее в них, через соприкосновение чего (их обоюдное влияние) и совершается именно образование»¹⁵, а вместе с ним и воспитание.

Во-вторых, это принцип целостности, требованием которого является отсутствие разорванности в группах знаний, художественном чувстве, волевом стремлении. «Школа, — по словам Розанова, — где нарушен принцип индивидуальности, не воспитывает, не образует; где нарушен принцип целостности — не влияет, не сообщает каких-либо убеждений, не дает веры во что-нибудь»¹⁶. У Н. И. Пирогова идея целостности человека, его гармонизации является основополагающей. Он полагал, что целостное развитие человека — не утопия, а жизненная необходимость.

В-третьих, это принцип «единства типа», когда все «образующие впечатления, падающие на данную единичную душу, или, что то же, исходящие из данной единичной школы, были бы непременно одного типа, а не разнородны или противоположны»¹⁷. Это означает, что они должны идти из источника одной исторической культуры, где они развивались друг из друга, а не друг против друга. Эти же идеи мы находим у Пирогова, который говорил о необходимости формирования мировоззрения, убеждений.

Таким образом, следует отметить большой вклад Н. И. Пирогова в развитие отечественной педагогики. В связи с этим вызывает удивление тот факт, что во многих современных работах по истории общественной мысли в России XIX в. имя Пирогова не упоминается, а ведь он был не только великим хирургом, но и выдающимся мыслителем, общественным деятелем и педагогом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Каптерев П. Развитие мировоззрения Н.И. Пирогова // «Старейший журнал России» «Народное образование». М., 2003. № 1. С. 134.

² Ушинский К.Д. Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии // Ушинский К.Д. Педагогические сочинения: в 6 т. М.: «Педагогика», 1988. Т. 2. С. 421.

³ Пирогов Н.И. Вопросы жизни // Пирогов Н.И. Избранные педагогические сочинения М., 1985. С. 140.

⁴ Кони А.Ф. Пирогов и школа жизни // Кони А.Ф. Собр. соч.: в 8 т. М.: Юрид. литература, 1969. Т. 7. С. 213.

⁵ Ушинский К.Д. Человек как предмет воспитания ... С. 420.

⁶ См.: Печчеи А. Человеческие качества. М., 1980. 260 с.

⁷ Пирогов Н.И. Вопросы жизни // Пирогов Н.И. Избранные педагогические сочинения М., 1985. С. 115.

⁸ Там же. С. 77.

⁹ Зеньковский В.В. История русской философии: в 2 т. Л.: ЭГО, 1991. Т. 1. Ч. 2. С. 193.

¹⁰ Пирогов Н.И. Вопросы жизни // Пирогов Н.И. Избранные педагогические сочинения. М.: Акад. пед. наук СССР, 1953. С. 32.

¹¹ Пирогов Н.И. Вопросы жизни // Пирогов Н.И. Избранные педагогические сочинения М., 1985. С. 147.

¹² Там же.

¹³ Розанов В.В. Сумерки просвещения. М.: Педагогика, 1990. С. 448.

¹⁴ Розанов В.В. О писательстве и писателях // Розанов В.В. Собр. соч.: в 30 т. М., 1995. Т. 4. С. 526.

¹⁵ Розанов В.В. Сумерки просвещения ... С. 92.

¹⁶ Там же. С. 97.

¹⁷ Там же. С. 100.

Поступила 22.01.10.

Е. О. КОЛОКОЛОВА

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ «КООПЕРАЦИЯ»: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Ключевые слова: кооперация, понятие, диалектика, социально-философский анализ, общество, синергетический анализ, самоорганизация

Key words: co-operation, notion, dialectics, social and philosophic analysis, society, synergetic analysis, self-organisation

Сложность определения понятия «кооперация» заключается в том, что его содержание составляет совокупность признаков, которые выделяют и обобщают мыслимые в понятии предметы, т. е. появляется возможность извлечения из первоначальной совокупности признаков (кооперация в переводе с латинского означает сотрудничество) новых признаков предметов. Таким образом, понятие «кооперация» трансформируется в систему знаний по мере выявления признаков, которые составляют его фактическое и логическое содержание.

Понятие «кооперация» как система знаний об определенном объекте или явлении представляет собой совокупность всех известных нам основных и производных признаков, которые мы мыслим в данном понятии, а также совокупность знаний о том, в каких конкретных формах существуют в действительности эти обобщаемые в понятии предметы и явления. Расчленение и усложнение содержания понятия «кооперация» происходило не путем прибавления новых признаков, а посредством разрешения противоречий. В зависимости от вехи истории познания объекта или явления данное понятие приобрело множество определений в силу

КОЛОКОЛОВА Елена Олеговна, старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Саранского кооперативного института (филиал) Автономной Некоммерческой Организации Высшего Профессионального Образования Центросоюза РФ «Российский Университет Кооперации».

решения гносеологических задач. Таким образом, понятие «кооперация» эксплицируется на широкий спектр объектов познания.

Содержательное значение слова «кооперация» проявлялось и ранее в близких по смыслу понятиях, таких как «соборность», «артельность», «общинность», «всеединство». В их основу заложены идеи гармонии и равновесия, согласованности и поддержки, которые обеспечивают порядок, солидарности и единодушие, что и делает их синонимами понятия «кооперация» в общем их значении.

В. Н. Махов утверждал, что кооперация — это общественное явление; Ф. Штаудингер, К. Пааво, С. В. Бородаевский называли кооперацией объединение людей для совместного хозяйственного предприятия; для Н. В. Фомина кооперация являлась своеобразным методом социализации народного хозяйства; Р. Айсон трактовал кооперацию противоположностью конфликтов; Х. Холай видел в кооперации одну из сфер общественной жизни; А. В. Чайнов, В. К. Наумов определяли кооперацию не только как организационно-хозяйственную форму, но и как широкое социальное кооперативное движение; М. И. Туган-Барановский утверждал, что кооперация является средством преобразования существующего социально-экономического строя; В. Ф. Пекарский определял кооперацию как самостоятельную экономическую систему и т. д.¹

Кооперация рассматривалась Р. Оуэном, Ш. Фурье как явление, связанное с товарно-денежными отношениями, экономическая категория, позволяющая преобразовать социум. Ж. Бюшэ понимал кооперацию как средство освобождения рабочего класса в целом. В. Кинг пытался теоретически обосновать кооперацию как самостоятельное движение рабочих масс². К. Маркс и Ф. Энгельс воплощали в кооперации идею разделения труда³. Кооперативные процессы в природе и обществе, вопросы коэволюции природы и общества, идеи кооперативности в самоорганизации общества, рассмотренные с синергетических позиций, получили свое обоснование и нашли отражение у А. И. Субетто, А. Д. Урсула, Л. Г. Антипенко, Г. И. Рузавина и др.⁴

Во всем множестве категориального аппарата понятие «кооперация» представляет собой сложное системное явление, посредством которого многие ученые пытаются объяснить

различные (отдельные) стороны факторов общественного устройства и развития. Однако круг проблем, к обсуждению которых привлекается понятие «кооперация», настолько широк, а его структура настолько сложная и неоднозначная, что возникают гносеологические задачи разъяснения источников и причин различий в определении кооперации как фактора развития общественной жизни.

Употребление понятия «кооперация» в нашем понимании предполагает отождествление различных состояний этого явления в его развитии. Однако большинство используемых слов приобретает определенные значения только при использовании в практической деятельности людей и передается из поколения в поколение. Слова не закреплены априори за предметами и явлениями, они могут употребляться по-разному.

Одно и то же понятие может играть различную роль в теориях, обнаруживая разные свои грани. Так, если иметь в виду под словом «кооперация» организационно-правовую форму хозяйствования или подразумевать под ним организационную концепцию, то это не означает неверное представление понятия «кооперация». Просто одно и то же слово в разных случаях может быть связано с разной основой обобщения класса признаков, являющихся содержанием данного понятия.

Можно утверждать, что в понятиях синтезируется эмпирически получаемые знания и их теоретическое обоснование, т. е. происходят два противоположных процесса: от чувственного конкретного к общему абстрактному и, наоборот, через систему понятий и определений. Понятия во всей своей сложной природе являются важнейшими формами воспроизведения действительности в ее сущностных проявлениях. С учетом этого можно сказать, что кооперация в широком смысле этого слова поддается лишь указанию и описанию, но не определению, так как все, посредством чего она могла бы дифференцироваться, уже содержит в себе смысл кооперации, включая и сам процесс определения.

Однако без полного понимания понятия невозможно в достаточной степени изучить ни одно явление. Поэтому необходимо полностью охватить весь спектр значений понятия «кооперация» и дать его определение с позиции социально-философского анализа.

Кооперация — это взаимодействие некоторого числа элементов социальной системы для достижения общей цели, реализации определенной потребности или решения конкретной задачи, детерминированной внешней и внутренней природой этих взаимодействующих элементов, которые обобщаются по определенным существенным признакам, в зависимости от контекста предмета или явления.

Различия в определении понятия «кооперация» обусловлены еще и тем, что развитие знаний всегда сопровождается развитием понятий, одни знания нередко переносятся в область исследования другой науки, что связано с увеличением объема и содержания понятий, т. е. с их развитием. Следовательно, анализ содержания понятия «кооперация» требует выявления его общедиалектических характеристик.

Практическое употребление категории «кооперация» говорит о том, что необходимо комплексное изучение кооперации как свойства всеобщих связей (детерминантов). Предметная область понятия «кооперация», определенная этими детерминантами, может включать в себя несколько определений, иметь как широкую, так и относительно узкую трактовку. Таким образом, под современным понятием «кооперация» понимается категория, которая включает в себя довольно разветвленную совокупность определений, отражающих многообразные модификации взаимоотношений в различных сферах жизнедеятельности общества, личности и всего миропорядка, т. е. можно говорить о системе.

Кооперация в зависимости от объекта изучения и интегрирующего свойства может рассматриваться как всеобщее свойство мира, процесс, хозяйственно-экономическая система связей, организационно-правовая форма хозяйствования (кооператив), организационная концепция (способ преобразования общества и кооперативное движение).

Для раскрытия вышеперечисленных системных связей вполне успешно могут быть применены принципы и средства синергетики. Так, на начальном этапе относительно стабильное понятие «кооперация» как сотрудничество, совместное действие утрачивает устойчивость вследствие изменения внешних обстоятельств. Характерной причиной этой неустойчивости является появление нового течения, идеологии, например, стремление преобразовать социально-экономический строй. Этот новый элемент приводит к

потере устойчивости состояния. Возникшая неустойчивость, связанная с новым элементом в системе понятия «кооперация», обуславливает определенный динамический процесс, который приводит к дальнейшей самоорганизации системы, но уже с новыми упорядоченными структурами. После завершения процесса самоорганизации система переходит в новое эволюционное состояние, и начинается новый эволюционный цикл, обусловленный появлением нового элемента в системе. Таким образом, кооперация представляется нам хозяйственно-экономической системой связей. И эволюционные циклы могут быть по своему характеру весьма разнообразны. В данном контексте имеет место практическая реализация диалектического закона отрицание отрицания. Прослеживается связь между выводами синергетики и законами диалектики.

В связи с этим для более полного раскрытия понятия «кооперация» представляется целесообразным проводить его исследование как сложноорганизованной системы в соответствии с синергетической парадигмой. В данном контексте процессы кооперации происходят на трех уровнях движения материи: неживой, живой природы и социума. Причем сложность раскрытия кооперативности в социальной системе заключается в том, что эта система носит двойственный характер в связи с наличием в ней материального и идеального. С одной стороны, общество — это материальный объект, с другой — в него включается элемент разума, сознания, целеполагания и т. д.

Эволюционное развитие кооперации приводит к ее трансформации во внутренний, необходимый и всеобщий механизм социального развития. Присутствуя на всех уровнях существования материи, кооперация обогащает совокупность своих «онтологических» качеств, изменяются ее функции, роль, значение и влияние на развитие социума. Кооперацию можно назвать древнейшей формой институционализации общественного бытия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Кооперация. Теория, история, практика: избранные изречения, факты, материалы, комментарии / автор-сост. К.И. Вахитов. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2006. 560 с.; Чайнов А.В. Избранные произведения: сб. / сост. Е.В. Серова. М.: Моск. рабочий, 1989.

386 с.; Его же. Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации. М.: Наука, 1991. 456 с.; Его же. Краткий курс кооперации. 4-е изд. М.: Кооперат. изд-во, 1925. 77 с.; Туган-Барановский М.И. Социальные основы кооперации. М.: Экономика, 1989. 496 с.

² См.: Линтварев В. Ш. Фурье, В. Кинг, Ж. Бюше и Л. Блан о кооперации. Очерки из истории кооперации. Вып. II. Издат. Кооперативный Союз «Кооперация», Л.; М., 1926. 36 с.

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф., Ленин В.И. О кооперации. М.: Политиздат, 320 с.

⁴ См.: Субетто А. И. Россия и человечество на «перевале» истории в преддверии третьего тысячелетия. СПб.: ПАНИ, 2000. 827 с.; Кооперация. Страницы истории: в 3 т. Т. 1. Избранные труды российских экономистов, общественных деятелей, кооператоров-практиков: в 3 кн. Кн. 1. 30—40-е годы XIX — начало XX в. М.: Наука, 1999. 768 с.; Рузавин Г. Парадигма самоорганизации как основа нового мировоззрения // Свободная мысль. 1993. № 17/18. С. 51—62.

Поступила 20.04.10.

А. А. МАХНИН

**АРХИТЕКТУРНАЯ СРЕДА
ЯРОСЛАВЛЯ И РЫБИНСКА
1930-х — 1950-х гг.**

Ключевые слова: сталинский ампир, классика, ретроспективизм, неоклассицизм, конструктивизм, архитектурная среда, архитектура, фасад

Key words: Stalin Empire style, classics, retrospectivism, neo-classicism, constructivism, architectural environment, architecture, front

Архитектуру 30-х годов XX в. различные исследователи называют по-разному: ретроспективизм, неоклассицизм, сталинская архитектура, сталинский ампир или классика¹.

Переход от конструктивизма к сталинскому ампиру в архитектуре произошел стремительно, но многие архитекторы работали по инерции, используя приемы конструктивизма. Так, в объектах архитектуры сталинского ампира можно увидеть приемы и элементы конструктивизма. Обратимся к одному из зданий Ярославля, в архитектуре которого можно четко проследить черты конструктивизма и сталинского ампира. В архитектуру жилого дома на ул. Терешковой, 1/11 (архитектор Ю. П. Боровский) включены типично конструктивистские лоджии на тонких прямоугольных колоннах, чередующихся с балконами на кронштейнах. Скругленная угловая часть дома, где расположена лестничная клетка, прорезана узким вертикальным окном. В то же время в архитектуре этого здания уже имеются элементы сталинского ампира: руст на первом этаже, тонкие профили обрамления окон и др. Фасад этого дома получил более богатое декоративное убранство, чем здания эпохи конструктивизма, которому было чуждо украшательство. Именно поэтому на примере подобного здания можно говорить об инерции конструктивизма при резком переходе от одного архитектурного направления к другому стилю.

МАХНИН Антон Александрович, аспирант кафедры культурологии и журналистики Ярославского государственного педагогического университета.

Обратимся к ярославской архитектуре сталинского ампира. В убранстве зданий стали широко использовать элементы «ордерной системы» (колонны, богатые карнизы, лепные украшения, балюстрады и т. д.). Образцом сталинского ампира является здание вокзала Ярославль-Главный. Улица Свободы завершается площадью при вокзале. Строительство вокзала было завершено в 1952 г. Перед зданием была организована прямоугольная площадь и разбит сквер (сквер с фонтаном в центре площади реконструирован в 1985 г. — к 975-летию города). Ансамбль вокзальной площади (здания вокзала, Дома культуры железнодорожников и прилегающие к площади со стороны ул. Свободы дома по проекту архитектора С. В. Капачинского) выполнен в стиле сталинского ампира.

Доминирующее здание на площади — вокзал Ярославль-Главный — построено по проекту архитектора Н. Д. Панченко (рис. 1). В его архитектуре четко прослеживаются черты ренессанса. Здание имеет крупные арочные окна, высокую аркаду с колоннами коринфского ордера в центральной выступающей части, где расположен главный вход. Над центральным объемом — квадратная башня с часами и легкая многогранная ротонда с небольшим шпилем, а на фасаде здания — декор, представляющий собой советскую символику (лавровые венки, звезды, знамена, орден героя Советского Союза). Следует отметить, что со времени постройки здание неоднократно подвергалось ремонту и перестраивалось, поэтому его современный облик сильно отличается от первоначального. В целом данная постройка производит впечатление помпезности архитектурной композиции.

Следует отметить, что если внутреннее пространство конструктивистских проектов было подчинено строгим требованиям функциональности и рационализма, то функция зданий в стиле сталинского ампира не несет такой нагрузки, делая акцент на пышное убранство фасадов и интерьера.

Рис. 1.

Дом культуры железнодорожников находится напротив здания вокзала, оформляя противоположную сторону площади (рис. 2). Строительство клуба было завершено в 1956 г. Здание построено в более строгих формах в отличие от архитектуры здания, рассмотренного выше.

Фронтон трехэтажной постройки несут несколько массивных прямоугольных столбов. Переход от крайних столбов к боковым фасадам здания по фундаменту оформлен перилами с рядом фигурных столбиков. По фронтону идет надпись «Дом культуры ярославского узла железной дороги». Декор украшает и главный фасад здания — открытая книга, лира, аккордеон (символика форм проведения досуга). Архитектура дома культуры железнодорожников отличается строгостью и простотой

Рис. 2.

архитектурного убранства, которые можно противопоставить помпезности здания вокзала Ярославль-Главный.

Рыбинск получил мощный импульс к развитию с началом сталинской индустриализации. Находившийся на его окраине в законсервированном состоянии моторостроительный завод (он, как и «Русский Рено», основан в 1916 г.), стал быстро расти, наращивая выпуск авиадвигателей и формируя вокруг себя рабочий поселок — новую часть города. С середины 30-х гг. XX в. началось активное строительство грандиозного водохранилища: возводились плотины с шлюзами, гидроэлектростанцией, а рядом возникали новые заводы, связанные с энергетикой (кабельный, механический, железобетонных конструкций).

Этому размаху строительства должен был соответствовать генеральный план города, разработанный учениками автора генерального плана Москвы В. Н. Семенова В. Потаповым и А. Савидовым в 1938 г. Подобно тому как архитекторам классицизма казалась хаосом нерегулярная планировка, молодые архитекторы считали необходимым преодолеть «монотонную усадебную застройку, внедрение в сельскую ж/д линий и промышленности, недостаток земли и площадей, отсутствие

четко выраженных основных магистралей (особенно набережной), административно-политического центра и т. д.»². Некоторые из этих замечаний можно считать справедливыми. Однако, глядя на прилагаемые изображения будущего социалистического Рыбинска, можно понять, что это должно было сопровождаться полной сменой городской застройки (рис. 3). Однако в городском центре это вылилось лишь в несколько образцов «сталинского классицизма» на улицах Пушкина и Луначарского.

Рис. 3.

Значительно успешнее велось новое строительство на окраинах города, в районах строящихся и развивающихся предприятий. Ранние постройки моторостроительного завода (заводоуправление, фабрика-кухня, ряд жилых и промышленных зданий) имели черты конструктивизма, но уже здание поликлиники (ныне ул. Зои Космодемьянской, 2а) сочетало конструктивистскую композицию с изящно прорисованными профилями карнизов и рустовкой.

Другим образцом советской архитектуры переходного периода от конструктивизма к неоклассицизму 30-х гг. XX в., в котором получили отражение оба эти направления, является Дворец культуры моторостроителей (ныне Клубный комплекс «Авиатор») (рис. 4). Здание находится в северном конце пр. Ленина, 114. Оно построено в 1932—1937 гг. по проекту архитектора Я. А. Корнфельда. Дворец был открыт к 20-летию Октябрьской революции 10 ноября 1937 г.

Рис. 4.

За основу проекта был взят конструктивистский проект, переделанный в стиле сталинского ампира. Композиция конструктивистского здания ассиметричная. Чтобы сгладить черты конструктивизма,

архитектор к ассиметричному уличному фасаду пристраивает с левой стороны портик, а с правой надстраивает аттик. В четко продуманной планировке крупного здания с расчленением его на ряд самостоятельных объемов ясно выражены черты функционализма, а в композиции фасадов использованы элементы ордерной системы, характерные для классицизма 30-х гг.

Композиция здания состоит из нескольких равных по высоте, живописно сгруппированных объемов, фасады которых в основном решены в традициях конструктивизма, большие прямоугольные, растянутые по горизонтали или вертикали ленты окон, плоские крыши. Парадный фасад получил развитую пластическую обработку. Шесть восьмигранных стройных колонн, капители которых украшены раковинами, поддерживают дугообразный портик с широким карнизом. На декоративном фронте большая горельефная группа «Дружба народов», изображающая танец представителей разных национальностей Советского Союза. На парадном фасаде кинозала горельефное изображение герба СССР. Уличный и дворовый фасады театра отделаны под руст.

В конце 40-х гг. Дворец вошел в ансамбль городской садово-парковой зоны. Позже здание неоднократно перестраивалось, часть окон была заложена кирпичом. В начале 80-х гг. здание было облицовано светлым армянским туфом.

Архитектурная среда русских провинциальных городов Ярославля и Рыбинска советского периода также прослеживается, как и в предыдущие периоды, в соотношении таких противоположных тенденций, как традиции и новаторства, их доминирования в различные этапы советской архитектуры. Это отражает общие и специфические черты русских провинциальных городов, раскрывает региональные варианты формирования и развития архитектурной среды Ярославля и Рыбинска. В этот период создается ансамбли сталинского ампира. Новаторство присутствует на уровне изменения контекста и приемов архитектуры. По контрасту с Рыбинском в Ярославле наиболее ярко видны следы нового преобразования архитектурной среды в соответствии с новыми установками сталинской эпохи. Помпезность и торжественность сталинского ампира, богатое использование приемов и точное копирование классики в архитектуру

ре Ярославля ярко показывают традиционные тенденции, господствовавшие в городской среде, по сравнению с Рыбинском. Внешнее оформление зданий и сооружений отражает нормы социальной репрезентативности того или иного этапа формирования и развития советской архитектуры. В советский период заказчиком архитектуры была государственная власть. Декоративное украшательство сталинской архитектуры провозглашало миф новой красивой жизни в Стране Советов. Апогей развития сталинской архитектуры, сталинский ампи́р, ярко проявился в строительстве общественных зданий, вокзала, дворцов культуры, административных зданий в Ярославле и Рыбинске.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Хан-Магомедов С.О. Архитектура советского авангарда: в 2 кн. М.: Стройиздат, 1996. Кн. 1. С. 638; Бархин М.Г. Метод работы зодчего: из опыта советской архитектуры 1917—1957 гг. М.: Стройиздат, 1981. С. 156; Сапрыкина Н.С. Советская архитектура Ярославля: реальность и виртуальность. Ярославль: Изд-во ЯГТУ, 2006. С. 111.

² Мастаков А. Планировка г. Рыбинска // Архитектурная газета. Прил. № 23. М., 1938. 24 апр. С. 4.

Поступила 27.01.10.

Л. А. БАШИНСКАЯ

ОБОГАЩЕНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА РУССКОГО ТЕАТРА КУКОЛ ПОД ВЛИЯНИЕМ ТЕАТРА ТЕНЕЙ

Ключевые слова: художественный язык театра кукол, ваянг пурво, театр теней, план содержания

Key words: artistic language of the puppet theatre, Vayang Purvo, shadow play, contents plan

Художественным языком искусства театра кукол мы называем систему выразительных средств кукольного спектакля, включающую, помимо словесного, большой набор несловесных способов выражения. Каждый театр вырабатывает свой художественный язык, создает свою систему выражения идей. В связи с тем, что спектакль является актом общения между театром и зрителем, знание правил языка данного театра необходимо и тем, кто находится на сцене и говорит на этом художественном языке, и тем, кому адресовано представление.

В художественном языке искусства театра кукол выделяют *план содержания* («комплекс идей спектакля») и *план выражения* («материальная часть спектакля и условия соотношения плана содержания с планом выражения»).

План содержания тесно связан с драматургией и разделяется на два уровня: открытый, поверхностный (сюжетный) и скрытый, глубинный (символический: общие идеи представления, отвлеченные понятия, абстрактные образы, выраженные через конкретные персонажи).

План выражения включает материальные элементы спектакля, все то, что должен видеть и слышать зритель. Это визуальные элементы: кукла (ее устройство, механика управления ею), исполнитель (актер), сценический аппа-

БАШИНСКАЯ Любовь Александровна, старший преподаватель кафедры сценической речи Театрального института им. Б. В. Шукина при Государственном академическом театре имени Е. Б. Вахтангова.

рат (ширма, экран и пр.), пластика (система движений в сценическом пространстве), композиция (символическое использование сценического пространства). Звуковые элементы: слово, музыка¹.

Театр кукол — очень древний вид театрального искусства. В связи с тем, что истоки возникновения театра кукол тесно связаны с первобытной культурой периода магических верований, он выполнял важную функцию в жизни архаических обществ².

Характерные структурные особенности языка искусства театра кукол, выкристаллизованные многовековым опытом народных представлений, проступают ярче всего в традиционных формах. Последние, к сожалению, уже ушли из быта европейских народов, но на Востоке они существуют. В искусстве Востока особое значение имеет традиция передачи из поколения в поколение знаний, навыков, этических норм. Традиционное искусство Востока ориентировано на духовный мир человека, его готовность к самосовершенствованию, к постоянному продвижению к истине, красоте и гармонии. Традиционному театру Востока также в наибольшей степени свойственна преемственность обрядово-ритуальных действий. Там и по сей день бережно сохраняются многочисленные формы архаичных традиционных театров как живое художественное течение.

В этом отношении чрезвычайно интересен анализ выразительных средств художественного языка одного из древнейших видов традиционного восточного театра кукол — так называемого «*театра теней*».

Театром теней принято называть представления, где сценой служит двухмерное пространство белого экрана, изготовленного из ткани или промасленной бумаги. Действующие лица изображаются куклами, обязательно плоскими. Зрители отделены от кукол экраном, который подсвечивается сзади источником света (свечи, масляная лампа и т. п.). Главным условием этих представлений, предписанным традиционными правилами кукловодства, является показ на экране четкого силуэта куклы, а не ее отражение, или тень. От исполнителей требуется прижимать куклу как можно плотнее к экрану.

Таким образом, название «театр теней» не совсем корректно, так как оно не раскрывает смысл и существо самого

феномена этого вида театра кукол. Известный исследователь в области традиционного театра кукол Востока И. Н. Соломоник предпочитает использовать термин «силуэтный театр». Это связано с тем, что он является более широким по значению и более точно отражает изобразительный прием этого вида театра³. Однако термин «театр теней» широко используется исследователями и историками театра кукол, и мы в своем исследовании также будем применять этот термин.

Родиной теневого театра многие исследователи считают Индию. По версии О. В. Цехновицера, вместе с индусскими торговыми кораблями и переселенцами из долины Ганга проник индусский театр в Индонезию, на о. Яву, где получил широкое распространение и сохранился и поныне под названием «*ваянг пурво*». Словом «ваянг» в Индонезии называется вообще театральное представление, любая театральная кукла, в том числе и плоская пергаментная. Местные жители еще понимают это слово и как «*тень*», «*призрак*», «*дух предка*». «*Пурво*» переводят как «*первый*», «*древний*». Таким образом, сочетание «ваянг пурво» можно перевести как «*самый древний первый театр*». Этому театру около 3 тыс. лет.

Страны Юго-Восточной Азии, расположенные на крупнейших в мире архипелагах, находились на скрещении важнейших морских торговых путей, соединявших арабский мир, Иран и Индию с Дальним Востоком — Китаем и Японией, и на главных сухопутных артериях, соединявших Индию и Китай⁴. Теневая театральная традиция с течением времени проникает в Китай, где приобретает множество ярко выраженных национальных черт. Далее из Китая театр теней попадает на Ближний Восток и в Европу, а потом и в Россию.

Развитость художественного языка, способности кукол подражать физическому поведению человека, передавать жестом, движением содержание пьесы, мысли и чувства героев представления театра теней представляют собой длинную цепь все более усложняющихся форм. Начальное звено составляют индийские представления штата Орисса *равана чхайя* с их нерасчлененными, вырезанными из одного целого куска кожи фигурами, а конечное — многошарнирные, имеющие десять, а иногда и больше сочленений куклы китайского силуэтного театра *пин си*⁵.

Рассмотрим выразительные средства художественного языка традиционного яванского театра *ваянг пурво*. Это связано с тем, что система художественного языка этого театра отличается наибольшей яркостью и разработанностью.

Ваянг пурво — одно из самых значительных явлений в истории культуры Индонезии. Его представления не имеют себе равных по важности выполняемых социальных функций. Его роль в жизни о. Явы, особенно сельских районов, очень важна и сегодня. Благодаря значимости общественных функций этого театра художественный язык его представлений получил такое высокое развитие, какого не достигли выразительные средства ни одного традиционного театра плоских кожаных кукол Востока.

В плане содержания представлений *ваянг пурво* исследователи выделяют три важнейших аспекта: обрядно-магический, философско-религиозный и морально-этический.

Обрядно-магический смысл представлений связан с древними анимистическими верованиями народа, которые тесно переплетаются с ритуалами индуизма. Перед началом представления *даланг* (исполнитель) обязательно совершает обряд жертвоприношения. Он обращается к богам и духам, прося их благословить хозяина, в доме которого происходит представление, а также его семью, всех присутствующих, всю деревню и страну. Представления *ваянг пурво* никогда не показывают ради развлечения. Целью представления является стремление заручиться благословением, поддержкой «божественных предков».

Философско-религиозный аспект предполагает, что на глубинном уровне содержания представления выражаются такие отвлеченные понятия, как «смысл человеческой жизни», «космический порядок», «абстракция религиозного учения». Свое представление о строении космоса, мироустройстве яванцы воплотили в сценическом оборудовании: экран символизирует небо; опорные бревна, в которые втыкаются трости кукол, — землю; лампа, освещающая экран, — солнце; кожаные куклы — человечество. Сам исполнитель — *даланг* воспринимается как символ бога, от которого зависит жизнь людей на земле.

Морально-этический аспект показывает, что на протяжении веков представления *ваянга* воспитывали яванцев, регулировали их поведение, формировали мировоззрение и эстетические вкусы⁶.

Необходимо отметить, что для традиционного театра кукол России были характерны перчаточные куклы (русские народные кукольные называют их «петрушками») и куклы, управляемые сверху нитками (в терминологии российских народных кукольников — «марионетки»). Теневой способ показа кукол вошел в художественный язык русского театра кукол только в начале XVIII в.

При наличии огромного количества работ, связанных с проблемой развития восточного театра теней, практически нет исследований, связанных с историей развития театра теней в России. Нам важно знать, что театр теней в России — это самобытное явление. Традиция восточных теневых представлений плоских кожаных кукол на русской почве является удивительным феноменом проникновения, влияния, своеобразия культурных заимствований отдельных элементов культуры разных стран.

В нашем исследовании использованы материалы, обнаруженные в «Истории русского драматического театра», в томе первом «От истоков до конца XVIII века» (автор — В. Н. Всеволодский-Гернгросс) и в «Летописи театра кукол в России XV—XVIII веков». Ее автор, Б. Голдовский, свел воедино известные материалы: археологические раскопки, записки путешественников, наблюдения этнографов и т. д.

Первое упоминание об использовании элементов театра теней в России датируется 1710 г. В январе 1710 г. в Москве, у Боровицких ворот Кремля, был сыгран аллегорический сюжет об «Орле и Льве — хроне». В феврале того же года этот сюжет был использован в панегирическом действе, которое было представлено Славяно-греко-латинской академией в ознаменовании Полтавской победы. «Торжественным аллегорическим действием „Божие уничижителей гордых... уничижение“ была ознаменована (февраль 1710 г.) в Московской академии полтавская победа. В ее основу положено библейское предание о победе Давида над Голиафом. В пьесе появлялись хромая Швеция (намек на хромоту Карла XII, раненного перед полтавским сражением в ногу) и Измена — аллегорическое воплощение Мазепы. Пьеса состояла из двух частей: первая показывала „единых гордых“, вторая — „противников или изменников“. Каждой части предшествовала пантомима („предидействие кроме словес“). Аллегория становилась зрителям особенно ясной во второй части, в которой действие разворачивалось одновременно в

двух планах: на сцене в драматическом представлении (возмущение Авессалома против отца своего Давида, победителя Голиафа) и на прозрачном экране „через умбры”, то есть в теневых картинах»⁷.

Таким образом, впервые элементы теневого театра в России используются в панегирическом действе, которое было поставлено в московской Славяно-греко-латинской академии, т. е. теневой театр впервые вошел в ткань спектаклей русского школьного театра.

Первый, упоминающийся в литературных источниках, школьный спектакль на Руси состоялся в Киево-Могилянской академии. В школьном театре традиционно игрались спектакли на религиозные темы, пасхальные и рождественские драмы, панегирические драмы. Школьные драмы были перенасыщены мифологическими и историческими сопоставлениями, аллегориями, символами и эмблемами, понимание которых без особых знаний было затруднительно. Немые сцены, теневые картины, иконы вводились в действие школьного спектакля в патетические моменты. В «Киевской пиитике» (1696) говорится о том, что «страдание есть тягостное мучительное действие, когда на сцене изображается смерть, пытки, нанесение ран, что можно представить или в рассказе вестниками, или теневой картиною»⁸. А. И. Белецкий, описывая спектакли школьного театра, упоминает о сценических эффектах, используемых в этих представлениях. Это «...пантомимы, иногда вставленные среди диалогов или живые картины и теневые изображения (*per umbras*), особенно в ходу бывшие при декламациях...»⁹. Позже элементы театра теней начинают использовать в светских спектаклях.

Весной 1735 г. императрица Анна Иоанновна решила осуществить постановку школьной драмы «Комедия об Иосифе» в придворном театре. Играть ее при дворе должны были любители. Кроме певчих, к участию в комедии были привлечены кадеты Сухопутного шляхетного кадетского корпуса, пажы, придворные шуты и пр. «В комедии фигурировали олицетворения и библейские персонажи. Олицетворения... имели в руках и на платьях различные эмблемы (лилия в руках у Чистоты, голова Медузы, а также змеи в руках и на голове у Злости и т. п.). Интересны сценические эффекты, примененные при постановке. Сон Иосифа, изображался сквозь „полотно”... На полотне показывались семь тучных

и семь тощих коров, изображалась сцена жатвы — „как хлебы жнут, молотят, в житницы собирают и носят, а Иосиф надсматривает”. На полотне же видно было, как „снопы братние, отцовы и мачехины его снопу кланялись, а сверх полотна небо и одиннадцать звезд, и к его ногам преклонялось солнце своими лучами”»¹⁰.

В 1733 г. в «Примечаниях на Санкт-Петербургские Ведомости» появилась анонимная статья, посвященная теории и истории театра, под названием «О позорищных играх или комедиях и трагедиях». В этой статье автор не только описывает теневой способ показа «фигур», но и определяет специфику теневых представлений и область их применения. «...Иные подражания позорищным играм делаются одною только тенью, которая в темной камере на намазанную маслом бумагу наводится. И хотя таким способом показанные фигуры ничего не говорят, однако ж познавается, что оные знаменуют. Сею тенью изображаются многия зело дивные виды и их применения, что в других позорищных играх не так хорошо учиняться может. Таковыя немые представления делаются иногда и живыми персонами, причем всю историю также от знаков и телесных движений познать можно. Но в таких позорищных играх искусственные танцы и изрядная музыка есть главнейшее дело, которое того достойно, чтоб оное смотрели»¹¹.

Таким образом, в начале XVIII в. элементы театра теней входят в ткань спектаклей русского школьного театра. Драматургическую основу спектаклей составляет религиозная тематика. В спектаклях школьного театра, где широко используются аллегии, символы, исторические и мифологические сопоставления, теневой способ показа является одним из выразительных средств спектакля. «Теневая картина» используется как яркий сценический эффект и в светских спектаклях. Однако никаких сведений о том, какими были теневые изображения, из какого материала были изготовлены куклы (силуэты), мы не находим.

Теневые представления в России — заимствованная форма показа. Был заимствован основной принцип — показ силуэтов через полотно экрана. В плане содержания, несмотря на религиозную тематику драматургии школьного театра, теневые представления в России не связаны ни с обрядовостью, ни с ритуалами. «Тени» используются как

сценический эффект, как одно из выразительных средств спектакля. Определяется область применения элементов теневого театра: в панегирических действиях, в спектаклях школьного театра — как эффективное выразительное средство в патетические моменты, как иллюстрация при декламации.

Дальнейшее развитие театр теней в России получит позднее, в начале XX в., в творчестве художников Ефимовых, создавших уникальный силуэтный театр.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Соломоник И.Н. Проблемы анализа народного театра кукол // Сов. этнография. 1978. № 6. С. 28—45.

² См.: Коренберг Е.Б. Истоки театра кукол и его основных жанров // Что же такое театр кукол? В поисках жанра. М.: ВТО, 1980. С. 178—189.

³ См.: Соломоник И.Н. Традиционный театр Востока. Основные виды театра плоских изображений. М.: Наука, 1983. 184 с.

⁴ См.: Цехновицер О.В. История народного кукольного театра в Азии и Европе // Цехновицер О.В., Еремин И.П. Театр Петрушки. М.—Л.: Госиздат, 1927. 184 с.

⁵ См.: Соломоник И.Н. Традиционный театр Востока ...

⁶ Там же.

⁷ Всеволодский-Гернгросс В.Н. От истоков до конца XVIII века // История русского драматического театра. М.: Искусство, 1977. Т. 1. С. 83—84.

⁸ Резанов В.И. Из истории русской драмы // Школьные действия XVII—XVIII вв. и театр иезуитов. М., 1910. С. 17—18.

⁹ Белецкий А.И. Старинный театр в России. М.: Т-во «В.В. Думнов», насл. бр. Салаевых», 1923. С. 78.

¹⁰ Всеволодский-Гернгросс В.Н. От истоков до конца XVIII века ... С. 100.

¹¹ Цит. по: Голдовский Б.П. Летопись театра кукол в России XV—XVIII веков. М.: Берегиня, 1994. С. 27.

Поступила 31.05.10.

В. В. МИТИНА

СТРУКТУРА КУЛЬТУРНОГО КОДА ЖЕНСКОГО ТРАДИЦИОННОГО КОСТЮМА МОРДВЫ

Ключевые слова: культурный код, традиционный костюм, орнамент, этнос, самосознание, стереотипы, традиция, новации, норма, знаки, материальное производство

Key words: cultural code, traditional costume, ornament, ethos, self-consciousness, stereotypes, tradition, innovations, norm, signs, material production

«Подобно тому, как биосфера с помощью солнечной энергии перерабатывает не живое в живое, культура, опираясь на ресурсы окружающего мира, превращает не-информацию в информацию»¹. Рожденные в культуре «тексты» требуют фиксирования, что приводит к развитию письменности. Однако нельзя забывать о возможности другого типа памяти — коллективной, стремящейся сохранить сведения о порядке, его нарушении и традициях. Письменность здесь не является необходимой. Ее роль будут играть природные или мнемонические (особо примечательные места, деревья, звезды, небесные светила) и искусственно созданные или иконические символы (курганы, архитектурные сооружения).

«Сохраняя неограниченную свободу, мнемонико-сакральные символы включаются не в словесный текст, а в текст ритуала. Кроме того, они продолжают свое материальное существование и вне обряда, а само их присутствие подразумевает наличие обволакивающей их сферы устных рассказов, легенд и песен»². Развитие орнамента, отсутствие надписей на архитектурных сооружениях являются признаками развития устной культуры. Культурные тексты подобного типа памяти не обозначают смысл, а лишь напоминают о

МИТИНА Виолетта Валериевна, преподаватель кафедры традиционной мордовской культуры и современного искусства Мордовского государственного университета.

нем, они включены в ритуал и приурочены к данному месту и времени. Семиотический текст устной культуры этноса проявляет себя в понятиях ценности, идеала, стереотипов, традиции и нормы. Искусственно созданные человеком символы, например, орнамент, традиционный костюм, неразрывно связаны с содержанием текста коллективной памяти. Замена характерного, традиционного кода культуры ведет к изменению смыслового содержания иконических символов, что стимулирует восприятие их лишь как эстетических элементов, артефактов культуры данного этноса.

Женский традиционный комплекс костюма мордвы — это яркая страница истории этноса, своего рода транслятор культуры, призванный отражать социальные и внутренние тексты и коды. Сложную систему иерархии знаково-символических форм в традиционном костюме мордвы можно представить в виде схемы, включающей три уровня:

Центральная часть, ядро — это главные установки, ценности этноса, код, который лежит в основе нематериальных проявлений культуры (менталитет, самосознание, самоидентификация). Оболочку, второй уровень, представляют тексты культуры, оценочные суждения, идеалы и стереотипы. На этой ступени происходит формирование общего образа женского костюма в соответствии с представлением идеала этноса. Так, для женского комплекса костюма мордвы характерна приземистость, статичность, мягкость, что соответствует высокой почитательности и уважению к женщине, представлениям женственности, премудрости. Третий уровень — это материальное пространство, в котором господствуют изобразительные, иконические знаки, т. е. знаки-образы, свойство которых заключается в их сходстве с тем,

что они означают. Выразителем иконических знаков является традиционный орнамент, его структурные элементы. Декор орнамента повсеместно проявляется в полном комплексе костюма мордвы, его конструктивных деталях (рубаша, головной убор, поясные украшения и т. д.) и деталях отделки (нагрудные украшения, браслеты, наконечники и т. д.)

При зарождении и формировании костюма, бесспорно, большое влияние имели природно-климатические условия, в которых находится этнос, доступность того или иного материала, хозяйственная и промысловая деятельность. Появление новых часто заимствованных материалов говорит о развитии товарообмена. Значительную роль в этом процессе играют установки, представления этноса о мироустройстве, которые формируют его материальную среду, делают культуру этноса отличительной от других народов. Для понимания этого явления необходимо выявить роль носительницы костюма в жизни этноса.

Образ женщины, ее роль в семейном коллективе определялись системой ценностей этноса. Так, у разных народов значимыми моральными качествами могут выступать гостеприимство или почитание родителей. Среди подобных ценностей мордовского этноса можно определить доблесть, толерантность и почитательность. Однако моральным установкам, которые должны быть присуще женщине, отводили особое место.

Совместив в себе языческие и христианские представления, образ женщины в культуре мордвы представляет собой самобытное явление. Роль женщины в семье и роде, ее особый ценностный статус связан, во-первых, с характером мифологии и языческой религии. «Преобладание женских божеств в языческом пантеоне мордовского этноса, существование культа богини матери формировало представление о женщине как высшем существе, достойном поклонения и восхищения. Во-вторых, образ женщины выражал философское осмысление самого бытия. Это божественная премудрость, София, вечная женственность. Она была призвана смягчить нравы в семье и обществе. В-третьих, женщина являлась основной „хранительницей материальных и духовных ценностей”»³. Данные культурные коды являются основой, вокруг которой формируются образ женщины, ее внешний облик и полный комплекс костюма.

Традиционная культура в целом и комплекс женского костюма в частности отличаются каноничностью. К жесткой традиции следует отнести такой текст костюма, как информация о социальном статусе и семейном положении носительницы костюма. С изменением возраста и семейной роли человек совершал ритуалы перехода, изменяя костюм, его детали и элементы. Существовали «правила», по которым можно было точно определить возраст и семейное положение женщины.

Первая шитая одежда примерно до 5—7 лет, как правило, изготавливалась из пестряди, носилась с подпояской. Такая одежда не имеет половозрастных отличий и декорирования. Следующий этап связан с появлением определенной самостоятельности у детей. Здесь костюм начинает делиться на женский и мужской, появляется небольшая вышивка в качестве украшения костюма девочки. Скромным нагрудным украшением в таком костюме были бусы из ягод и семян.

Следующий переходный этап подросткового возраста, 7—9 лет, знаменовался включением девочек в круг трудовых обязанностей. Костюм выполнялся с полным соблюдением традиционного канона, оповещал окружающим, что в сельскую общину вступает новый человек. «К 14—16 годам девушка должна была подготовить приданое. В так называемые „месяцы сидения“ семья освобождала ее от всякого рода домашних и сельскохозяйственных работ, чтобы она успела наткать холст, вышить и сшить рубахи для себя, подготовить к свадьбе подарки будущей родне и гостям»⁴.

Вступление в пору совершеннолетия отмечается присутствием на костюме особой вышивки, появлением дополнительных деталей, элементов и комплекса украшений. В некоторых районах девичьи рубахи декорировались более яркой вышивкой или даже имели особый рисунок орнамента. Значимым элементом в костюме эрзянских девушек становится набедренник, мокшанский костюм дополнялся удлиненными портками, которые должны были немного виднеться из-под одежды. Особое значение в костюме придается шейным и нагрудным украшениям. Непременным атрибутом мордовского костюма является нагрудная застежка — сьлгам. Застежка была и центром украшений, и необходимостью, она скрепляла края разреза ворота рубахи. О ее сакральности говорит тот факт, что сьлгам было принято прятать

под ожерельем или воротником из бисера. Венчал костюм головной убор в виде лент, налобных повязок и шапочек, который гармонично завершал ансамбль костюма и превращал девушку в цветок.

Взросление было связано со следующим значимым этапом, который был связан с множеством ритуалов. Свадебное действо меняло внешний облик девушки. Костюм невесты олицетворял три ипостаси: девушка, молодуха, женщина. После сговора и до обряда венчания девушка облачалась в самый нарядный обряд девичества. Перед венчанием одежда становилась траурной. Плач невесты, ее символическая смерть — это переход из одного семейного рода и возрождение в другом в качестве женщины. Наиболее полный и красивый костюм невеста надевала на второй день свадьбы. Этот костюм отличается насыщенной вышивкой с добавлением покрывающих элементов: боковых полотенец, нагрудных подвесок.

После замужества главным символом изменения семейной роли выступает головной убор, его смена была обставлена обрядовыми действиями. После свадьбы невеста обязана спрятать свои волосы под женским каркасным головным убором. До появления первого ребенка или по истечению шести месяцев головной убор покрывал голову как женский, но имел отделку, характерную для девичьих повязок и налобников, т. е. это переходный тип головного убора. Кульминацией развития традиционного костюма является окончательная смена головного убора на женский. Данный комплекс костюма является наиболее полным, богатым, насыщенным деталями и отделкой.

С возрастом постепенно костюм упрощается, становясь все более рациональным. К 35—40 годам большинство женщин меняет головной убор на тот, который положено носить пожилым, также уменьшается количество вышивки, ее тон становится темнее, а рисунок — разреженной. Из нагрудных украшений остается минимальный набор из бус и сьлгама.

В костюме невесты или молодой замужней женщины, который можно рассматривать как выразитель наиболее полного завершеного ансамбля, заметно желание скрыть индивидуальные особенности строения тела, уровнять, обобщить. В традиционной культуре мордвы нет представлений,

взаимосвязи плодовитости и индивидуальных физических особенностей, а также нет смысла в их демонстрации. Напротив, костюм всячески пытается укрыть, а значит защитить от постороннего, недоброго то, что интимно, сакрально. Однако детали костюма, орнамент, украшения ярко звучат, привлекая к себе основное внимание. Возможно, это связано с тем, что они также призваны оградить и содействовать в продолжении рода как главной и наиболее значимой функции женщины. Таким образом, возникает необходимость в усилении декорировки костюма молодой женщины, не родившей еще детей.

Следует отметить стереотипы значимых качеств женщины, сложившихся в культуре, — трудолюбие, здоровье и плодовитость. Костюм должен был подчеркивать силу женщины. Эту задачу решали широкий туникообразный покрой рубахи (в некоторых случаях несколько рубах, одетых одна на другую), объемный головной убор и плотно намотанные онучи на ногах, в которых ноги должны были выглядеть ровными, словно «стволы березы».

Первостепенная важность такого качества для женщины-мордовки, как сила, подтверждена документально. Примером может служить «Указ Правительствующего Сената XVIII в., где отмечалось наличие браков малолетних мальчиков 8—12 лет, на девушках 20 и более лет. Объяснялось это стремлением родителей жениха путем женитьбы сына получить дополнительные рабочие руки, а родители невесты стремились, как можно дольше удержать дочь в своем доме»⁵. В трудовые обязанности женщины, помимо домашнего хозяйства и воспитания детей, входило и ведение земледельческих работ. Этот факт нашел широкое отражение в фольклоре, художественной литературе и исследованиях.

Немалозначимым является тот факт, что костюм может выражать характер, мастерство и умение его носительницы. Практические навыки правильного одевания традиционного костюма формируется уже с 5—7 лет, и опрятность, которая должна зародиться здесь, будет сопутствовать женщине всю ее жизнь. Однако это не самый значимый фактор выражения мастерства. Высаживание, обработка, уборка льна и конопли, приготовление кудели — подготовительный этап зарождения костюма. Далее следовал долгий период прядения нити и ткачества холста. Были такие подготовительные этапы, как

беление холстов и подготовка, крашение нити для будущей вышивки. Затем следовало самое главное умение — способность красиво, аккуратно и технически интересно вышивать. Это качество высоко ценилось, поэтому с течением времени костюм начинает насыщаться большим количеством вышивки, что могло говорить о высоком мастерстве и трудолюбии. Еще одним мотивом развития орнаментального декора является факт соперничества. О том, как соткан холст или какова вышивка на нем, многое можно сказать о женщине. Так, в песне о Литове точка холста сравнивается с бумагой, где тонкий холст может служить показателем высокого мастерства:

Рукоделье у ней в руках,
Рукоделье на коленях,
Точно казанская бумага, ее холст,
Словно казанская бумага, ее полотно...⁶

Важным моментом, связанным с заменой характерного, традиционного текста культуры, повлиявшем на постепенное изменение женского традиционного комплекса костюма мордовки, является момент пересмотра роли женщины в обществе. Конец XIX — начало XX в. — это период перестроек и реформ, развития промышленности и городов. Это время характеризуется пересмотром ценностных установок семейного уклада. Количество больших многопоколенных семей (3—5 поколений) постепенно сокращается в пользу малой формы (1—2 поколения). Распад большой семьи с традиционным укладом ведет к пересмотру роли и статуса женщины. В малой семье половозрастное разделение труда не носило столь четко выраженного характера, как было ранее. Теперь функционально-трудовые обязанности мужа и жены тесно переплетались и взаимно дополнялись. Женщина в малой семье не только осуществляла все домашние работы, но и порой принимала участие в воспроизводстве необходимого продукта, как и мужчина. Традиционные ценностные установки (женственность и премудрость) подменялись выносливостью и наличием широкого трудового навыка, что не могло не повлиять на образ женщины-мордовки. Мягкость формы, гармония и целостность традиционного комплекса костюма постепенно заменяются удобством лаконичностью и простотой.

Таким же важным фактором изменения костюма является проникновение в крестьянскую среду тканей и других материалов промышленного производства. Традиционные каркасные полотняные головные уборы, которые не были удобными в новых условиях, заменяются покупными платками. Меняется крой костюма, появляются дополнительные тона и полутона в вышивке.

Пересмотр ценностей института семьи и роли женщины сказался в последовательной утрате идеологических систем. Процесс социализации подрастающего поколения ранее происходил внутри семьи, где постепенно прививались любовь и уважение к культурному наследию народа, в том числе и к костюму, осмыслению его роли, значимости и пониманию его контекста. В малой семье новые ценностные установки стимулируют процесс ассимиляции национальной культуры. Если ранее женский традиционный комплекс костюма являлся выразителем многих моральных качеств его носительницы, то теперь происходит замена контекста. Костюм уже не говорит о трудолюбии, мастерстве и умении и может быть изготовлен не вручную и даже не женщиной, которая его носит. Начинают стираться традиции, которые ранее говорили о возрастном и семейном положении женщины. Главная ценностная категория «женщина в костюме» эволюционирует в «костюм на женщине». Содержание культурного кода женского костюма мордвы XX в. менее многозначно, не обладает жесткими рамками и ограничениями, впитывая новое, более доступное.

Угасание этнического самосознания стимулировало процесс упрощения народной одежды, где значимым критерием выступала его функциональность. Яркими тенденциями в 30—50-х гг. XX в. для костюма разных народов, в том числе и мордвы, стали активное заимствование этнических элементов, переплетение сельских и городских черт. В 60-х гг. все более заметно было уменьшение приверженности мордвы к традиционной национальной одежде. «При этом особой популярностью пользуются переходные, почти компромиссные формы одежды: городской костюм с элементами национального и национальный с элементами городского»⁷. Несмотря на значительные социально-экономические изменения, высокий культурный этнообмен, традиционный костюм существует как элемент национальной

культуры. Женский традиционный костюм мордвы XX в. сохраняется в сфере обрядовой жизни, носится, как правило, в праздники.

Трансформация традиционного уклада жизни, сложившегося многими поколениями, ценностными установками, неизменно ведет к изменению этносимволов в различных их проявлениях. Такие потери приводят к возникновению путаницы в прочтении ментальных, этнических и социальных кодов, составляющих ядро культуры любого народа. Таким образом, необходимым является широкое всестороннее изучение и фиксирование кода культуры, повлиявшего на формирование особенностей этнической традиции, в том числе и на женский комплекс костюма мордвы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мечковская Н.Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура. М.: «Академия», 2004. С. 82.

² Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М.: 1992. С. 103.

³ Мордва. Очерки по истории, этнографии и культуре мордовского народа / гл. редкол.: Н.П. Макаркин (гл. ред.), А.С. Лузгин, Н.Ф. Мокшин. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2004. С. 936.

⁴ Мордовский народный костюм: [альбом / авт.-сост. Т.П. Прокина; пер. на англ. яз. Н.Н. Плеханова; фот. Б.А. Тишулин]. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2007. С. 20.

⁵ Мордва. Очерки по истории, этнографии и культуре мордовского народа ... С. 416.

⁶ Устно-поэтическое творчество Мордовского народа / общ. ред. И.К. Ижеватова, Э.В. Померанцева. Саранск: «Красный октябрь», 1963. Т. I. С. 50.

⁷ Мордва. Очерки по истории, этнографии и культуре мордовского народа ... С. 313.

Поступила 05.10.09.

Т. А. ШИГУРОВА

РИТУАЛЬНЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОСТЮМ КАК СПОСОБ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЕГО ВЛАДЕЛЬЦА

Ключевые слова: свадебный обряд, традиционный мордовский костюм, ритуальная функция, социально-культурная идентификация

Key words: wedding ceremonial, traditional Moravian costume, ceremonial function, social and cultural identification

Традиционная одежда — важная составная часть богатого культурного наследия мордовского народа. Невидимые прочные нити связывают ее с духовной жизнью этноса, со сложными процессами внутренних поисков и изменений в этических и эстетических нормах, в психологии бытового поведения, в мифологических и мировоззренческих основах.

Вплоть до конца XIX в. традиционный костюм оставался одним из объединяющих факторов материальной и духовной культуры мордвы: он идентифицировал его носителей среди других народов на территории Среднего Поволжья, фиксировал осознание ими своей принадлежности к конкретному субэтносу: мордве-мокше или мордве-эрзе. Этническая идентичность как часть социально-культурной идентичности — «это не только принятие определенных групповых представлений, готовность к сходному образу мыслей и разделяемые этнические чувства. Она также означает построение системы отношений и толерантность действий в различных межэтнических контактах»¹.

Мужской свадебный костюм, используемый во второй половине XIX в. родственниками жениха у мордвы, включал в себя одежду, обувь, прическу, украшения и другие аксессуары, искусственно изменяющие физический облик

ШИГУРОВА Татьяна Алексеевна, старший научный сотрудник кафедры культурологии, этнокультуры, театрального искусства Мордовского государственного университета, кандидат исторических наук.

человека. Важнейшее значение имел комплексный подход к формированию наряда: выбор каждого элемента национального костюма и функционирование его в обычаях и обрядах были далеко не случайными и порой совершенно необъяснимыми лишь какими-то практическими соображениями. Чтобы понять использование тех или иных предметов костюма в мордовской обрядности, необходимо представить конкретного человека, жившего в определенный исторический период, узнать его возраст, материальное положение, социальный статус, а также его внутренний мир. В центре внимания должен быть человек и его отношение к своей одежде, отдельным ее элементам: как он создает костюм, видоизменяет его, использует в разных ситуациях. Интерес представляют и отношения между людьми, опосредованные одеждой: воздействие костюма на настроение участников свадебного обряда, особенности форм поведения мужчин со стороны жениха.

К сожалению, в рассматриваемый период традиционный мужской костюм мордвы почти не сохранил старинных форм, имевших этническую специфику. В связи с этим остановимся на деталях, присущих обоим субэтносам (мордве-мокше и мордве-эрзе) и подчеркивающих ритуальный характер ансамбля. При этом особое внимание сосредоточим на локальных и субэтнических особенностях рассматриваемого костюма.

Поведение всего коллектива на свадьбе подчеркивало особый смысл происходящего, для чего требовались яркие выразительные средства. Участники свадебного обряда выделялись либо специальной праздничной одеждой, либо ритуальным усложнением (украшением) отдельных элементов традиционного костюма. Родственники жениха, выполняющие обязанности организаторов сватовства, надевали свою лучшую одежду, дополняя ее необходимыми магическими действиями: обвязывали себя нитками, клали монеты под пятку, втыкали иголки в верхнюю одежду. Обязательными для них были шерстяные или меховые перчатки. Во время свадеб-самокруток родственники не меняли одежду, какой бы она ни была — старой или ветхой, чтобы не внести нежелательных изменений. Очень важную роль в мордовском свадебном обряде играли полотенце, холст, платки, ленты, кисточки из шерстяных нитей. В целом использование

одежды участниками свадебного обряда имело синкретичный, полифункциональный характер, что соответствовало социальному статусу владельца и выполняемым ритуальным действиям. Наиболее ярко проявлялись информационно-знаковая, охранительная и магическая функции одежды. Важным было и создание с помощью элементов традиционного мордовского костюма определенного настроения у присутствующих — праздничного, боевого, воинственного, шуточного, уважительного и т. п.

Общеизвестно особое внимание мордовского населения к своему праздничному и ритуальному костюму. Свадьба близкого или дальнего родственника считалась важнейшим событием в жизни людей. Заинтересованность в этом событии всей большой патриархальной семьи подтверждают обычаи подробного коллективного обсуждения качества и количества используемой в обряде одежды, совместного ее изготовления, демонстрации и укладывания приданого, тщательного соблюдения всех традиций и народных примет. Все участники свадьбы (особенно жених и невеста) выделялись специальной одеждой либо ритуальным усложнением и украшением ее праздничного варианта. Комплекс разнообразных ролей, выполняемых свадебной одеждой, можно охарактеризовать как ритуальную функцию, идеальное соответствие конкретному ритуалу, некоей уникальной единичной ситуации, особенно важной в жизни человека и общества.

Семья жениха в лице невесты приобретала новую молодую здоровую работницу, продолжательницу рода и в этом смысле являлась наиболее заинтересованной стороной в благополучном развитии событий². С другой стороны, не могло не вызывать опасений и осознание последствий вхождения в дом чужого человека. Ответственность за продолжение рода служила источником сложного драматического обряда мордовской свадьбы. Мужчины со стороны жениха принимали в нем активное участие.

Каждый участник сватовства, заранее настраиваясь на удачу, обматывал себя (под шубой) белыми нитками или лентой, что означало верный путь (аналогично тому, как клубок ниток в сказках ведет героя к цели). Использование нити было залогом успеха, способствовало формированию чувства уверенности в достижении цели у участников ритуала. Члены семьи жениха перед сватовством клали монету

под пятку (символ приобретения), в зипуны втыкали иголки, создавая чувство защищенности. Подобные ритуальные действия были широко распространены у народов Среднего Поволжья как своеобразная охранительная мера. Вслед уходящим бросали старый лапоть, надеясь, что насколько он слаб и мягок, таким же будет мягко и слабо сердце родителей избранной девушки.

Обязательным атрибутом участников сватовства были шерстяные или меховые рукавицы или перчатки, выступающие в качестве стимулирующего фактора в предполагаемом благосостоянии молодых. В некоторых селах меховую шапку и рукавицы было принято бросать под ноги невесты в доме жениха. Например, в Саранском уезде, когда невеста-эрзянка начинала сходить с кибитки «он-авы» (э.), братья кидали ей под ноги свои рукавицы.

После сватовства одежда присутствующих родственников жениха должна была выполнять информационную функцию, отражая их новое положение: дары невесты выставлялись напоказ, чтобы жители села по их наличию могли догадаться о положительном результате предпринятого мероприятия. Для этого тут же надевались рубахи, прикреплялись к поясу платки, перекидывались через плечо отрезки холста, опоясывались ими или завязывали их узлом на дугу. Все эти предметы были рассчитаны на зрительное восприятие и узнавание каждого участника обряда, выполняющего ту или иную ритуальную роль. В мокшанских песнях сватов так и называли «тюжа лямкат каннихть» (желтые лямки носящие). Кроме того, воспринятая информация способствовала «прочтению» будущих событий. Обязательным для многих народов было дарение ближайшим родственникам новобрачного орнаментированных полотенец или холста, даже если им предназначались и другие, более дорогие вещи. В большинстве районов с русским населением сваты, отправляясь в дорогу, надевали полотенце через плечо. У украинцев полотенце сватам и жениху надевала сама невеста в знак согласия на брак.

Часто в мокшанском свадебном фольклоре одежда сватов получала комическую характеристику: шуба старшего свата — «кулдор-калдор» (кое-какая), «катонь кедень» (из меха кошки), рубашки — «левожень» (мочальные), лапти — «тюрь-тять» (рваные). Подруги невесты и девушки из рода жениха пели корильные песни:

«Кудат, кудат, эх, кудат, Цюгун потмакс шаманте, Калад кептерь вазенте, Тувонь нюрьги пиленте».	«Сваты, сваты, эх, сваты, Ваши лица, как дно чугуна, Ваши шапки — ободранные корзины, Ваши уши висят как у свиней» ³ .
--	--

При этом никто не обижался. Используемый символический прием шутки по отношению к одежде имел целью создать веселое настроение у присутствующих во время ритуала.

Отправляясь в день свадьбы в дом невесты, родственники жениха надевали самую лучшую традиционную праздничную одежду, в описаниях которой упоминаются белый цвет «акша панар», звенящие украшения или одежда «читорды кямонь», дорогая и красивая одежда «мазы парсей паця». Богатый наряд поезжан, символизирующий благополучие всего рода, находил отражение в соответствующих песнях:

«Мейсэ пурны сватанок, Аирасо-бархатсо, Од стамедной кушаксо, Сэрь кочкаря кемнесэ, Подрячикень шапкасо».	«Во что одеваается наш сватушка? В шелк, бархат, Новый шерстяной кушак, Сапожки на высоком каблуке, Шапка как у подрядчика» ⁴ .
---	--

Поверх кафтана мужчины надевали белую распашную одежду («балахон», «шушпан», «руця»), опоясывались праздничным поясом с красными кистями, а к кушаку сзади привешивали полотенце с шерстяной бахромой и кистями красного, желтого и голубого цвета. Кроме того, «кудат» имел повязанный через плечо широкий кушак, белый холст или красный платок.

Ритуальный характер был свойствен меховой одежде:

«Вай, кодат кудат кучтано, Весе ве дубань шубасот, Кудряв барашкань шапкасот».	«Ой, каких мы поезжан пошлем, Все в шубах дубленых, Все в шапках барашковых» ⁵ .
--	---

Мех был показателем не только престижа, но и богатой жизни, поэтому поезжане не снимали меховую одежду, входя в избу. Подруги невесты стремились завладеть шапками, чтобы украсить их цветными лоскутами, лентами, бубенчиками или кистями из разноцветных шерстяных и шелковых нитей. В с. Сузгарье нашивали определенное количество кистей: дружке — 5, полдружке — 4—3, старикам — 1,

молодым — по 2—3. За каждую кисточку родственники жениха должны были заплатить 10 коп. В некоторых селах девушки плясали в шапках поезжан.

Родственницы невесты одаривали поезжан холщовыми платочками с красной каймой. В 1905 г. в Симбирских губернских ведомостях писали: «В заключение всего дружка опоясывается почему-то сверх кушака полотенцем»⁶. Иногда говорили при этом: «Подарок дарим шелковый, взамен просим целковый». Использование полотенца на свадьбе выполняло функции информации и оберега одновременно.

Наряжали не только себя, но и повозки. И в первую очередь кибитку для невесты. Ее покрывали белым холстом, вниз стелили сено или пуховую перину. При украшении подвод «свадебного поезда» вновь широко использовались полотенца: ими украшали дуги. Гости и поезжане собирались с утра в день свадьбы на лошадях, украшенных лентами, разноцветными нитками, колокольчиками, бубенцами и погремушками; сколько домов-участников — столько и повозок. В мокшанской песне есть такое описание украшения коней: «Под дугой повязаны колокольчики, на коней накинута шлей блестящие»⁷. Колокольчики и погремушки являлись обязательным атрибутом свадебного поезда. Они привязывались к дуге и создавали своеобразный музыкально-шумовой фон, что способно было, по поверью, отгонять злую силу. При этом чем больше было колокольчиков, бубенчиков и погремушек, тем богаче считалась свадьба. Обращаясь к родственникам, девушки пели:

«Штада-нардада аруняста, Щада-каряда козяняста, Симтьфт-антфт улест лишмонте, Улест коряйхть пайгонте...».	«Умойтесь, оденьтесь получше, Одевайтесь богато, Чтобы сыты были ваши кони, Чтобы звонки были ваши колокольчики» ⁸ .
---	--

Совершенно иным было отношение участников свадьбы к своей одежде во время свадеб-самокруток⁹. Близкие родственники, приглашаемые неожиданно поздно вечером или ночью для участия в свадебном обряде и одевающиеся второпях, не решались заменить обувь или рубашку, какими бы они ни были плохими: «не меняют одежды, какой бы она ни была, и бывает, что один лапоть новый, а другой — старый, но это не смущает мордвина»¹⁰. Вероятно, какая-либо перемена в костюме, по существовавшим

представлениям крестьян, могла внести нежелательные изменения в исполняемый ритуал, а также навредить или испортить затеваемое дело.

Все родственники (независимо от собственного желания) добросовестно выполняли возложенные на них обязательства. Важную роль в создании праздничного настроения, «боевого» поведения, решительности играли атрибуты традиционного ритуального костюма. Значимыми символами во время исполнения ритуала были простые, неприметные вещи, повседневно используемые человеком в быту, не всегда, может быть, эстетичные по своему облику: сковорода, нож, пища, судомойка, веник и т. п. При этом отсутствие в обряде тех или иных необходимых предметов воспринималось как совершенно недопустимое, поскольку в народной культуре одни из них обладали силой магического воздействия, другие — функцией оберега, третьи участвовали в свадебном обряде в качестве особых знаков уважения к невесте / жениху и их роду.

Родственникам жениха отводилась также функция символической передачи информации ее владельцу. Например, дружка поверх распашной одежды опоясывался полотенцем, подаренным невестой, а на грудь прикреплял застёжку-сюлгаму вместе с кольцами жениха и невесты, что должно было априори способствовать укреплению брака, неразрывности двух жизней даже в случае болезни или несчастья.

Большое внимание в ходе свадьбы уделялось причёске участников обряда. Девушки мазали поезжанам волосы растительным маслом и расчесывали гребешком, приговаривая:

«Ойсэ пирят вадьсынек.	«Маслом помажем голову тебе.
Ойме ладсо валанясто кортамо,	Чтоб разговор шел, словно по маслу,
Валонь-келень муеме...».	Чтобы словечки найти нужные» ¹¹ .

Таким образом, внешний облик и поведение всего коллектива во время свадьбы отражали значительность и торжественность ситуации. Обязательным было соблюдение полноты костюмного комплекса: даже в жаркий летний день одежда была многослойной, содержала обилие украшений, характерных для данной местности. Ценность традиционного мордовского костюма определялась его назначением, функ-

циональной нагрузкой. Многоликость ритуальной функции традиционного костюма мордвы-мокши и эрзи отражала своеобразие и богатство культурной жизни этноса, закрепляясь в определенной знаковой и символической предметности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Воронина Н.И. Города и люди: культурная идентичность. Саранск, 2008. С. 16.

² См.: Шигурова Т.А. Символика традиционной мордовской одежды (на примере свадебного ритуала «той» / «питне») // История, образование и культура народов Среднего Поволжья: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Саранск, 1997. С. 143.

³ Девяткина Т.П. Мокшанские свадебные обряды и песни: (в прошлом и настоящем). Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1992. С. 64.

⁴ Устно-поэтическое творчество мордовского народа: в 8 т. Т. 6. Ч. 1. Эрзянская свадебная поэзия. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1972. С. 96.

⁵ Там же. С. 193.

⁶ Г. Вл. Мордовская свадьба (очерк) // Симбир. губ. ведомости (отд. офиц.). 1905. № 7—8. С. 190.

⁷ Девяткина Т.П. Свадебные обряды и песни мордвы (мокши и эрзи). Восточнофинно-угорский контекст: учеб. пособие. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1995. С. 26.

⁸ Устно-поэтическое творчество мордовского народа: в 8 т. Т. 6. Ч. 2. Мокшанская свадебная поэзия. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1975. С. 240.

⁹ См.: Шигурова Т.А. Традиционный костюм мордвы в свадебных обычаях и обрядах. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2008. С. 46.

¹⁰ Географо-этнографический очерк мордовского села Скафтым Кузнецкого уезда Саратовской губернии // Архив Русского географического общества. О народностях Европейской России. Разр. 53. Оп. 1. Д. 31. Л. 14.

¹¹ Устно-поэтическое творчество мордовского народа: в 8 т. Т. 6. Ч. 1. С. 96—97.

Поступила 22.07.10.

Юбилей ученого

8 октября 2010 г. исполнилось 80 лет известному ученому-историку, педагогу и общественному деятелю Республики Мордовия Льву Герасимовичу Филатову.

Он родился в семье учителя, окончил Саранскую школу № 9 (первую мужскую) с золотой медалью. Он поступил на исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. В 1954 г. после окончания главного вуза страны Л. Г. Филатов работал учителем истории в средней школе № 17 г. Саранска, затем стал старшим лаборантом кафедры истории СССР МГПИ им. А. И. Полежаева. В 1955 г. Лев Герасимович становится научным сотрудником сектора истории МНИИЯЛИЭ. Здесь Л. Г. Филатов готовит к защите кандидатскую диссертацию «Железнодорожники московско-казанской дороги в первой русской революции». После ее успешной защиты (Москва, 1962 г.) Филатов преподавал историю в МГПИ им. М. Е. Евсевьева.

С 1974 г. Филатов 17 лет работает заведующим кафедрой истории КПСС Мордовского университета. В этой ипостаси Лев Герасимович стал доктором исторических наук, защитив диссертацию на тему «Борьба большевистской партии за развитие революционного движения железнодорожников России. 1895—1914 гг.» (1984 г.), и профессором (1985 г.).

Значительная работа, проделанная Л. Г. Филатовым по развитию науки в республике, не осталась незамеченной. В 1986 г. он был награжден орденом «Знак Почета», в 1990 г. ему было присвоено звание заслуженного деятеля науки МССР.

После распада СССР Лев Герасимович стал профессором кафедры истории Отечества, переключившись на проблематику общественных движений и политических партий в России до 1917 г., а также реформ и контрреформ в стране. Новый виток в научной карьере Филатова начинается в 2008 г. Лев Герасимович переходит работать на должность ведущего научного сотрудника в отдел истории ГУ НИИ ГН при Правительстве РМ — в учреждение, в котором более полувека назад он сделал первые шаги в науке.

За более чем 55-летний период научной работы Филатовым было опубликовано свыше 200 научных и учебно-методических работ, среди них — три монографии, четыре учебника по истории для средней школы, несколько глав в учебниках по истории Отечества для вузов, отдельные главы в фундаментальном исследовании «История Мордовской АССР». Следует отметить, что он первым из историков Мордовии стал публиковать статьи в журнале Академии наук «История СССР» (сейчас он носит название «Отечественная история»). Не меньшее умение он показал и в жанре научной критики.

Лев Герасимович Филатов много времени уделяет учебе и воспитанию молодого поколения ученых. Он первым из историков Мордовии создал свою научную школу, которая существует благодаря его идеям, реализуемым его учениками. Иначе не стали бы учеными в разное время около тридцати его аспирантов. Его ученики умело сочетают переданные им исследовательские традиции с собственными оригинальными новациями. Научно-педагогическая деятельность профессора Л. Г. Филатова является наглядным примером истинного, беззаветного служения избранной профессии и преданной любви к науке, народному образованию.

Коллеги по работе и благодарные ученики

АННОТАЦИИ

Д. В. Давыдов. Симметрия и асимметрия в устройстве федеративного государства.

В статье дан анализ многообразия проявлений федеративной асимметрии, ее видов, способов возникновения и установления, а также преимущества и рисков от наличия элементов асимметрии в федеративной системе. Рассмотрена степень изученности проблемы в современной политической науке.

И. Г. Напалкова. Взаимодействие центра и национальной периферии Российской империи.

В статье дан анализ практики освоения присоединенных земель к Российской империи, особенностей взаимодействия в системе «центр — национальная периферия», выстраивания региональной имперской инфраструктуры.

М. В. Кирчанов. Региональная модель политического развития в Российской Федерации.

В статье анализируется эволюция направлений развития политического дискурса в Чувашской Республике как субъекте Российской Федерации в 1990-х — начале 2000-х гг.

М. Н. Казакова. Региональные приоритеты национальной безопасности России: внешнеполитическое измерение.

В статье рассматривается трансформация внешнеполитических интересов России в 1990-е — 2000-е гг., а также представлены важнейшие современные стратегические ориентиры.

С. И. Малоземов. Механизмы реализации и последствия нижегородской модели аграрной политики России.

В статье анализируется нижегородская модель аграрной политики России, разработанная и финансируемая иностранными экспертами и финансовыми структурами, поддерживаемая и реализуемая российскими политиками. Рассматривается механизм приватизации земли и реорганизации хозяйств Нижегородской области, делается вывод об ошибочности проводимого курса аграрной политики, приведшей к существенному снижению эффективности сельского хозяйства.

Е. А. Пономарева, А. С. Царьков. Проблемы и направления стратегического планирования развития территориальных образований.

В статье изложен метод стратегического планирования развития территории, позволяющей за достаточно короткое время решать проблемы ее внешней интеграции в окружающее пространство, а также устранения внутренней дезинтеграции различных групп населения. На примере муниципального района рассмотрен процесс формирования дорожной карты из проектов, обеспечивающих плановый процесс достижения желаемых результатов в посткризисной ситуации.

С. Г. Четошников. Использование региональных целевых программ в решении социальных проблем сельско-городских территорий.

В статье осуществлена попытка анализа региональных целевых программ как инструмента социального развития Кемеровской области. Проблема использования программно-целевого подхода на региональном уровне конкретизируется применительно к решению социальных проблем сельско-городских территорий.

Л. Р. Батукова. Оценка уровня инновационности инвестиционных проектов.

Представлены методические подходы к оценке уровня инновационности инвестиционных проектов, продемонстрирована принципиальная возможность измерения

инновационности разнородных объектов и систем, а также создания системы сравнения разнородных объектов по параметру «инновационность».

И. Н. Крутова. Диверсификация риска ставки процента по инвестиционному кредиту в АПК регионов.

Представлена методика минимизации риска ставки процента путем вычисления средневзвешенной минимальной ставки процента по кредиту в регионах Российской Федерации.

Е. Н. Мальченков. Эффективность инвестиционной деятельности в регионе.

Осуществлена попытка анализа инвестиционной деятельности производственной сферы Республики Мордовия, предпринята попытка оценки эффективности инвестиций в современных условиях.

С. С. Кулаков, О. Г. Кулакова. Развитие системы менеджмента качества в регионе.

Обосновывается необходимость формирования и использования менеджмента качества на промышленных предприятиях страны, отмечается положительный опыт Республики Мордовия в этом отношении.

М. М. Гудов, Э. Р. Цулая. Финансовые аспекты реализации программ социального развития села.

В статье исследуются проблемы исполнения расходных обязательств, принятых государством в рамках целевых программ, реализация которых затрагивает вопросы социального развития сельских территорий. Выявлены слабые места системы финансового обеспечения социального развития села, предложен ряд мероприятий, способных устранить обозначенные негативные явления.

Н. А. Скворцова, Е. В. Потапова. Развитие интеграционных процессов в звеньях региональной хозяйственной системы.

В статье рассмотрено экономическое содержание интеграции в звеньях региональной хозяйственной системы, показано последовательное формирование и распределение доходов на каждом из этапов процесса воспроизводства. Изучены внутренние и внешние экономические факторы интеграции, выделены основные причины экономической эффективности от вложения инвестиций в региональный комплекс.

О. А. Барашков. Региональная и отраслевая специфика использования финансового лизинга в инвестиционных процессах.

Рассмотрены возможности использования финансового лизинга в инвестиционных процессах, отражены региональные и отраслевые особенности применения лизинговых схем, выявлены и идентифицированы наиболее интересные тренды и тенденции в развитии финансового лизинга как перспективного инструмента осуществления капитальных вложений, а также причины и факторы, определяющие современное состояние этого сегмента финансового рынка.

Р. В. Некрасов. Использование механизмов государственно-частного партнерства при формировании кластеров в АПК региона.

Рассмотрены роль и функции сетевых организаций в обеспечении устойчивого развития и повышения конкурентоспособности кластеров. Обоснована необходимость использования механизмов государственно-частного партнерства для активизации взаимодействия государственной власти и бизнеса в процессах формирования и развития кластерных структур. Предложены политические и экономические проекты государственно-частного партнерства, способствующие формированию картофелепродуктового и овощного кластеров в Самарской области, и модель их реализации.

Е. В. Ненюкова. Повышение эффективности производства продукции свиноводства как фактор обеспечения продовольственной безопасности региона.

В статье рассматриваются проблемы повышения эффективности производства продукции свиноводства, показана ее определяющая роль в обеспечении продовольственной безопасности Республики Мордовия. Осуществлен анализ современного состояния свиноводства в республике, что позволило выявить основные резервы повышения его эффективности и определить параметры производства свинины на перспективу.

Л. В. Инюткина. Основные продуктовые стратегии фармацевтических производителей.

В статье рассмотрены основные продуктовые стратегии производителей фармацевтической продукции: разработка, производство и маркетинг оригинальных лекарственных препаратов и копирование лекарственных средств, вышедших из-под патентной протекции. В результате выявления недостатков указанных путей развития предложена комбинированная продуктовая стратегия, адаптированная к возможностям большинства отечественных фармпроизводств. Ее реализация позволит повысить их конкурентоспособность.

Н. В. Баулина. Ипотечное земельное кредитование в мордовском крае в конце XIX — начале XX в.

Анализируется история ипотечного земельного кредитования в мордовском крае в конце XIX — начале XX в. посредством Крестьянского поземельного банка. Выявлены достоинства и недостатки реформирования общинной российской деревни того периода.

В. Г. Арискин. Программно-целевой подход в решении задач научно-инновационного развития региона.

В статье обосновывается необходимость использования программно-целевого подхода в решении задач научно-инновационного развития Республики Мордовия, представлены различные сценарии инновационной направленности развития региона.

Т. В. Какатунова. Организация взаимодействия субъектов инновационной среды региона.

Определено место ИТ-технопарк виртуального типа в региональной инновационной инфраструктуре, рассмотрено понятие ИТ-технопарк виртуального типа, приведена общая процедура организации взаимодействия субъектов инновационной среды региона на базе ИТ-технопарк виртуального типа.

С. А. Щанкин, Д. А. Колосков. Перспективы инновационного развития региона в условиях преодоления экономического кризиса.

Анализируется состояние инновационной сферы Республики Мордовия в условиях преодоления экономического кризиса, отражены структурные составляющие инновационной системы региона и последовательность этапов ее становления, центральным элементом которой будет являться технопарк.

О. В. Козина. Проблемы развития социально-педагогической компетентности преподавателей среднего профессионального образования в регионе.

Дано определение понятия «социально-педагогическая компетентность» преподавателя. На основе результатов тестирования и опроса преподавателей среднего профессионального образования делается вывод о необходимости повышения их социально-педагогической компетентности.

О. В. Фонова. Внедрение двухуровневой схемы регионального бюджетного финансирования начального и среднего профессионального образования.

Предлагается внедрение двухуровневой схемы регионального бюджетного финансирования начального и среднего профессионального образования как способа снижения неэффективных расходов системы образования. Показаны преимущества этой системы по сравнению с применяемой.

А. С. Дудкин. Параметры и индикаторы доступности получения образования для детей-инвалидов в регионе.

В статье приведены общие результаты проведенного в Пензенской области исследования проблем инклюзивного образования, предложена группа индикаторов количественной и качественной оценки доступности образования детей-инвалидов. Описываются особенности параметров доступности, отмечается межведомственный и региональный характер применения индикаторов в диагностических и реабилитационных целях.

Н. В. Проказина. Развитие массового уровня социологической культуры в регионе.

В статье рассматривается массовый уровень развития социологической культуры в Орловской области, оцениваемый как «поверхностный». Предложена классификация «поверхностного» уровня социологической культуры, на основе результатов социологического исследования выявлены социальные группы, поддерживающие в регионе различные типы социологической культуры: «позитивной заинтересованности», «безразличия», «сомнения».

А. М. Нагимова. Проблемы измерения и интерпретации качества жизни населения региона.

В статье анализируются проблемы измерения качества жизни населения региона с использованием качественных методов и данных официальной статистики. Качество жизни рассматривается как комплексная характеристика условий жизнедеятельности населения, выражающаяся в объективных показателях и субъективных оценках удовлетворенности материальными, социальными, культурными и иными условиями жизни.

А. Л. Кузеванова. Ценностные принципы бизнес-деятельности в регионе: социологический аспект.

На основе результатов автор приходит к выводу о том, что диапазон ценностных принципов бизнес-деятельности в Волгоградской области характеризуется реализацией принципов полезности, самостоятельности, независимости, успешности. Отмечается, что на современном этапе наблюдается процесс ценностной дифференциации волгоградского бизнес-сообщества, обусловленный влиянием факторов, связанных с масштабом профессиональной деятельности бизнесмена, его половой принадлежностью, стажем работы в сфере бизнеса.

В. П. Бабинцев, Т. И. Морозова. Самоорганизация молодежи в обществе риска как проблема социокультурной рефлексии: региональный аспект.

Анализируется процесс различных форм самоорганизации молодежи в современном обществе в контексте проблемы социокультурной рефлексии. Значительное внимание уделено региональному аспекту самоорганизации.

А. А. Зинин. Ресурсные стратегии и притязания молодежи региона.

В статье на основе результатов социологического опроса анализируются ресурсные стратегии и ресурсные притязания молодежи Республики Мордовия, а также представления молодых людей о жизненном успехе.

Н. П. Касаткина. Социально-профессиональные ориентации учащейся молодежи региона.

Анализируются структура и содержание понятия «социально-профессиональные ориентации молодежи», приводятся данные социологического исследования, характеризующие особенности и факторы формирования профессиональных, образовательных и социальных предпочтений выпускников общеобразовательных школ Республики Мордовия.

Р. А. Сайфутдинов. Проблема типологии армейской субкультуры.

В статье анализируется армейская субкультура современной российской армии, рассматриваются основные подходы к дефиниции понятия «армейская субкультура», дается его определение, выделяются типологические черты.

В. И. Газетов. Феминизация армии: социологический аспект.

В статье анализируется процесс феминизации армии различных стран, говорится о постепенном, но последовательном росте влияния женщин на социально-профессиональные отношения в вооруженных силах.

О. А. Полухина. Потребление ИТ-услуг в регионе.

Осуществлен анализ развития и потребления ИТ-услуг в Республике Бурятия, выявлена структура затрат республики на ИТ-услуги, представлена динамика затрат на них в Сибирском федеральном округе, делается прогноз изменений в структуре рынка ИТ-услуг Бурятии.

И. О. Надточий. Научная этика в свете философии: опыт воронежской школы этики.

Статья посвящена вопросу поиска гуманитарных технологий интеграции этического знания в сферу образования. Отмечается общемировая тенденция усиления внимания к теоретическим и практическим вопросам этики, приводится пример воронежской школы этики, главный теоретический постулат которой заключается в обосновании того, что философская этика радикально отличается от научной и религиозной и является наиболее адекватной в современной образовательной практике.

О. Е. Насакин. Культура и творчество в духовной традиции России: прошлое и настоящее.

В статье исследуется роль культуры, ценностей и творчества в современной России, анализируются основные концепции творчества и ценности в российском социуме и русской религиозной философии. Творчество, ценность, традиция трактуются как основа успешного развития современной России.

О. В. Доля. Философско-антропологические вопросы воспитания и образования в работах Н. И. Пирогова.

Осуществлен анализ педагогических воззрений Н. И. Пирогова, его идей по проблемам воспитания и образования с позиций философско-антропологического подхода. Проведен сравнительный анализ его идей с идеями философов конца XIX — начала XX в.

Е. О. Колоколова. К вопросу о понятии «кооперация»: социально-философский анализ.

Статья посвящена социально-философскому анализу понятия «кооперация», гносеологии сложности и многообразия его интерпретаций с позиции синергетики с точки зрения роли и места кооперации в современном мире.

А. А. Махнин. Архитектурная среда Ярославля и Рыбинска 1930-х — 1950-х гг.

В статье раскрываются предпосылки появления сталинского ампира таких в русских провинциальных городах, как Ярославль и Рыбинск. Показана архитектурная среда советского периода 1930-х — 1950-х гг. на примере общественных зданий этих городов.

Л. А. Башинская. Обогащение художественного языка русского театра кукол под влиянием театра теней.

В статье дано определение понятия «художественный язык театра кукол», осуществлен анализ особенностей художественного языка традиционного яванского театра теней, выявлены истоки появления теневых театральных представлений в России.

В. В. Митина. Структура культурного кода женского традиционного костюма мордвы.

В статье дан анализ семиотического культурного кода женского традиционного комплекса костюма мордвы, единства женского образа и формы традиционного комплекса костюма, а также влияния кода культуры на образ, внешний облик и роль женщины в традиционной семье. Показана трансформация внешнего облика женщины, края костюма, замены деталей и элементов.

Т. А. Шигурова. Ритуальный национальный костюм как способ социально-культурной идентификации его владельца.

Рассмотрены детали традиционного мужского свадебного костюма мордвы, особое внимание уделено локальным и субэтническим особенностям свадебного костюма.

ANNOTATIONS
D. V. Davydov. Symmetry and Asymmetry in Federative State Structure.

The analysis of the diversity of federative asymmetry, its types, ways for formation and establishment as well as the advantages and risks due to the existence of asymmetry elements in a federative system are analysed in the article. The degree of knowledge of the problem in modern political science is considered.

I. G. Napalkova. Interrelation between the Centre and the National Periphery in the Russian Empire.

Practice of reclamation of lands attached to the Russian Empire, peculiarities of interrelations in the system «the centre — national periphery», formation of regional imperial infrastructure are analysed in the article.

M. V. Kirchanov. Regional Model for Political Development in the Russian Federation.

Evolution of development trends in the political discourse of the Chuvash Republic as constituent entity of the Russian Federation in the 1990 — beginning of the 2000 is analysed in the article.

M. N. Kazakova. Regional Priorities in National Security of Russia: Foreign Policy Dimension.

Transformation of the foreign policy interests of Russia in the 1990—2000 years as well as the most important modern strategic interests are considered in the article.

S. I. Malozemov. Mechanisms for Implementation and Consequences of Nizhny Novgorod Model of Agrarian Policy of Russia.

The Nizhny Novgorod model of agrarian policy of Russia developed and financed by foreign experts and financial structures, supported and implemented by Russian politicians is analysed in the article. The mechanism for land privatisation and reforming economies of the Nizhny Novgorod Region are considered; a conclusion on the incorrectness of the chosen course of agrarian policy resulting in the essential decrease in agriculture efficiency of is made.

E. A. Ponomareva, A. S. Tsarkov. Problems and Trends of Strategic Planning for Development of Territorial Entities.

Methods for strategic planning of territorial development allowing in the shortest period of time solving problems of its external integration into the environment as well as elimination of internal disintegration of different groups of population are described in the article. After the example of a municipal district the process of the formation of the road map out of projects providing planned process of the desired results achievement in the conditions of the post-crisis situation are considered.

S. G. Chetoshnikov. Application of Regional Special Programmes in Solution of Social Problems of Rural and Urban Areas.

An attempt to analyse regional special programmes as an instrument for social development of the Kemerovo Region is made in the article. The problem of the programme and purpose approach on the regional level is concretised in connection with the solution of social problems of rural and urban territories.

L. R. Batukova. Evaluation of Investment Projects Innovativeness.

Methodical approaches to the evaluation of investment projects innovativeness are represented; principal opportunity to measure innovative level of different objects and

systems as well as the formation of the system for the comparison of miscellaneous objects by the parameter of «innovativeness» are demonstrated.

I. N. Krutova. Diversification of Interest Rate Risk for Investment Credit in Agri-Industrial Complex of Regions.

Methods for minimisation of interest rate risk by means of calculation of average minimum interest rate for the credit in the Russian Federation constituent entities are presented.

E. N. Malchenkov. Investment Activity Efficiency in the Region.

An attempt to analyse investment activity in the production sphere of the Republic of Mordovia is made. Investment efficiency in the present-day conditions is evaluated.

S. S. Kulakov, O. G. Kulakova. Development of Quality Management System in the Region.

The necessity for formation and application of quality management system at industrial enterprises of this country is substantiated. Positive example of the Republic of Mordovia in this sphere is presented.

M. M. Gudov, Ae. R. Tsulaya. Financial Aspects of Implementation of Programmes for Social Development of Rural Area.

Problems of satisfaction of expenditure obligations assumed by the state in the framework of special programmes whose implementation deals with the issues of social development of rural territories are under research in the article. Weak points in the system of financial provision of social development of the rural area are brought to light; a number of arrangements aimed at the elimination of the mentioned negative features are offered.

N. A. Skvortsova, E. V. Potapova. Development of Integrative Parts of Regional Economic System.

Economic contents of the integration in the parts of regional economic system are considered in the article. Consequent formation and distribution of incomes on every stage of the process of reproduction are shown. Internal and external economic factors of the integration are studied; main reasons for economic efficiency of investments into the regional complex are accentuated.

O. A. Barashkov. Regional and Branch-Wise Specificity of Financial Leasing Use in Investment Processes.

Possibilities for financial leasing use in investment processes are considered; regional and branch-wise peculiarities for the leasing schemes application are reflected; most interest trends and tendencies in the development of financial leasing as a perspective instrument for capital investments as well as reasons and factors determining the present-day state of this segment of financial market are elicited and identified.

R. V. Nekrasov. Mechanisms for State and Private Partnership Application in the Course of Clusters Formation in Agri-Industrial Complex of the Region.

The role and functions of network organisations in the provision of sustainable development and clusters competitive ability increase are considered; the necessity for mechanisms of state and private partnership application for the activation of interrelations between the state power and business in the processes of formation and development of cluster structures is substantiated; political and economic projects of state and private partnership promoting the formation of the potato and vegetables cluster in the Samara Region as well as the model for their implementation are offered.

E. V. Nenyukova. Increase in Efficiency of Pig Breeding Production as Factor for Food Supply Security of the Region Provision.

Problems of efficiency increase in pig breeding production are considered in the article. Its defining role in the provision of food supply security of the Republic of Mordovia is shown. The analysis of the present-day state of pig breeding of the republic is carried out. It allowed determining main reserves for its efficiency increase and perspective parameters of pork production.

L. V. Inyutkina. Main Product Strategies of Pharmaceutical Producers.

Main product strategies of pharmaceutical goods producers such as development, production and marketing of original medicines and copying medicines having lost patent protection are considered in the article. As a result of the analysis of drawbacks of the mentioned ways for the development of a combined product strategy adapted to the possibilities of the majority of domestic producers is offered. The strategy will allow increasing their competitive ability.

N. V. Baulina. Mortgage Land Lending in the Mordovian Krai in the End of the XIX — Beginning of the XX Centuries.

The history of mortgage land lending in the Mordovian Krai in the end of the XIX — beginning of the XX centuries through the Peasants Land Bank is analysed. Advantages and disadvantages of the communal Russian village of the period of reforming are brought to light.

V. G. Ariskin. Programme and Purpose Approach in Meeting the Challenges of Scientific and Innovative Development of the Region.

The necessity for programme and purpose approach application in meeting the challenges of scientific and innovative development of the Republic of Mordovia is substantiated in the article. Different scenarios for innovative development of the region are offered.

T. V. Kakatunova. Organisation of Interrelations between Innovative Environment Entities of the Region.

The place of IT-technopark of virtual type in the regional innovative infrastructure is determined; the notion of IT-technopark of virtual type is considered; general procedure for organisation of interrelation between innovative environment entities on the basis of IT-technopark of virtual type is presented.

S. A. Shankin, D. A. Koloskov. Perspectives for Innovative Development of the Region in the Conditions of Economic Crisis Negotiation.

The state of the innovative sphere of the Republic of Mordovia in the conditions of the economic crisis negotiation is analysed; structural components of the innovative system of the region as well as the sequence of stages in its formation are reflected. It is underlined that the technopark will be the central element of the system.

O. V. Kozina. Problems in Development of Social and Pedagogical Competence of Intermediate Vocational Education Teachers in the Region.

The contents of the notion of «social and pedagogical competence» of the teacher are determined. On the basis of the results of tests and interrogations of intermediate vocational education teachers the conclusion on the necessity of their social and pedagogical competence improvement is made.

O. V. Fonova. Implementation of Double-Level Scheme for Regional Budget Financing of Elementary and Intermediate Vocational Education.

Implementation of double-level scheme for regional budget financing of elementary and intermediate vocational education as way for the reduction of inefficient expen-

ditures in educational system is offered. Advantages of this system in comparison to that is applied nowadays are shown.

A. S. Dudkin. Parameters and Indicators of Education Availability for Children with Limited Opportunities in the Region.

Results of the research of the problem of inclusive education held in the Penza Region are presented in the article. A number of indicators of quantitative and qualitative estimation of education availability for children with limited opportunities are offered. Peculiarities of availability parameters as well as inter-institutional and regional character of indicators application in diagnostic and rehabilitation purposes are described.

N. V. Prokazina. Development of Social Culture Mass Level in the Region.

Social culture mass level development in the Orel Region which is treated as «superficial» is considered in the article. The classification of «the superficial» level of sociological culture is offered. On the basis of the results of sociological research social groups supporting different types of sociological culture such as «positive interest», «indifference», «doubt» are determined.

A. M. Nagimova. Problems in Estimation and Interpretation of Life Quality of Population of the Region.

Problems in estimation of life quality of the population of the region with the application of qualitative methods and data of official statistics are analysed in the article. Life quality is treated as complex characteristics of the conditions for life activity of the population, expressed in objective indices and subjective evaluations of satisfaction with material, social, cultural and other life conditions.

A. L. Kuzevanova. Axiological Principles of Business Activity in the Region: Sociological Aspect.

On the basis of the results the author comes to the conclusion that the range of axiological principles of business activity in the Volgograd Region is characterised with the implementation of the principle of practicality, self-sufficiency, independence and success. It is noted that on the present-day stage the process of axiological differentiation of the Volgograd business community conditioned by the influence of factors connected with the scale of professional activity of the businessman, sexual identity, work experience in the sphere of business is observed.

V. P. Babintsev, T. I. Morosova. Self-Organisation of Youth in Risk Society as Socio-Cultural Reflection Problem: Regional Aspect.

The process of different forms of youth self-organisation in the modern society in the context of socio-cultural reflection is analysed. Significant attention is paid to the regional aspect of self-organisation.

A. A. Zinin. Resource Strategies and Ambitions of Youth of the Region.

On the basis of the results of sociological inquiry resource strategies and resource ambitions of the youth of the Republic of Mordovia are analysed in the article. Their interpretations of the notion of life success are also presented.

N. P. Kasatkina. Social and Professional Orientations of Studying Youth of the Region.

The structure and the contents of the notion «social and professional orientations of youth» are analysed, data of sociological research characterising peculiarities and factors for formation of professional, educational and social preferences of compulsory education schools graduates of the Republic of Mordovia are presented.

R. A. Saifutdinov. Problem of Army Sub-Culture Typology.

Army sub-culture of the present-day Russian Army, main approaches to the definition of the notion «Army sub-culture» are analysed in the article. Its definition is given, typological features are determined.

V. I. Gazetov. Feminisation of Army: Sociological Aspect.

The process of feminisation of the army in different countries is analysed in the article. It is reflected on the gradual but consistent increase in women's influence upon the social and professional relations in the army.

O. A. Polukhina. Consumption of IT-Services in the Region.

The analysis of the development and consumption of IT-services in the Republic of Buryatia is carried out in the article. The structure of expenses of the republic for IT-services is determined; the dynamics of the expenses in the Siberia Federal District is presented; the forecast for the changes in the structure of IT-services market is made.

I. O. Nadtochiy. Scientific Ethic in the Light of Philosophy: Experience of the Voronezh Ethic School.

The article is devoted to the issue of the search for humanitarian technologies of integration of ethnic knowledge into the educational sphere. The world tendency of concentrating attention on theoretical and practical issues of ethics is emphasized. The example of the Voronezh ethic school in this respect is given. The main theoretical postulate of the school is in the substantiation that philosophic ethics radically differs from scientific and religious and is the most adequate in the modern educational science.

O. E. Nasakin. Culture and Creative Work in Moral Tradition of Russia: the Past and the Future.

The role of culture, valuables and creative work in modern Russia is under research in the article. Main conceptions of creative work and valuables in the Russian society and Russian religious philosophy are analysed. Creative work, valuables, tradition are treated as the basis for the successful development of modern Russia.

O. V. Dolya. Philosophic and Anthropologic Issues of Up-Bringing and Education in the Works of N. I. Pirogov.

The analysis of pedagogical views of N. I. Pirogov, his ideas concerning problems of up-bringing and education from the point of view of philosophical and anthropological approach as well as comparative analysis of his ideas with those of the philosophers of the end of the XIX — beginning of the XX centuries are carried out.

E. O. Kolokolova. To the Issue of Notion of «Co-Operation»: Social and Philosophical Analysis.

The article is devoted to the social and philosophic analysis of the notion «co-operation», epistemology of the complicity and the variety of its interpretations from the position of the role and the place of co-operation in the modern world.

A. A. Makhnin. Architectural Environment of Yaroslavl and Rybinsk of 1930—1950.

Presuppositions for the appearance of the Stalin Empire style in Russian provincial towns of Yaroslavl and Rybinsk are uncovered in the article. Architectural environment of the Soviet period of 1930—1950 after the example of public buildings of these towns is shown.

L. A. Bashinskaya. Enrichment of Artistic Language of Russian Puppet Theatre under Shadow Play Influence.

Definition of the notion «artistic language of the puppet theatre» is given in the article. The analysis of peculiarities in the artistic language of the traditional Javanese shadow play is carried out. The origin of shadow plays appearance in Russia is traced.

V. V. Mitina. Cultural Code Structure of Traditional Women's Costume of Mordva.

The analysis of semiotic cultural code of women's traditional costume complex of mordva, the unity of the woman's image and form of traditional costume complex as well as the influence of cultural code on the image, visage and role of the woman in the traditional family is made in the article. Transformations of the visage of the woman, model of the costume, change of details and elements are shown.

T. A. Shigurova. Ceremonial National Costume as Way for Social and Cultural Identification of its Proprietor.

The details of man's wedding costume of mordva are considered. Special attention is paid to local and sub-ethnic peculiarities of the wedding costume.

Журнал распространяется по подписке.

Технические редакторы *Л. В. Калачина, О. В. Пьянзина*
Макет *Л. В. Калачиной*
Перевод аннотаций и ключевых слов *С. И. Лягущенко*

Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № 77-16450 от 22 сентября 2003 г. Подписано в печать 20.10.10. Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 18,6. Уч.-изд. л. 17,4. Тираж 1 000 экз. I завод — 700 экз. Заказ № 4384.

Адрес редакции: 430005 г. Саранск, ул. Б. Хмельницкого, 39а. НИИ регионологии ГОУВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева». Тел. (834-2) 47-44-51, 48-07-00; факс (834-2) 47-39-95. E-mail: redreg@mail.ru
Интернет-сайт журнала: <http://regionsar.ru>

Макет выполнен в НИИ регионологии ГОУВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева». 430005 г. Саранск, ул. Б. Хмельницкого, 39а.

Отпечатано в ГУП РМ «Республиканская типография „Красный Октябрь”». 430000 РМ г. Саранск, ул. Советская, 55а.